

**Сборник научных работ
к 50-летию
Михаила Алексеевича Безнина**

Проблемы экономической
и социальной истории:
общероссийский и региональный
аспекты (XIX–XX вв.)

К читателю

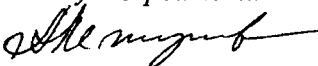
Михаилу Алексеевичу Безнину – доктору исторических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, почетному гражданину города Устюжны – в 2004 году исполнилось 50 лет.

Более четверти века деятельность М. А. Безнина неразрывно связана с Вологодским государственным педагогическим университетом. Он – проректор по науке ВГПУ, заведующий кафедрой отечественной истории, широко известный ученый, исследователь аграрной истории России. Профессору Безнину принадлежат более 100 подготовленных, вышедших с его участием и под его редакцией трудов. Большое количество его работ опубликовано в центральной печати. М. А. Безнин – бессменный главный редактор популярного продолжающегося многотомного краеведческого издания – серии альманахов «Старинные города Вологодской области».

Большим авторитетом М. А. Безнин пользуется как организатор науки. Он имеет научную школу, охватывающую несколько десятков ученых, является председателем кандидатского диссертационного совета. Возглавляемый ученым научный коллектив неоднократно был обладателем грантов крупнейших научных фондов – Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований.

Данный сборник научных трудов подготовлен учениками и коллегами Михаила Алексеевича к его юбилейному дню рождения. От имени всего коллектива Вологодского государственного педагогического университета хочется пожелать юбиляру здоровья, счастья, новых научных свершений.

*Ректор Вологодского государственного
педагогического университета*

профессор А. П. Лешуков

Михаил Алексеевич Безнин – ученый, историк-аграрник (к 50-летию со дня рождения)

Михаил Алексеевич Безнин родился 22 июля 1954 г. в городе Устюжне Вологодской области в семье рабочих. Род Безниных в Устюжне известен с начала XVII века. Е. А. Воротынцева указывает, что Безнины – древняя династия кузнецов и оружейников Устюжны Железопольской¹. Отец М. А. Безнина, Алексей Иванович, коренной устюжанин, закончил здесь десятилетку, участвовал в Великой Отечественной войне – воевал в разведке, затем в артиллерии, был демобилизован после ранения в 1944 г. Трудился после войны на заводе в Ленинграде, затем вернулся в Устюжну. Мать – Зоя Григорьевна – уроженка деревни Кузьминское Перского сельсовета Устюженского района, уехала в Ленинград еще до 1941 г., пережила там блокаду, а затем вернулась в родные места. В семье Безниных родилось двое детей – Людмила и Михаил.

Михаил Алексеевич Безнин в 1971 г. с отличием окончил устюженскую среднюю школу № 2, затем исторический факультет ЛГУ. Профессиональную деятельность историка начал учителем истории – сначала в восьмилетней, а затем в средней школе № 2 г. Устюжны.

В Устюжне М. А. Безнин женился. Супруга Лидия Ивановна стала незаменимым помощником и единомышленником во всех научных и просветительских проектах. А сегодня и дочь Елизавета продолжает семейную педагогическую традицию.

Большое влияние на профессиональное становление М. А. Безнина оказали преподаватели ЛГУ – известные ученые: И. Я. Фроянов, В. В. Мавродин, А. Л. Шапиро, В. Г. Ревуненков и другие. В 1978 г. М. А. Безнин окончил университет, успешно защитив диплом по проблеме советско-американских отношений. Несмотря на то, что научный руководитель дипломной работы З. М. Андросенкова рекомендовала продолжить обучение в аспирантуре, решил работать в устюженской школе.

В 1978 г. Петр Андреевич Колесников, заведующий кафедрой истории СССР Вологодского государственного педагогического института, долгое время работавший в Устюжне, пригласил М. А. Безнина на свою кафедру. В тот период М. А. Безнин работал заместителем директора устюженского СПТУ-8 и отпускать молодого специалиста не хотели. Тем не менее, в декабре 1978 г. он стал ассистентом кафедры истории СССР ВГПИ. Вот уже более 25 лет трудовая и научная деятельность профессора М. А. Безнина связана с университетом.

В 1981 г. М. А. Безнин поступил в аспирантуру при кафедре истории советского общества ЛГУ. Тему кандидатской диссертации выби-

рали вместе с П. А. Колесниковым, консультируясь с учеными-аграрниками И. Е. Зелениным, М. Л. Богденко. Пытаясь совместить ленинградские традиции изучения рабочего класса и вологодские исследования по аграрной истории, тему кандидатской диссертации сформулировали так: «Совхозные рабочие Европейского Севера РСФСР в годы восьмой и девятой пятилеток». Научное руководство диссертацией осуществлял профессор Н. Я. Иванов, неофициальным консультантом являлся единственный специалист по аграрной истории XX в., работавший в то время на кафедре истории советского общества ЛГУ, Ч.Э. Сымонович. В диссертации М. А. Безнина рассматривались основные направления деятельности совхозов Европейского Севера, анализировались численность и структура совхозных кадров, источники их формирования, условия и уровень жизни совхозных рабочих.

В период работы над кандидатской диссертацией сложился исследовательский почерк М. А. Безнина. Отличительными чертами его научного стиля стали кропотливая работа с трудоемкими источниками, стремление создать для изучения проблемы исчерпывающую исследовательскую базу, большое внимание к статистическим источникам, поиск оригинальных методик их обработки. В ходе работы над кандидатской диссертацией были изучены материалы 13 архивов. Кроме государственных архивов Карельской АССР, Архангельской и Вологодской областей, работа велась в текущих архивах Министерства сельского хозяйства Карельской АССР, бюро сельского хозяйства вычислительного центра статуправления сельского хозяйства Архангельского облисполкома, текущем архиве вологодского статуправления и т.д. Кроме того, для изучения состава и источников формирования были обработаны данные 1640 личных карточек работников пяти вологодских совхозов.

Защита кандидатской диссертации состоялась в 1983 г. в Ленинградском госуниверситете. Официальные оппоненты, прежде всего известный ученый-аграрник И. Е. Зеленин, высоко оценили результаты исследования и рекомендовали продолжить изучение истории совхозных рабочих в рамках подготовки докторской диссертации.

После защиты кандидатской диссертации М. А. Безнин продолжил работу на кафедре истории СССР ВГПИ сначала старшим преподавателем, затем доцентом, в 1986 г. был избран заведующим этой же кафедрой, которую и возглавляет по настоящее время. М. А. Безнин работал как на дневном, так и на заочном отделениях исторического факультета, вел курсы лекционных и семинарских занятий по истории Древней Руси, истории России XVIII в., историческому краеведению. Но основным читаемым им курсом стала история СССР, а затем России второй половины XX в. Сформировать свои подходы в преподавании курсов отечественной истории помогли исследования С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, советских историков

средневековой Руси – И. Я. Фроянова, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, А. П. Новосельцева, В. Т. Пашуто, В. И. Горемыкиной и др. Широта научного кругозора, высокая эрудиция становились основными чертами преподавательского стиля М. А. Безнина.

Наряду с преподавательской деятельностью М. А. Безнин продолжал активно заниматься научной работой. В тесном общении с ведущими учеными-аграрниками страны, прежде всего В. П. Даниловым, В. В. Кабановым, И. Е. Зелениным, И. М. Волковым, формировалась тема будущей докторской диссертации. Работа в архивах, знакомство с источниками привели к выводу о возможности постановки новаторской в исторической науке задачи – изучения крестьянского двора 1950–1960-х гг. в совокупности всех его основных характеристик. Для «колхозного» периода советской истории, когда изучались в основном коллективные формы производственной жизни, тема крестьянского двора, представлявшего «отживший» уклад, была достаточно смелой. Но конец 1980-х – начало 1990-х гг., на которые пришелся период обучения М. А. Безнина в докторантуре Института истории СССР АН СССР, был временем, когда историческая наука обратилась ко многим ранее закрытым темам. Большое значение имело рассекречивание важнейших источников по истории крестьянского двора – материалов бюджетных обследований семей.

Научные подходы М. А. Безнина формировались в тесном общении с коллегами из Вологодского пединститута. Научно-организационный импульс, приданный П. А. Колесниковым, подкреплялся творческими контактами с преподавателями кафедры истории СССР – А. В. Островским, Ф. Я. Коноваловым, Г. И. Просвириной, В. А. Саблиным, коллегами с кафедры всеобщей истории – Т. В. Вахrameевой, Ю. К. Некрасовым и др. В результате пришла уверенность в необходимости исследования исторических феноменов на протяженных хронологических отрезках, применении междисциплинарных подходов, использовании в историческом письме методов экономической науки, социологии. Методологию применения математических методов в историческом исследовании помогли воспринять труды академика И. Д. Ковальченко, его доклады на аграрных симпозиумах, участником которых был и М. А. Безнин. В итоге удалось разработать ряд перспективных методов анализа эволюции крестьянского двора на заключительной стадии существования аграрного общества в России.

В 1980–1990-х гг. М. А. Безнин провел огромную работу по сбору, обобщению и публикации прежде закрытых для исследователей и никем системно не использовавшихся материалов бюджетной статистики российского крестьянства второй половины XX в. Была опубликована серия источниковых и исследовательских публикаций, касающихся материального положения колхозников РСФСР и Российского Нечер-

ноземья в 1950–1965 гг., хозяйства крестьянского двора, крестьянской базарной торговли, динамики колхозного населения. В этих публикациях бюджетные обследования, наряду с другими источниками, впервые были с такой полнотой введены в научный оборот и до сих пор остаются единственными публикациями подобного рода. Не случайно они имеют высокий индекс цитирования и используются не только историками, но и экономистами, географами, социологами.

Итогом разработки истории крестьянского двора Российского Нечерноземья стала серия концептуальных публикаций в основном академическом издании по российской истории – журнале «Отечественная история». Основные выводы исследования были изложены М. А. Безниным на научных конференциях и сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (в 1986 г. в Казани, в 1989 г. в Минске), где он выступил с докладами «Бюджетные обследования как источник для изучения колхозного крестьянства 1950–1960-х гг.», «Личное приусадебное хозяйство колхозников Нечерноземья в 1950–1965 гг.», «Планово-распределительный и рыночный механизм в аграрной сфере 1950–1980-х гг.».

В 1991 г. вышла в свет монография М. А. Безнина «Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг.», ставшая важным явлением крестьяноведческой историографии². Основные составляющие анализа крестьянского хозяйства касались крестьянской семьи и использования ее труда, землепользования двора, приусадебного хозяйства колхозников, крестьянской базарной торговли, бюджета и потребления семей. Развивая подходы исследователей организационно-производственной школы, особенно А. В. Чаянова, М. А. Безнин подчеркнул, что крестьянский двор, оставаясь семейно-трудовым объединением, в ходе коллективизации вошел в состав колхоза как целое, но впоследствии приобрел ряд новых качеств. Помимо участия в индивидуальном производстве, крестьянин становится тружеником сельхозпредприятия, где концентрируется большая часть земли и других основных средств производства. Изменяются место и роль крестьянина в системе распределения. Его социальный статус становится во многом зависимым от положения в артели. Но, как подчеркнул М. А. Безнин, это был по-прежнему крестьянский двор, для которого продолжали действовать важнейшие законы его функционирования, сформулированные учеными организационно-производственной школы.

Проведенные исследования позволили сделать ряд важных выводов. По мнению М. А. Безнина, место крестьянского двора 1950–1960-х гг. в аграрной подсистеме общества никак не подходило под общепринятое в историографии определение его как подсобного. Наряду с колхозами и совхозами крестьянские хозяйства оставались основными аграрными производителями, хотя постепенно их значение в

этом отношении снижалось. Крестьянское хозяйство в 1950–1960-е гг. оставалось важнейшим каналом формирования совокупных доходов двора, давая ему до 50%, а в начале 1950-х гг. – до 70–90% всех поступлений. Таким образом, М. А. Безниным был сделан вывод о том, что до середины 1960-х гг. как важная экономическая форма «продолжала существовать совокупность крестьянских мирков, генетически продолжавших тысячелетнюю традицию российского крестьянства». Другой важный итог докторского исследования – изучение механизма разрушения воспроизводства крестьянского двора как своеобразной производственной формы. Значительным успехом М. А. Безнина было изучение особенностей действия в условиях индустриализировавшегося общества сформулированного А. В. Чаяновым закона функционирования двора как трудо-потребительской категории. Трудность, а чаще невозможность наращивания хозяйственного потенциала «материнского двора» была главной причиной разрушения механизма воспроизводства крестьянского хозяйства в колхозный период. Существование же основной массы крестьянства без приусадебного хозяйства в 1930–1960-е гг. было крайне затруднено, ибо оплата труда была символической. В этих условиях «важной и трагичной функцией двора колхозного времени становилось выталкивание подрастающих детей из крестьянского состояния». В ходе исследования М. А. Безнин определил, что окончательное уничтожение уклада крестьянских хозяйств, превращение крестьян в наемных работников сельхозпредприятий приходится на 1950–1960-е гг., и это было завершением «тысячелетней истории российского крестьянства».

В 1991 г. М. А. Безнин в Институте российской истории РАН защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук «Колхозный двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг.». В 1992 г. ему было присвоено звание профессора, в том же году он был назначен проректором по научной работе ВГПУ, которым является и сейчас.

Важной вехой изучения истории крестьянства стала организованная М. А. Безниным в Вологде Всероссийская конференция «Крестьянское хозяйство: история и современность» (октябрь 1992 г.). В докладе «Раскрестьянивание России» М. А. Безнин впервые в историографии доказательно и системно проанализировал феномен раскрестьянивания в качестве магистральной тенденции истории России XX в. Автор определил не только содержание и критерии этого процесса с 1860-х гг. до конца XX в., но и дал его периодизацию, охарактеризовал сущность каждого периода³. Еще один аспект характеристики выхода из крестьянского состояния был предложен на проходившей в Вологде XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (2000 г.), где М. А. Безнин выступил с пленарным докладом «Зажиточное крестьянст-

во России во второй половине XX века»⁴. Докладчик предложил классификацию типов крестьянской зажиточности в послевоенном советском обществе. По его мнению, «крестьянский» тип зажиточности, характеризующийся преимущественно потребительской ориентацией, сохранял свои позиции до середины 1950-х гг., в период существования колхозной системы в «классическом» виде. Во второй половине 1950-х гг., а особенно интенсивно начиная с 1960-х гг., происходило становление типа зажиточности, который формировался в процессе раскрестьянивания, – «протобуржуазного». Легализация его статуса произошла в 1990-е гг. Однако процесс социальной дифференциации в российской деревне второй половины XX в. привел к становлению отличного от первых двух – «социалистического» типа зажиточности, который в определенном смысле превалировал в течение последних десятилетий советской истории России.

В течение 1990-х гг. М. А. Безниным совместно с сотрудниками кафедры, его учениками, аспирантами был проведен комплекс исследований различных аспектов жизни колхозной деревни советского периода. В частности, рассматривались проблемы хозяйства крестьянского двора, крестьянских повинностей в 1930–1950-е гг., социального протеста крестьянства в советский период, материального положения колхозников, демографической истории села. Результаты исследований позволили начать разработку концептуальных подходов к осмыслению аграрного строя России колхозного периода. Многие из них М. А. Безнин сформулировал еще в середине 1990-х гг., часть озвучил на разных научных встречах, например, на заседании теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», посвященного книге А. Мандра «Конец крестьянства»⁵.

Публичное изложение подходов к характеристике аграрного строя России в 1930–1990-е гг. состоялось на XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Калуга, 2002 г.), где М. А. Безнин выступил с пленарным докладом⁶. В докладе была дана новая характеристика предпосылок, этапов, критериев и основных черт аграрного развития советской деревни колхозных времен. По мнению М. А. Безнина, решить сложнейшие проблемы, стоявшие перед страной в 1930–1950-е гг., было невозможно без архаизации аграрного устройства, происходившей до начала 1950-х гг. В дальнейшем наблюдались этапы свертывания (середина 1950-х – начало 1960-х гг.) и перерождения (до 1990-х гг.) сложившейся в 1930-е гг. системы. М. А. Безнин охарактеризовал в этой связи колхозную систему 1930–1950-х гг. присутствием элементов «полуфеодального» устройства (урезания индивидуального землепользования, оформления системы повинностей, сохранения натурально-потребительского устройства крестьянского двора, «жесткого» политического режима как условия модернизации общест-

ва). М. А. Безнин подчеркнул, что важнейшей гранью, отделяющей аграрное общество от государственного капитализма, стали процессы, происходившие в 1960-е гг.: в основном состоявшаяся замена «просто-го» труда «овеществленным», реорганизация МТС, новые удары по приусадебному хозяйству, изменение источников формирования семейного бюджета и др. Важнейшие социальные изменения периода 1960–1980-х гг. были связаны с ликвидацией юридического «закрепощения» селян в первой половине 1970-х гг., пролетаризацией крестьянских масс и появлением протобуржуазии.

В 2003 г. М. А. Безнин совместно с Т. М. Димони работает над концептуальной характеристикой аграрного строя России в контексте динамики основных факторов производства – капитала, земли и труда. В ходе исследования разрабатывалась гипотеза М. А. Безнина о том, что магистральным направлением эволюции аграрной подсистемы России в XX в. является процесс капитализации. В качестве критерия уровня капитализации он предложил рассматривать соотношения долей капитала и «живого» труда исходя из структуры себестоимости аграрного продукта. По мнению М. А. Безнина, основным каналом капитализации сельского хозяйства России являлись колхозы, которые только в 1960-е гг. стали развиваться как феномен, находящийся вне рамок традиционного (аграрного) общества. Главный вывод, следующий из предлагаемого подхода, заключается в том, что в 1930–1980-е гг. происходит трансформация достаточно типичного аграрного общества в специфический российский аграрный капитализм. Гранью этого революционного перехода по основным показателям становятся 1960-е гг.⁷ 18 марта 2004 г. М. А. Безнин и Т. М. Димони выступили с научным докладом «Аграрный строй России в 1930–1980-е годы» на заседании Ученого совета Института российской истории РАН. Основные положения данного доклада предлагаются читателю в этом сборнике.

Результаты многолетних исследований М. А. Безнина изложены в многочисленных научных публикациях (их число превышает 100), а также использованы в 10 монографиях и учебных пособиях.

Важным делом в жизни М. А. Безнина стала работа по реализации крупномасштабного регионального научного проекта – серии альманахов «Старинные города Вологодской области», начавшаяся в 1991 г. по его инициативе и под его руководством. Это были трудные для издательских проектов времена, и главному редактору пришлось прилагать большие усилия для выхода в свет каждой новой книги этой серии.

Первая книга серии альманахов вышла в 1992 г. и была посвящена родному городу Михаила Алексеевича – Устюжне. Всего на сегодняшний день вышло в свет 28 томов серии, в которых дается комплексное историческое, природно-географическое, культурологическое

описание уникального российского феномена – малых провинциальных городов. В проекте участвует коллектив из 300 ученых, краеведов, музейных, архивных работников. Мнение читателей об альманахах свидетельствует, что «эта смесь пестрых и по хронологии и по жанру материалов дает увлекательнейшее, фантастическое ощущение, что ты «попал в историю». Несомненная же документальность добавляет к этому сознание подлинности, серьезности происходящего... Возможно, в провинциальных альманахах таится зерно нового – непредсказанного, кажется, пока никем – жанра краеведческого романа»⁸.

Большое место в деятельности М. А. Безнина занимает научно-организаторская работа. Являясь членом научного Совета по аграрной истории Отделения истории Российской академии наук, М. А. Безнин участвует в выработке научной стратегии данного направления историографии. Усилия по координации действий ученых Европейского Севера России в рамках руководимого им с середины 1980-х гг. Вологодского проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера, обмену опытом, энергия в разработке многих новых научных проблем, привлечение молодых кадров позволили профессору М. А. Безнину создать свою научную школу, представленную более чем 40 исследователями – докторами, кандидатами наук, аспирантами и докторантами, которая по итогам XXVII сессии аграрного Симпозиума (сентябрь 2000 г.) была названа в числе ведущих центров изучения аграрной истории России. Подтверждением квалификации руководимого им коллектива стала грантовая поддержка проводимых исследований. М. А. Безнин и его коллеги с 1999 г. являются держателями грантов Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда, научной программы «Университеты России».

Много сил и времени М. А. Безнин отдает заведованию кафедрой отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета. Широкая программа исследований кафедры (хронологические рамки исследований – с древнейших времен до наших дней), ее публикаторская работа, квалифицированный состав (более 80% – доктора и кандидаты наук) позволили М. А. Безнину сформировать разносторонние связи с различными академическими и научными организациями, обеспечить научный коллектив необходимым финансированием, сохранить коллектив кафедры и рабочую атмосферу в нем.

Большое внимание уделяет М. А. Безнин руководству дипломными работами студентов: подбору тематики работ, разработке методики исследований, обеспечению надежности полученных результатов. Благодаря высокому уровню студенческих исследований, выполненных под его руководством, многие их результаты докладываются на научных конференциях и семинарах разного уровня и получают даль-

нейшее развитие в кандидатских диссертациях. По инициативе М. А. Безнина в 1992 г. в Вологодском государственном педагогическом университете была открыта аспирантура, в 2002 г. – докторантура по специальности «Отечественная история». Под руководством М. А. Безнина подготовлены и успешно защищены 10 кандидатских диссертаций, готовятся 3 докторские диссертации. В диссертациях его аспирантов и докторантов разрабатываются новые направления историографии: история колхозного двора Европейского Севера России, изучение социального протеста крестьянства в 1920 – 1960-е гг., крестьянские повинности колхозного периода, демографическая история, история советского провинциального чиновничества и др. М. А. Безнин является председателем диссертационного совета по специальности «Отечественная история» в Вологодском государственном педагогическом университете, неоднократно являлся оппонентом на защите кандидатских и докторских диссертаций.

За время работы М. А. Безнина проректором по научной работе Вологодского государственного педагогического университета здесь созданы основные научные структуры: отдел аспирантуры, издательство, научно-исследовательский сектор, 11 научных лабораторий, открыты 3 диссертационных совета. Развивается система публикаций научно-исследовательских работ студентов – «Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ», редактором которого является М. А. Безнин. Количество докторов наук, работающих в университете, возросло с 12 до 37. Аспирантура по количеству специальностей увеличилась с 5 до 18, по числу обучающихся – с 9 до 88 человек. В последние годы объем внебюджетной научно-исследовательской работы ежегодно возрастает в 2–3 раза.

Научная, преподавательская и общественная деятельность М. А. Безнина получила высокую оценку. В 1995 г. М. А. Безнин был награжден значком «Отличник народного просвещения», в 2002 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воротынцева Е. А. Древний устюженский род Безниных // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып.5. Вологда: Легия, 2002. С. 87.

² Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991.

³ Безнин М. А. Раскрестьянивание России // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всероссийской научной конференции. Ч. 1. Вологда, 1992. С.103 – 110.

⁴ Безнин М.А., Димони Т.М. Зажиточное крестьянство России во второй половине XX века //Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 5 – 15.

⁵ Отечественная история. 1994. № 2.

⁶ Безнин М. А. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вып.3. Вологда, 2002. С. 3–9.

⁷ Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003.

⁸ Шеваров Д. Очарованные жители. Размышления на полях альманахов из серии «Старинные города Вологодской области» (Вологда, 1992 – 2000) // Новый мир. 2001. № 3.

М. А. Безнин, Т. М. Димони

Аграрный строй России в 1930–1980-е гг.*
(Доклад на ученом совете Института российской истории РАН
18 марта 2004 г.)

Учитывая наличие опубликованных тезисов¹, которые заранее были высланы вам, уважаемые члены ученого совета, в устном выступлении мы не будем пересказывать все 44 сформулированных в них положения, а сконцентрируем внимание на некоторых ключевых, на наш взгляд, проблемах, а также ряде новых подходов в характеристике темы.

В отечественной историографии проблема аграрного устройства колхозного времени связана во многом с характеристикой «социальности» экономических и общественных отношений. Определенный вклад в исследование темы внесли ученые сектора истории советского сельского хозяйства и крестьянства ИРИ РАН, целый ряд региональных научных школ, экономисты, социологи-аграрники, имена и труды которых широко известны. В последнее 10-летие аграрная историография колхозного времени пополнилась освещением новых, прежде неизвестных проблем.

Процессами «социалистической реконструкции», которые считались основными в изучении советского сельского хозяйства, не исчерпываются базовые изменения социально-экономического устройства деревни колхозного периода. Прежняя историографическая схема не объясняет и революции в социально-экономическом строе 1990-х гг., точнее, объясняет ее только с позиции случайности, субъективности. Капитализация и социальная трансформация 1990-х гг., кроме субъективной подоплеки, была предопределена объективно развивавшимися процессами последних десятилетий. «Социалистическая» же концепция социально-экономического развития деревни советского периода не дает возможности объяснить этот феномен. На наш взгляд, важное место в концептуальной схеме характеристики российской де-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 04-01-00411а.

ревни 1930–1980-х гг. должен занимать анализ ухода аграрного общества в результате процессов капитализации и раскрестьянивания.

Для разработки новых подходов необходимо разорвать узкие хронологические рамки изучения вопроса. Важным элементом исследовательской методики должно стать также определение рубежей перехода «количественных» изменений в «качественные». Соотношение стадияльно «старых» черт состояния общества или приобретения «новых» при некоторой механистичности в оценках процесса, по нашему мнению, дает возможность установить грань, когда аграрная капитализация в советской деревне колхозных времен привела к стадияльной трансформации общества.

Исследование аграрного строя России 1930–1980-х гг. требует и новых подходов в работе с источниками. Вряд ли нуждаются в новом радикальном пересчете численность населения, посевные площади, количество скота, тракторов, другой сельхозтехники; маловероятно, что радикально будет меняться оценка объемов производства сельского хозяйства и т. д. В то же время изучение характера и типов организации производства, особенностей аграрного рынка и других форм движения продукта, капитала, методов и механизмов социальной трансформации, специфики духовной эволюции сельского социума, других проблем становится невозможным на основе только статистических группировок, использования методов пересказа сводок хозяйственной документации, комментариев аграрной политики и другого устаревшего инструментария.

Возникновение нового ракурса осмысления истории российской деревни 1930–1980-х гг. связано с давней традицией изучения аграрной проблематики, в том числе и в рамках вологодской аграрной школы. Еще на рубеже 1970–1980-х гг. нами был сделан вывод о постепенной унификации социального статуса колхозников и совхозных рабочих, которые реальной статистикой во многом, кстати, отождествлялись. На рубеже 1980–1990-х гг. было установлено, что старокрестьянский уклад в виде двора (пусть урезанного, но не подсобного) длительное время и в рамках колхозной системы выполнял важнейшие экономические функции, а для самих крестьян до 1960-х гг. являлся основным источником доходов². На Всероссийской конференции 1992 г. в Вологде было сформулировано предложение трактовки раскрестьянивания: внешнего – видимых демографических перемен, и внутреннего – социального перерождения колхозника³. На аграрном Симпозиуме 2000 г. в нашем докладе этот вывод был дополнен характеристикой пролетаризации, с одной стороны, и описанием подспудного вызревания протобуржуазии в колхозной среде, с другой стороны⁴.

Во второй половине 1990-х гг. в Вологде и отчасти в Новосибирске стало культивироваться изучение системы экономических отношений в

колхозной деревне как отношений повинностного типа, характерных для аграрного общества (по этим сюжетам нами, в частности, опубликованы книга и статья в журнале «Отечественная история»)⁵. В 1990-х же гг. было начато изучение социально-политической и духовной составляющей раскрестьянивания. Оказалось, что 1930–1950-е гг. были временем постепенного угасания традиционного крестьянского менталитета, способов взаимодействия с властью, разрушения так называемого «лада» крестьянской жизни⁶. В 2002 г. на аграрном Симпозиуме нами были изложены подходы к эволюции земельных отношений и колхозного механизма капитализации⁷.

Новые исследовательские задачи требуют соответствующих инструментария и понятийного аппарата. В первую очередь это относится к понятию *капитализация*. По мнению П. И. Лященко, процесс капитализации означал «подчинение отрасли хозяйства капиталу»; С. Маслов подчеркивал, что это явление означало складывание «хозяйственного строя, при котором господствующее положение в хозяйстве занимает капитал, как средство, доставляющее владельцу не основанный на личном труде доход»⁸. А. М. Анфимов трактовал «капитал» в крестьянском хозяйстве как совокупность средств производства, представленную «мертвым» инвентарем, «живым» инвентарем (рабочим и продуктивным скотом), постройками⁹. О становлении капитализованного хозяйства в деревне в 1924 г. издал исследование А. Шестаков¹⁰.

Под капитализацией сельской подсистемы колхозного времени нами понимается радикальное переустройство аграрного производства, при котором «овеществленный» труд (капитал) становится решающим фактором экономики; в капитализированном аграрном производстве капитал приобретает способность «поглощать» другие факторы производства; в себестоимости аграрного продукта основное место начинает занимать промышленная составляющая; товаризация охватывает средства производства, рабочие руки, продукт труда; разрушается замкнутость хозяйственного уклада, снижается роль природных факторов в аграрном секторе. Капитализация по сути своей является главной экономической характеристикой процесса модернизации, ибо связана с переворотом всей «старой» экономической системы и, в конце концов, приводит к новым социальным отношениям, воплощенным в овеществленном труде.

Капитализированной экономической системе предшествует аграрное общество, которое, по мнению У. Ростоу, В. В. Крылова, А. В. Островского и ряда других исследователей, характеризуется преобладанием сельского хозяйства в экономике, крестьянства в социальной структуре, «натуральностью» воспроизводства рабочей силы и средств труда. Особенность аграрного общества заключается в суще-

ствовании предела экономического роста, связанного с недостатком накопления овеществленного труда¹¹.

О накоплении капитала и качественном изменении его роли в производстве (капитализации) говорит степень охвата формами товарного производства все большего сегмента аграрной подсистемы. При этом капитал локализуется в структурах, имеющих товарную направленность производства. В начальный период существования колхозов, когда движение продукта осуществлялось в специфических формах, были ограниченные возможности для капитализации.

Другой фактор, свидетельствующий о капитализации, – изменение структуры себестоимости аграрного продукта. Вопрос об «издержках производства» широко фигурировал в науке еще в конце XIX в. Обзор и анализ дореволюционных работ по себестоимости сельхозпродукции сделал С. Г. Струмилин в известной статье «Издержки производства хлебов в царской России»¹², опубликованной в 1926 г. Определение себестоимости производства сельхозпродукции в колхозах было начато в 1928 г. В 1931 г. в статистических сведениях приводилась структура издержек производства в совхозах, колхозах, крестьянских хозяйствах¹³. Однако с 1932 г. вопрос о себестоимости в колхозах сошел со страниц печати (в сборниках ЦСУ сведения давались лишь по совхозам). Экономисты 1960-х гг. считали, что на это повлияло повсеместное введение трудодня, натуроплаты за работы МТС и, следовательно, натурализация производственных отношений. Вопрос о себестоимости в колхозах в административном порядке был снят с повестки дня. Указывалось, что расценка труда в рублях чрезвычайно вредна, так как порождает потребительские настроения и т.д. Так, Н. А. Вознесенский в начале 1930-х гг. писал, что «издержки производства» в колхозах должны исчисляться непосредственно в рабочем времени – трудоднях¹⁴. В 1930–1950-е гг. даже высказывалось мнение, что себестоимость в колхозах просто равна материальным затратам¹⁵. Вновь вопросы себестоимости в колхозах стали подниматься после 1953 г. Начало обсуждению этих вопросов положил В. Г. Венжер в 1955 г.¹⁶ С 1958 г. в годовых отчетах колхозов приводились данные о себестоимости продукции. Практика учета себестоимости колхозной продукции окончательно сложилась в 1963 – 1964 гг. В годовых отчетах за 1962 г. впервые был введен в себестоимость учет фактической оплаты труда в колхозах.

Историки колхозной деревни почти не обращались к изучению этих вопросов. В. П. Данилов, анализируя производство в советской доколхозной деревне, обратил внимание на то, что структура издержек производства дает суммарную характеристику производительных сил с точки зрения места и роли их отдельных элементов. В этой структуре, по его мнению, фиксируется соотношение тех факторов создания про-

дукта, стоимость которых переносится на этот продукт. Удельный вес стоимости рабочей силы в общей себестоимости продуктов крестьянского хозяйства в 1925 г. (в среднем по стране), по зерновым составлял около 60%, по картофелю – 57, по льну – 75%, т.е. затраты живого труда намного превышали материальные издержки¹⁷.

Хотя показатель структуры себестоимости достаточно условен, он позволяет оценить соотношение в себестоимости произведенной продукции живого труда и капитала, уровень капитализации отрасли. По нашим расчетам, соотношение материальных издержек и затрат живого труда в структуре себестоимости продукции колхозов в течение 1930–1980-х гг. претерпело кардинальную эволюцию. В конце 1950-х гг. расходы на оплату труда колхозников РСФСР составляли в ней около 50% всех производственных издержек колхозов, что говорит о генетической близости экономики колхозов даже того времени по данному показателю к структуре элементов производительных сил, характерных для аграрного общества. Преодоление пятидесятипроцентной грани, когда капитал становится ведущим фактором производства, относится к началу 1960-х гг. Произведенные экономистами тех лет подсчеты показывают, что удельный вес материальных затрат составлял в колхозах РСФСР в 1964 г. 52% всех затрат, в 1965 г. – 57%, в 1966 г. – 55%, в 1967 г. – 52%¹⁸. В структуре себестоимости сельхозпродукции колхозов РСФСР во второй половине 1960-х гг. прямая оплата труда чуть превышает 30% (30–33%), в первой половине 1970-х гг., ежегодно снижаясь, уменьшается до 25%, во второй половине 1970-х гг. также ежегодно сокращается, преодолев в 1980 г. 20%-ный уровень (19%)¹⁹.

Все же капитализация в сельском хозяйстве и на конец колхозной эпохи была более низкой, чем в промышленности. За 1975, 1980, 1985 гг. в сельском хозяйстве затраты живого труда составляли 72–74%, 26–28% – прямые затраты овеществленного труда, что от промышленности, где соотношение было 43–45% к 55–57% за те же годы, отличалось принципиально и коренным образом²⁰. Степень капитализации сельского хозяйства была значительно более низкой.

Накопление капитала в условиях колхозной системы имело свою специфику и особенности на разных этапах существования колхозного строя. Если проанализировать строение неделимых фондов колхозов России за 1930–1940-е гг., выясняется следующая любопытная картина. В их структуре доля обобществленного имущества и вступительных взносов сократилась за период с середины 1930-х до середины 1940-х гг. с 24% до 14%. Уже в середине 1930-х гг. до 50% в этой структуре занимали отчисления от доходов сельхозартели (1937 г. – 55%); позже относительная доля этого показателя снижается при серьезном увеличении еще одного капитализационного канала – накоплений в «строительстве и средствах производства, изготовленных

для нужд сельхозартели» (до 42% на начало 1940-х гг.)²¹. Тем не менее даже на середину 1960-х гг. И. Ф. Сулов определяет долю общественных фондов, созданных трудом в единоличных крестьянских хозяйствах в стоимости основных средств производства колхозов в 15–20%, т.е. средства производства, созданные трудом кооперированного крестьянства, на середину 1960-х гг. достигли уже 80%²².

Другой крайне показательный момент капитализации аграрной экономики России в колхозное время – соотношение капиталовложений государства и колхозов в сельское хозяйство. Нами составлены динамические ряды по опубликованной статистике за конец 1920-х – 1970-е гг. Оказалось, что лишь в войну государственные капиталовложения уступали колхозным почти в 6 раз. Однако за период с 1938 по 1960 г. также фиксируется меньшая доля государства в формировании колхозного аграрного капитала: за период 1938 – начало 1941 г. из общего объема капиталовложений в сельское хозяйство по объектам производственного и непроизводственного назначения в 1331 млн. руб. 38% составляла доля государственного капитала, 62% – доля капиталовложений колхозов; за период 1956 – 1960 гг. в общих капиталовложениях (14 635 млн. руб.) то же соотношение составляло 46% к 54%²³. Лишь в начале создания колхозного строя, когда необходимо было обеспечить перелом в соотношении укладов и «товаризировать» производство, а также после завершения промышленной индустриализации, что, на наш взгляд, относится к 1950-м гг., доля государственных капвложений превышала колхозные (в 1929 – 1937 гг. она колеблется в пределах от 60 до 79% и с 1961 г. по 1980 г. – 57–69%)²⁴.

Полномасштабное исследование места неаграрного капитала в сельской экономике колхозного периода еще предстоит, однако, тенденция возрастания его роли очевидна. Доля государственных капиталовложений во введенных в действие основных фондах сельского хозяйства СССР составляла в 1961 – 1965 гг. 59%, в 1966 – 1970 гг. – 61%, в 1971 – 1975 гг. – 65%, в 1976 – 1980 гг. – 68%²⁵.

Показательно в свете исследования особенностей капитализации российской деревни и участие в ней ссудного капитала. Регулярное нарастание долгосрочных кредитов колхозам СССР в опубликованной статистике фиксируется в течение всего изучаемого периода: 1940 г. – 89 млн. руб., 1950 г. – 302 млн. руб., 1960 г. – 621 млн. руб., 1965 г. – 1422 млн. руб., 1966 г. – 1619 млн. руб. Резкое увеличение краткосрочного кредитования колхозов происходит в момент перехода капитализации в зрелую стадию: если в 1940 г. Госбанк СССР выделил колхозам, межколхозным предприятиям и организациям 30 млн. руб., в 1950 г. – 134 млн. руб., то в 1960 г. – 1772 млн. руб., в 1965 г. – 1472 млн. руб., в 1966 г. – 1915 млн. руб.²⁶ При всей ограниченной возможности сравнения вышеназванных форм кредитования колхозов нельзя

не обратить внимание на то, что переход в стадию развитого «аграрного капитализма» означал в экономическом плане не только радикализацию вторжения капитала в создание адекватных неаграрному обществу производительных сил, но и возрастание его функциональной значимости в оживлении производственных фондов. За 1930–1980-е гг. вся система кредитования сельского хозяйства изменялась параллельно стадиям становления нового аграрного устройства. Заторможенность капитализации первого колхозного десятилетия, а во многом и 1950-х гг. была связана, с одной стороны, с ограниченными ресурсами кредитования колхозов государством, с другой стороны, с неготовностью колхозов принять кредиты для обеспечения переустройства экономического механизма. В 1960-е гг. происходят изменения в порядке кредитования колхозов, которые начинают переводить на прямое банковское кредитование в соответствии с Постановлением СМ СССР от 17 декабря 1965 г.²⁷ С 1965 г. колхозам было разрешено производить оплату труда колхозников за счет долгосрочных ссуд. В 1960-е гг. ослабевает государственная регламентация использования ссуд, увеличиваются сроки предоставления кредита, снижается процент за его использование.

В характеристике аграрного строя колхозного времени нужно обратить внимание на еще одно обстоятельство. На наш взгляд, следует восстановить подход, культивировавшийся по отношению к дореволюционному селу, вопросам многоукладности²⁸. Речь идет о сосуществовании, взаимодействии высококапитализированного совхозного уклада аграрной подсистемы, колхозной системы, выполнявшей функцию механизма первоначального накопления, и старокрестьянского уклада.

В тексте доклада излагаются этапы эволюции колхозной системы, выделяются два крупных периода ее изменений. Первый охватывает 1930-е – начало 1950-х гг.: время массового колхозного строительства, формирования несущих конструкций колхозного устройства (погектарные нормы обложения, увязывание существования приусадебного хозяйства с трудом в колхозе), существования колхозной системы в классическом виде, когда создавались условия для торжества капитала в аграрной сфере. Второй этап – с середины 1950-х до конца 1980-х гг. – свертывания классической колхозной системы. Он характеризуется отменой госпоставок, ударами по личному приусадебному хозяйству, совхозизацией, крупномасштабным перемещением рабочих рук в промышленность, введением гарантированной оплаты труда и распространением на колхозников пенсионной системы, резким возрастанием притока в деревню промышленного капитала. В 1950–1960-е гг. колхозная система заметно трансформировалась в индустриально функционирующее экономическое пространство, а затем окончательно

переродилась в государственный аграрно-капитализированный механизм.

При этом дополним, что роль колхозной системы в процессе капитализации вполне вписывается в механизмы, давно уже зафиксированные историографией в становлении капитализированного хозяйства. Колхозы первого двадцатилетия, разрушив натурально-хозяйственный уклад, в специфической форме товаризировали производство. А на втором этапе существования этой системы массированный приток капитала обеспечил завершение разрушения устоев аграрного общества.

Крестьянский уклад характеризуется существованием особого типа аграрного производства, ведущегося автономно крестьянским двором, представляющим уникальное сочетание производственного комплекса – земли, средств производства и рабочих рук, а также соответствующими социальными составляющими (слабой социальной дифференциацией, иерархичностью отношений с господствующими корпорациями, спецификой менталитета и др.). По сведениям И. Ф. Сулова, при обобществлении в личном хозяйстве колхозников осталось до 40% всех средств производства (в т. ч. большинство продуктивного скота, надворных построек)²⁹. До 1950-х гг., а в ряде отраслей – до 1960-х гг. приусадебные хозяйства занимали ведущие позиции в сельхозпроизводстве, до 1960-х гг. – в формировании бюджета колхозной семьи. По нашему мнению, лишь в 1960-е гг. завершается превращение приусадебного крестьянского хозяйства из важнейшего уклада сельской экономики в личное подсобное хозяйство.

Маяком капитализации и товарного производства выступали совхозы, а также важнейший инфраструктурный институт – МТС, ликвидация которого в конце 1950-х гг. во многом означала высокую степень унификации колхозно-совхозной системы. По объему производства колхозы СССР в 1935 г. давали 46% валовой продукции сельского хозяйства, приусадебные хозяйства крестьян – 42%, совхозы – 12%. В 1960 г. в колхозах РСФСР производилось 38% продукции, в приусадебных хозяйствах колхозников – 23%, в совхозах – 22%; в 1975 г. – колхозы производили 31% валовой продукции сельского хозяйства, совхозы – 39%, приусадебные участки населения – 30% продукции³⁰.

В советской историографии колхозы, совхозы, приусадебные хозяйства рассматривались как различные секторы социалистического сельского хозяйства, имеющие сходную социально-экономическую природу. На наш взгляд, объекты, называемые секторами, представляют собой не что иное, как разноформационные уклады. Характеристика секторов подразумевала описание однородных экономических явлений, когда даже приусадебное хозяйство характеризовалось как элемент социалистической системы. В нашем понимании эти явления

разнородны: двор являлся остатком старокрестьянского уклада, совхозы – маяком государственного предпринимательства, а колхозы – жерновами, в которых были перемолоты оставшиеся в наследство советской власти базовые конструкции аграрного общества. Не менее важно то, что «укладный» подход позволяет соединить историографическую традицию в описании однородных, на наш взгляд, явлений XIX–XX вв.

Раскрестьянивание, пролетаризация и формирование протобуржуазии – важнейшие *социальные* слагаемые аграрной модернизации России колхозного периода. Мы солидарны с Т. Шаниным и В. П. Даниловым в понимании трактовки крестьянства и раскрестьянивания³¹. Впрочем, данные авторы не экстраполируют понимание феноменов крестьянства и раскрестьянивания на эпоху социалистического сельского хозяйства. На наш же взгляд, делать это как раз нужно. По мнению авторов доклада, процессы «буржуазного» перерождения русской деревни начала XX в. и капитализация колхозных времен во многом одновекторны. Революция 1917 г. и потуги в построении страны Муравии 1920-х гг. лишь прервали капитализацию села. Если в предреволюционный период выход из общины, создание крепкого хозяина, кооперирование лежали в основе преодоления натуральности и капиталистических тенденций деревни, с 1930-х гг. разрыв с основами аграрного общества пошел по линии создания колхозов и совхозов.

При создании и развитии колхозного строя шел процесс социальной трансформации, который предопределил переворот 1990-х гг. Лишенный средств производства и реальных возможностей управления колхозной собственностью крестьянин, эксплуатируемый первоначально через повинности, а затем через механизм зарплаты, постепенно превращается в рабочего, продающего свои рабочие руки, смотрящего на землю как на средство производства, а не мать-кормилицу. Впрочем, в первое колхозное двадцатилетие происходит в определенном смысле архаизация аграрного устройства – изъятие земли из индивидуального пользования, восстановление повинностей – системы внеэкономического принуждения для мобилизации и перераспределения производимого продукта, ограничение права пространственного и социального перемещения.

Эта реставрация решала задачу перехода от аграрного общества к индустриальному. Проникновение в деревню государственно-организованного капитала уже в 1930–1950-е гг. отчасти денатурализовывало крестьянский труд и его продукт. Таким образом, в условиях «феодальной» реставрации готовилась почва для трансформации крестьянина в рабочего. Обезземеливание крестьян, разрушение воспроизводственного механизма их демографического и хозяйственного статуса также вписываются в этот процесс.

В 1960-е гг. раскрестьянивание России в основном завершается. В 1939 г. в деревнях проживало около 2/3 населения. Переход половинного рубежа в долевого соотношении горожан и селян зафиксировала перепись 1959 г. В начале 1990-х гг. в деревне осталась лишь четверть населения России. Оставшиеся в деревне крестьяне-колхозники постепенно социально переродились.

Внутреннее раскрестьянивание – процесс, плохо поддающийся количественным характеристикам. Для его изучения возможно привлечение методики описания человеческого капитала, примененной к российскому селу В. В. Пациорковским и другими социологами³². Еще один подход заключается в характеристике источников формирования доходов и статей расходов семейного бюджета. Переход пятидесятипроцентной грани удовлетворения потребностей семьи за счет «собственных» ресурсов говорит о том, что крестьянство перестает быть натурально-замкнутой социальной группой. Для России грань такого перехода – II половина 1950 – I половина 1960-х гг., когда по этой позиции раскрестьянивание можно считать в основном завершившимся.

Формирование протобуржуазных тенденций в колхозной деревне было рассмотрено нами в докладе на аграрном Симпозиуме 2000 г., опубликованном и, думаем, известном специалистам. Складывание в аграрной сфере слоя будущих «приватизаторов» как социальной группы начинается в конце 1950 – начале 1960-х гг., на что указывают и данные социологов, изучавших морфологию процессов, произошедших в 1990-х гг., в частности группы В. И. Старовойтова³³. Условия формирования будущей деревенской элиты, как правило, сочетали верхушечное положение в системе колхозной иерархии и соответствующий материальный статус, а также более благоприятные условия личного хозяйствования. Руководители постепенно сконцентрировали права владения и пользования средствами производства, от которых до полной собственности был буквально один шаг. В скрытой форме в течение 1960–1980-х гг. осуществлялись и попытки, по сути, приватизации колхозной собственности, средств производства, произведенного продукта. Еще одной группой потенциальных приватизаторов были высококвалифицированные работники колхозов, в частности механизаторы. Использование колхозной техники для своих нужд становилось распространенным явлением. Нарастание актуальности приватизации для протобуржуазных элементов наблюдается в 1970–1980-е гг. и связано с тем, что наступает время передачи статуса и места в иерархии следующим поколениям, чего нельзя было сделать в рамках государственного владения собственностью и распоряжения продуктом.

В 1930–1980-е гг. достаточно типичное аграрное общество России трансформируется в специфический российский аграрный капитализм. Особенностью этой трансформации является полномасштабное ис-

пользование реставрационных механизмов. Гранью ухода традиционного общества являются 1960-е гг., когда в основном разрушается присущий аграрному обществу экономический, социальный, бытовой, духовный уклад, большая часть крестьян перемещается в промышленность, а остальные пролетаризируются, лишаясь необходимого пространства крестьянского типа хозяйствования, деревню постепенно осваивает капитал. В 1970–1980-е гг. мы видим качественно новое состояние аграрной подсистемы России, предопределившее приватизацию 1990-х гг. То же, что в прежней историографии характеризовалось как социалистическое колхозное устройство, выступает в этой системе координат анализа аграрного строя в качестве специфического российского механизма капитализации и раскрестьянивания деревни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003.

² Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991.

³ Безнин М. А. Раскрестьянивание России // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1992. Ч.1. С. 103–110.

⁴ Безнин М. А., Димони Т. М. Зажиточное крестьянство России во второй половине XX века // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 5–15.

⁵ Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001; Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111; Политика раскрестьянивания в Сибири. Отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Вып.1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. Новосибирск, 2001; Вып.2. Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. Новосибирск, 2002; Вып.3. Налогово-податное обложение деревни 1946 – 1952 гг. Новосибирск, 2003.

⁶ Димони Т. М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России). Дисс. ...к.и.н. Вологда, 1996; Безнин М. А., Димони Т. М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 155–166; Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81–99; Безнин М. А., Димони Т. М. Завершение раскрестьянивания в России (вторая половина XX века) // Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2 т. Т.1. М., 2002. С. 632–643; Димони Т. М. История колхозной деревни в романном творчестве Ф. А. Абрамова // Отечественная история. 2002. № 1. С.123–135; Димони Т. М. «Председатель»: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х гг. // Отечественная история. 2003. № 6. С. 91–101.

⁷ Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй и поземельные отношения в России в 1930–1990-е гг. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 5–15.

⁸ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. Б/м., 1923. С. 21; Маслов С. Крестьянское хозяйство. Очерки экономики мелкого земледелия. М., 1915. С. 124.

- ⁹ См.: например, *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России 1881 – 1904. М., 1980. С. 157.
- ¹⁰ *Шестаков А.* Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.) М., 1924.
- ¹¹ *Rostow W.* The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. 1960; *Крылов В. В.* Теория формаций. М., 1997; *Островский А. В.* История цивилизации СПб., 2000. С. 201; и др.
- ¹² *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 161 – 183.
- ¹³ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Статистические сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927 – 1930 г. М., 1931.
- ¹⁴ *Вознесенский Н. А.* Хозрасчет и социалистический план // Избранные произведения. М., 1979. С. 46.
- ¹⁵ *Венжер В. Г.* Использование закона стоимости в колхозном производстве. М., 1965. С. 267.
- ¹⁶ *Венжер В. Г.* О методике исчисления издержек производства в колхозах // Вопросы экономики. 1955. № 11. С. 82–95.
- ¹⁷ *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 265, 266.
- ¹⁸ Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1969. С. 256.
- ¹⁹ Уровень и структура себестоимости сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов. М., 1975. С. 10, 26, 42; Уровень и состав затрат на производство валовой продукции колхозов и совхозов и продуктов растениеводства совхозов за 1966 – 1980 г. М., 1983. С. 8, 9.
- ²⁰ Основные показатели баланса народного хозяйства. Статистический сборник. М., 1987. С. 21.
- ²¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 3223. Л. 4.
- ²² *Суслов И. Ф.* Динамика эффективности общественного производства в сельском хозяйстве // Эффективность сельскохозяйственного производства. М., 1967. С. 29.
- ²³ Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. Статистический ежегодник. М., 1971. С. 321; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976. С. 332–333.
- ²⁴ Там же; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1981. С. 232 – 233.
- ²⁵ Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. С. 357; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1981. С. 231. Данные за 1961 – 1965 гг. – в сметных ценах на 1 января 1969 г., за 1966 – 1980 гг. – в сопоставимых ценах.
- ²⁶ Кредитно-денежная система СССР. М., 1967. С. 312.
- ²⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917 – 1967). Т. 5. М., 1968. С. 739 – 740.
- ²⁸ *Тарноцкий К. Н.* Социально-экономическая история России. Начало XX века. Советская историография середины 50-х – 60-х годов. М., 1990.
- ²⁹ *Суслов И. Ф.* Указ. соч. С. 28.
- ³⁰ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 317. Л. 24; Ф. А-374. Оп. 31. Д. 8254. Л. 1; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976. С. 149, 274, 283.
- ³¹ *Шанин Т.* Определяя крестьянство. Очерки касательно сельских обществ, эксплоатранных форм экономики и выводы из них для современного мира. Оксфорд, 1990. С. 23–24; *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979. С. 354.
- ³² *Пациорковский В. В.* Сельская Россия: 1991 – 2001 гг. М., 2003.
- ³³ *Староверов В. И.* Новое качество социостратификационной структуры современной России и проблемы ее анализа // Россия накануне XXI века. Вып. II. М., 1995. С. 147 – 178.

Областная программа по выпуску альманахов «Старинные города Вологодской области»

В четвертом выпуске альманаха «Вологда» напечатан «Список материалов и документов, опубликованных в серии «Старинные города Вологодской области»¹. В списке содержится около 450 статей, более 100 публикаций документов, около 40 литературных и других материалов, появившихся в указанной серии книг. Названный указатель является своеобразным итогом работы, проделанной Главной редколлегией альманахов за более чем 10-летний период деятельности. Сразу после публикации этот указатель устарел, потому что пока готовился четвертый выпуск альманаха «Вологда» успела выйти еще одна книга – пятый выпуск альманаха «Кириллов».

Серия «Старинные города Вологодской области» началась в 1992 г., когда вышла первая книга – альманах «Устюжна». Вып. 1. Тогда было еще не совсем ясно, как будет развиваться начатая программа. Не найдены были еще формы работы, не сформировалась группа энтузиастов, готовых осуществлять эту программу, мало было опыта организационной и технической работы. К настоящему времени проделан большой путь в реализации данной программы, накоплен большой опыт творческой, организационной и публикаторской деятельности.

В общей сложности вышло уже 26 книг в серии: «Вологда» (Вып. 1–4, главный редактор – доктор исторических наук, профессор М. А. Безнин), «Белозерск» (Вып. 1–2, главный редактор – кандидат исторических наук, доцент Ю. С. Васильев), «Кириллов» (Вып. 1–5, главный редактор – кандидат исторических наук, доцент Ф. Я. Коновалов), «Устюжна» (Вып. 1–5, главный редактор – доктор исторических наук, профессор М. А. Безнин), «Тотьма» (Вып. 1–3, главный редактор – доктор исторических наук, профессор А. В. Камкин), «Великий Устюг» (Вып. 1–2, главный редактор – кандидат исторических наук, доцент В. А. Саблин), «Вытегра» (Вып. 1–2, главный редактор – кандидат географических наук, доцент Е. А. Скупинова), «Череповец» (Вып. 1–3, главный редактор – кандидат исторических наук, доцент С. Г. Карпов). Кроме того, в сопутствующей серии – «Вологодская область. Серия альманахов», которая формально не входит в серию о старинных городах области, но вполне может рассматриваться как часть программы, – вышли альманахи «Вожега» (главный редактор – кандидат исторических наук, доцент Ф. Я. Коновалов) и «Чагода» (главный редактор – кандидат исторических наук, доцент А. Н. Башенькин).

Альманахи имеют большую популярность в области, и развитие программы, видимо, пойдет по пути расширения прежде всего серии «Вологодская область. Серия альманахов», которая первоначально не рассматривалась как основная. Уже сейчас по заявкам администраций соответствующих городов готовится целая серия альманахов: «Кадуй» (главный редактор – доктор филологических наук, профессор Г. В. Судаков), «Харовск» (главный редактор – кандидат исторических наук, доцент Н. И. Голикова), «Вожега» (Вып. 2, главный редактор – кандидат исторических наук, доцент Ф. Я. Коновалов), «Сямжа» (главный редактор – кандидат исторических наук, доцент Т. М. Димони), «Сокол» (главный редактор – И. В. Палин), «Никольск» (главный редактор – С. А. Тихомиров) и др. Конечно, будет продолжаться работа и по тем альманахам, которые в известной степени определяют лицо программы.

Как уже приходилось отмечать, главными задачами программы являются следующие:

1) обобщение и пропаганда исторического и культурного наследия, изучение природы Вологодского края;

2) методическая и организационная помощь работникам музеев, архивов, библиотек, краеведам Вологодской области в научно-исследовательской работе по самым разным направлениям изучения края.

В основном эти задачи достигаются. Внушительный список опубликованных работ, документов, других материалов свидетельствует о том, что за прошедшее время удалось резко активизировать работу по изучению Вологодской земли. Альманахи выходят, как правило, тиражом две-три тысячи экземпляров и попадают в те районы, которым они посвящены, поэтому результаты исследовательской работы являются не только достоянием узких кругов научной общественности, но и учителей, работников местных музеев, архивов, библиотек, местных администраций, школьников и всех, кто интересуется историей, культурой, географическими и природными особенностями своего края.

Главным организатором всей работы по программе «Старинные города Вологодской области» является Главная редколлегия, которая первоначально возникла как инициативная группа, а затем ее деятельность была поддержана губернатором Вологодской области, который своим решением утвердил ее состав и рекомендовал исполнительным органам содействовать реализации всей программы. В состав Главной редколлегии входят преподаватели Вологодского государственного педагогического университета, искусствоведы, работники музеев, библиотек и архивов Вологодской области, представители областной администрации (в настоящее время – правительства Вологодской области), писатели, журналисты, краеведы. Возглавляет Глав-

ную редколлегию проректор по научной работе Вологодского государственного педагогического университета доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ М. А. Безнин.

Задача Главной редколлегии заключается, прежде всего, в определении стратегии работы по программе. Заседания редколлегии проходят, как правило, один раз в год. На них рассматриваются итоги работы за прошедший период и обсуждаются перспективы. На обсуждениях рассматриваются заявки городов на подготовку соответствующих альманахов, проспекты книг и степень их готовности, ход работы над ними, материалы, получившие отрицательный отзыв на стадии рецензирования. Члены редколлегии вносят предложения по привлечению тех или иных специалистов в качестве авторов статей, высказывают суждения по разработке слабо освещенных тем истории и культуры Вологодского края, по представлению редакторов альманахов утверждают составы редколлегий.

В настоящее время в программе участвует около 150 человек, среди которых преподаватели вузов, ученые академических учреждений Москвы и ряда других городов, музейные сотрудники, работники библиотек, архивов, искусствоведы, фотографы, журналисты, учителя школ, краеведы, студенты и даже школьники. Осуществлено несколько публикаций зарубежных исследователей. Значительная часть этих людей вовлечена в работу над альманахами на постоянной основе, в качестве авторов материалов, редакторов, рецензентов, членов редколлегий. Можно с удовлетворением констатировать, что круг участников программы постоянно расширяется. И это очень важно, потому что тем самым расширяется спектр исследовательских работ, интенсивнее идет пропаганда исторического, культурного и природного наследия Вологодского края.

Особенно хотелось бы отметить работников Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника во главе с директором Г. О. Ивановой и заместителем директора по научной работе И. А. Смирновым. Альманахи «Кириллов» практически полностью состояются из материалов, подготовленных работниками данного музея. Среди них можно назвать Л. И. Глызину, Л. Л. Петрову, А. В. Смирнову. Более того, по примеру старших в исследовательскую работу постепенно вовлекается и молодежь, и в каждом следующем выпуске альманаха появляются новые имена. Это касается и филиала КБИАХМ – Музея фресок Дионисия, который возглавляет чрезвычайно интересный человек и вдумчивый исследователь М. С. Серебрякова. Очень радует то, что в Кириллове постепенно сформировался новый серьезный краеведческий исследовательский центр Вологодского края.

Активно участвуют в работе по программе сотрудники Череповецкого музея. Координационную работу в Череповце осуществляет Э. П. Риммер, которая привлекает к формированию альманахов не только своих коллег из музея, но и преподавателей высших учебных заведений города и краеведов.

Пять выпусков альманахов посвящены одному из старейших городов Вологодского края – Устюжне. Это стало возможным благодаря подвижнической деятельности директоров Устюженского музея Е. С. Крукле, Ф. Н. Новак и научного сотрудника того же музея Е. А. Воротынцевой.

В Тотême всю организационную работу по выпуску альманахов ведет директор Тотемского музея Ю. П. Ерыкалова. Целая группа исследователей сложилась в Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике: Г. Н. Козина, А. А. Глебова, И. Ф. Никитинский и др. Активно идет работа по археологическому изучению края, ее результаты регулярно обобщаются на страницах альманахов.

Особо необходимо отметить сотрудничество Главной редколлегии и редакторов отдельных альманахов с Управлением по делам архивов Правительства Вологодской области во главе с О. А. Наумовой и архивными учреждениями – Государственным архивом Вологодской области и Вологодским областным архивом новейшей политической истории. Архивисты не только постоянно публикуют собственные инициативные исследовательские работы, но и откликаются на просьбы редколлегий альманахов по подготовке серий документальных материалов по соответствующей тематике. Особенно активно работает в этом направлении директор ВОАНПИ С. Н. Цветков. Публикации с его фамилией появляются почти в каждом выпуске альманахов.

Большую помощь в работе над серией альманахов оказывает Правительство Вологодской области. Курируют эту программу заместитель Губернатора И. А. Поздняков и Департамент культуры (первоначально начальник Департамента В. В. Кудрявцев, а в настоящее время, сменившая его на этом посту В. В. Рацко). Помощь Правительства области выражается в материальной поддержке работы и решении возникающих организационных проблем.

Заказчиком подготовки альманахов выступают районные администрации. Они же выделяют и деньги на типографские расходы. Естественно, и все тиражи книг поступают непосредственно в районы. С одной стороны, это правильно – книга по истории, культуре и природе края должна попадать в руки тех, кто проживает на соответствующей территории. Однако такая система порождает и проблемы. В адрес Главной редколлегии постоянно со всей страны идут заказы на тот или иной альманах, а она лишь в очень редких случаях может помочь этим

людям или организациям. В то же время районные администрации не всегда рационально используют полученные ими тиражи книг. К сожалению, эту проблему так и не удалось решить до настоящего времени.

Тематика опубликованных в альманахах материалов достаточно разнообразна: древнейшая истории Вологодского края, история церквей и монастырей, обзоры жизни провинциальных городов, история сословий, народного образования, история провинциального искусства, ремесел, материалы по этнографии, об участии вологжан в Великой Отечественной войне. Во многих выпусках имеются статьи по природоведческой тематике, по топонимике края, освещаются биографии известных людей и др. К сожалению, более интенсивно пока разрабатывается история Вологодского края до XX в., хотя Главная редколлегия и пытается исправить этот перекос. Изучение истории советского периода очень важно для понимания происходящих сегодня процессов.

В целом можно с удовлетворением констатировать, что реализация программы «Старинные города Вологодской области» позволила активизировать процесс изучения Вологодского края. Значительной является и воспитательная функция данной программы. Видимо, не случайно такую популярность в области получила имеющая статус олимпиады конференция «Мир через культуру», на которой выступают со своими исследовательскими работами по истории, литературе, географии, биологии ученики вологодских школ, причем уровень докладов ребят из районов ничуть не уступает уровню докладов школьников из Вологды и Череповца. Лучшие из этих работ публикуются в выпусках «Вологодского общества изучения Северного края». Вырос и исследовательский потенциал сотрудников музеев, архивов, библиотек, краеведов. Расширился выпуск краеведческой литературы помимо альманахов. Появилось несколько центров, целенаправленно занимающихся исследовательской работой по изучению Вологодского края. Кроме того, накопленный в ходе реализации программы материал позволил приступить к его обобщению. Подготовлены учебные пособия по географии Вологодского края, начата работа над учебниками для средних школ области по истории края, аналогичную работу ведут филологи Вологодского педуниверситета, продолжается подготовка энциклопедии Вологодчины. Иными словами, серия «Старинные города Вологодской области» стала заметным явлением культурной жизни области последних лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Список материалов и документов, опубликованных в альманахах серии «Старинные города Вологодской области» (Публикация Л. И. Безниной и Ф. Я. Коновалова) // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2003. С. 496–539.

Объявление о доходах с помещичьих имений 1812 г. как источник по истории поместного дворянства

Манифест 11 февраля 1812 г. известил всех подданных Российской империи об установлении временного сбора с помещичьих доходов от недвижимых имений¹. Столь непопулярный шаг был вызван стремлением правительства добиться сокращения внутреннего долга. Контроль за проведением манифеста в жизнь возлагался на Государственную комиссию погашения долгов, а на местах – на губернаторов, дворянских губернских предводителей и дворянские депутатские собрания. Сам сбор осуществляли губернские Казенные палаты и уездные казначейства. Размер сбора зависел от размеров дохода владельца недвижимости и был прогрессирующим – годовой доход менее 500 руб. сбором не облагался, с дохода в 500 руб. сбор составлял 5 руб.

Подобный сбор должны были платить и другие владельцы недвижимости – мещане, получавшие ренту с приобретенных ими земельных участков, городские обыватели с дохода от сдачи в наем принадлежавшей им в городе недвижимости. От уплаты сбора освобождались греко-российское духовенство и сельские протестантские проповедники².

Историографическая традиция рассматривает сбор с доходов от недвижимых имений в контексте политики правительства, затрагивавшей интересы российского дворянства. Исследователи считают, что это один из первых в европейской практике опыт введения подоходного налога. Всесловный, или, точнее, бессловный, принцип определял его буржуазную природу. К подобной практике в Европе перейдут лишь в середине XIX в. Правда, к этому времени в России его сбор прекратится и будет возобновлен только в начале XX в.

Согласно Манифесту 11 февраля 1812 г. и «Положению о временном сборе ...» все владельцы недвижимых имений, в том числе дворяне, получившие от них доход, должны были с 1 марта по 1 мая 1812 г. подать в губернские дворянские собрания объявления о доходах с имений, ожидаемых к концу 1812 г., т. е. на текущий год (параграф 14 «Положения о временном сборе...»), и до 15 ноября 1812 г. – о доходах на 1813 г. – «и так впредь, доколе сбор сей продолжится». В объявлении следовало указать свое имя и звание, место расположения имения (губернию и уезд), размер крепостного владения (количество душ мужского пола), размер ожидаемого дохода и в казенную

палату какой губернии будет сделано внесение денег. Эти вопросы составили формуляр объявления, которое представляло собой текст в виде записки. Оформлять сведения в виде таблицы не требовалось. Часть дворян владела недвижимостью на территории нескольких губерний, поэтому параграф 5 «Положения о временном сборе...» давал право объявлять о доходах и указывать по полному формуляру размер имения «нераздельно» с имениями других губерний лишь в одной губернии. О своем намерении объявить доход в выбранной губернии владелец поместья должен был известить соответствующее губернское дворянское депутатское собрание. Дворянские собрания других губерний следовало поставить в известность «только для ведома, где они доход свой показали», не отвечая на все вопросы формуляра. Владельцы имений, освобожденные от уплаты временного сбора, также были обязаны сообщить о своем доходе. Таким образом, по замыслу законодателя, сбор сведений о доходах с поместий должен был охватить всех владельцев в каждой губернии. Соответственно в архивах дворянских обществ каждой губернии должны были отложиться объявления о доходах с помещичьих имений всех помещиков данной губернии. На практике сбор сведений встретил ряд затруднений. Сбор сообщений об ожидаемом доходе в 1812 г. прошел более или менее успешно, а вот сбор объявлений о доходе на 1813 г. был практически сорван. Часть владельцев имений просто уклонилась от объявления своего дохода без объяснений уважительных причин, другие сослались на уважительные причины. В результате между Санкт-Петербургом и губернскими дворянскими предводителями возникла соответствующая переписка. Она также сохранялась в архивах дворянских обществ. На местах причину срыва кампании по сбору объявлений о доходах с недвижимых имений на 1813 г. объясняли подготовкой к войне и начавшимися военными действиями против Наполеона: часть помещиков не успела декларировать доход по причине отъезда в армию, а часть — не смогла сделать этого, так как их имения оказались на захваченной территории³. В результате срок подачи объявлений о доходах на 1813 г. был продлен до 1 мая 1813 г.⁴ Правительство так и не смогло наладить сбор денег, и к 1819 г. Манифест 11 февраля 1812 г. был отменен⁵. Недоимки по уплате временного сбора с доходов от недвижимых имений продолжали собирать до 1825 г., когда последовал ряд указов, поставивших точку в истории этого сбора⁶.

За время действия Манифеста 11 февраля 1812 г. в недрах губернских учреждений образовался целый комплекс источников, содержащий сведения о помещиках, в том числе и о членах губернских дворянских корпораций, впоследствии отправленный на хранение в губернские архивы⁷. Ниже сделана попытка охарактеризовать каждый

вид документа, составляющего данный комплекс, его сохранность по Вологодской губернии, информативность источников и возможность использования для решения ряда исследовательских задач.

Первичным документом комплекса является оригинал объявлений о доходах. Он представляет собой лист обычной писчей или черновой бумаги с рукописным текстом. Объявление составлено в свободной форме. Его содержание определялось вопросами, заключенными в «Положении о временном сборе ...» (т. е. «кто с какого владения и какой доход получает, где его заявил и собирается взнести деньги».) Однако отвечая на эти вопросы, заявитель дохода считал нужным объяснить некоторые обстоятельства, связанные с платежом взноса, поэтому часть информации можно считать обязательной для объявлений, а часть – факультативной.

По мере поступления объявления регистрировались в «Книге входящей Вологодского дворянского депутатского собрания для записи объявлений, подаваемых о получаемых владельцами доходах». Запись вносилась в таблицу следующей формы⁸:

Литера алфавита	№	Когда вступило в дворянское депутатское собрание	Содержание объявления (кто, каков доход, сколько следует и куда платить будет)
1	2	3	4

На листах объявлений в левом верхнем углу проставлялись регистрационные номера, и затем из них составлялись книги-тома дел, которые хранились в архиве губернского депутатского дворянского собрания. Какие задачи позволяет решить информация, заключенная в оригиналах объявлений о доходах с недвижимых имений?

Сохранность комплекса объявлений о доходах с недвижимых имений в Вологодской губернии за 1812 г. характеризуется следующими показателями: всего зарегистрировано объявлений 1132, сохранились оригиналы объявлений за №№ 1–412, 681–1132⁹, т. е. сохранность составляет 76,23%. Около 70 владельцев не подали объявлений в установленный срок.

Во-первых, изучение полного комплекса объявлений позволяет составить географическую карту поместного владения вологодских дворян-землевладельцев. Заявленная возможность позволяет подтвердить или опровергнуть тезис, высказанный авторами монографии «Эволюция феодализма в России»: «...распространенное уже в XVII веке явление – распыленное расположение феодальных имений, принадлежавших одному и тому же владельцу, – в дальнейшем принципиальных изменений не испытало»¹⁰.

Характеризуя сообщества владельцев и их поместные владения в пределах административно-территориальных единиц, современники, а

за ними и исследователи¹¹, как правило, останавливались перед невозможностью нарисовать полную картину землевладения и определить одну из важных качественных характеристик рассматриваемых сообществ землевладельцев – действительные размеры их крепостного владения. Вероятно, считалось, что собрать сведения о поместных владениях за пределами губернии или даже установить факт их наличия и, следовательно, определить истинные размеры источника материального благополучия владельцев – задача практически неразрешимая. Автору этих строк не удалось обнаружить попытки составления «ведомости» о владельцах поместий с указанием размеров имений «по совокупности» как в регионах, так и в общероссийском масштабе. Результат – вывод о том, что имеющиеся сведения о материальном положении помещиков неполны и, следовательно, неизбежны погрешности в определении материального положения землевладельцев в региональных исследованиях. Между тем рассматриваемый комплекс источников, образовавшийся в результате сбора сведений о доходах с недвижимых имений в 1812–1819 гг., расширяет возможности исследователей в решении обозначенной задачи.

Следует оговориться, что в объявлениях, поданных «только для ведома», в объявлениях владельцев, предполагавших делать взнос в другой губернии, сведения о размере имения и доходах с него являются факультативными.

В свою очередь, для правительства факультативными являлись сведения о задолженности помещика кредитным учреждениям – приказам общественного призрения, Санкт-Петербургскому и Московскому опекунским советам – и частным лицам. Тем не менее заявители дохода указывали в своем объявлении размер долга или сумму, уплачиваемую в качестве процентов по ссуде, вычитая ее из суммы получаемого дохода. В результате появляется возможность установить факты заклада имения и масштабы этого явления.

Объявления подписывалось лицом, лично его подавшим. Право подавать сообщения о доходе имели владелец и лицо, управлявшее имением по поручению владельца. В результате часть объявлений оказалась подписана лично владельцем, а часть – доверенным лицом. Последние подписывали его в двух случаях: в случае перепоручения подачи объявления и в случае неграмотности подававшего объявления. Таким образом, источник можно использовать: а) для характеристики системы управления имениями конкретного помещика и имениями в пределах административных границ; б) для характеристики грамотности владельцев имений и управлявших имениями лиц. Графологический анализ почерка подписи или текста объявления позволяет определить уровень грамотности, культуры письма.

Еще одна возможность использования объявлений о доходах вытекает из методики формирования из объявлений книг-томов для архивного хранения. Речь идет об определении численности владельцев поместий в пределах административной территории и о формировании на этой основе числа поместных владений на данной территории. При характеристике поместной системы последнее имеет большое значение, а решение этой задачи наиболее трудоемко и затруднено узостью источниковой базы.

В книги-тома объявления членов одной семьи (супругов и их детей, братьев, сестер), возможно, не случайно подшивались друг за другом, а иногда и регистрировались в такой же последовательности. Это, несомненно, облегчает возможность создать картину посемейного состава владельцев недвижимости на какой-либо территории, установить состав семьи, родственные связи владельцев. Оценить данную информативную способность источника можно, зная, что источников, позволяющих решить обозначенную выше задачу, для начала XIX в. не так уж много. Автору статьи удалось обнаружить лишь один источник, позволяющий установить посемейный состав поместных дворян Вологодской губернии (*только проживающих* на территории губернии). Он относится к 1850-м гг. Исследователи знают, насколько трудоемка процедура поиска рассыпанных по архивным фондам и случайно обнаруживаемых свидетельств родства.

Когда речь идет об определении численности дворян-помещиков в пределах какой-либо административной территории на основе конкретного источника, то встает вопрос о его полноте, а если это комплекс источников, то о его сохранности. Для получения ответа на этот вопрос мною были сопоставлены книги-тома объявлений о доходах с записями в «Книге входящей...», где регистрировались объявления. Однако оказалось проще это сделать, используя «Книгу владельческих доходов по Вологодской губернии на 1812 год»¹². Книга имеет и служебное название – «Союзнца».

Формуляр «Союзнцы» был спущен сверху – на места был разослан изданный типографским способом образец записи. Документ должен был иметь название: «Книга владельческих доходов N-ской губернии на 1812 год». Записи следовало вносить в таблицу следующего вида¹³.

Имя владельцев	Объявленный доход	Сумма, причитающаяся по раскладке процентов	Примечание
(вписываются по алфавиту имена владельцев с их чинами)	(сумма объявленного дохода)	(вносится сумма, причитающаяся в сбор по табели и изображается рублями, не принимая в счет копеек)	(отмечаются имена владельцев имений, которые находятся в разных губерниях)

На практике вологодские чиновники внесли в формуляр дополнения, а именно: добавили графу «№ по книге входящей» и графу «Показано душ» и изменили названия остальных граф. В результате получилась иная форма таблицы.

№ по книге входящей	Ф.И.О., чин	Показано душ	Показан доход	Назначен сбор (%)	Куда будет платить (т. е. в казенную палату какой губернии)
---------------------	-------------	--------------	---------------	-------------------	---

В таком виде делопроизводители и чиновники могли легко ориентироваться в томах архивных дел, состоящих из более чем 1000 листов, и быстро находить объявления интересующих их лиц. Данные изменения делали «Книгу ...» не формальным фискальным, а рабочим документом.

Следует подчеркнуть, что «Книга владельческих доходов...» является вторичным по отношению к «Книге входящей...» источником.

Некоторые помещики так и не сообщили о своих доходах в 1812 г. Тогда в соответствие с «Положением о временном сборе...» депутатское дворянское собрание само назначало сумму ожидаемого дохода из расчета 8 руб. с ревизской души (на основании имеющихся сведений о размере владения на территории губернии). Одновременно составлялись «Ведомости о неподававших в срок сведения о доходах, полученных в 1812 году».

Формуляр ведомости представлял собой таблицу, записи в которой велись в алфавитном порядке.

Владелец	Число душ	Сколько должно получать доходу	%	В какое уездное казначейство должна быть внесена сумма
----------	-----------	--------------------------------	---	--

Ведомости составлялись для подачи Казенную палату губернии.

Использовать данный источник следует в комплексе с «Книгой входящей...». В результате возможно установить общее число владельцев имений на территории губернии.

Проведенное автором исследование и анализ рассматриваемого выше комплекса источников по Вологодской губернии позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, вывод о высокой сохранности документов комплекса, образованного кампанией по сбору сведений о доходах 1812 г. Во-вторых, о перспективности введения охарактеризованного выше комплекса документов в научный оборот с целью определения количественных показателей, характеризующих состав землевладельцев на административных территориях, с целью составления географии поместного владения в России в первой половине XIX в., а также с другими целями – например, дать характеристику региональных особенностей организации управления поместьями, охарактери-

зовать уровень грамотности, а следовательно, и подготовленности владельцев или управляющих для эффективного управления помещением. Сегодня комплекс еще ждет своего исследователя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСЗ 1. Т. 32. № 24992.

² Там же. № 25090, 25173.

³ ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 15. Л. 136.

⁴ ПСЗ 1. Т. 32. № 25354.

⁵ Там же. Т. 36. № 28028.

⁶ Там же. Т. 40. № 30247, 30425.

⁷ ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6, 7, 8, 9, 10, 15.

⁸ Там же. Д. 15. Л. 2–16 об.

⁹ Там же. Д. 6, 7, 8, 15.

¹⁰ Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 158–159.

¹¹ ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 253. Л. 87; *Троицкий А.* О числе крепостных людей в России. СПб., 1858. С. 9.

¹² ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 15. Л. 153–215.

¹³ Там же. Л. 123.

Н. И. Голикова

Землепользование государственных крестьян в конце XIX – начале XX в. (по материалам Вологодской губернии)

Исследователи истории северной деревни XIX – начала XX в. рассматривали проблемы региона на основе изучения сложившихся традиций, природно-климатических условий, реализации законодательства по вопросам землепользования различных разрядов крестьян¹. Землепользование государственных крестьян северной деревни в пореформенный период определялось не только положениями закона 24 ноября 1866 г., но и специальной инструкцией Министерства государственных имуществ от 15 октября 1869 г. В соответствии с нею Вологодская губерния относилась к третьей категории губерний с незавершенным межеванием и нуждалась в проведении подготовительных работ, которые планировалось закончить через шесть лет, то есть к 1872 г. В течение этого времени намечалось «привести в известность пространство и границы крестьянского надела, причем вновь отвести и отграничить надел там, где при переложной системе хлебопашества надел этот не имел постоянных границ». Кроме того, требовалось предъявить крестьянам границы и площади наделов с учетом их возражений. Далее на основе размеров наделов, отводимых на душу (в 8

и 15 десятин), и доходности земель по селениям следовало определить общую по губернии сумму оброчной подати². Разумеется, при таком большом объеме подготовительных работ намеченные первоначальные сроки проведения реформы не были выдержаны. Подготовительные работы начались не сразу. В Вологодской губернии к ним приступили лишь весной 1872 г.³ Выдача владенных записей в ее семи уездах затянулась до 1897 г.⁴ Что касается трех остальных – Сольвычегодского, Усть-Сысольского, Яренского, – то в них к этому времени как межевание, так и другие виды работ еще не проводились. Впоследствии, несмотря на принимаемые Министерством земледелия и государственных имуществ в 1903 и 1912 гг. решения, они так и не были начаты по ряду причин⁵.

В ходе землеустроительных работ для подготовки к выдаче владенных записей в государственной деревне ставилась задача обязательного отграничения крестьянских наделов от земель казенного ведомства. Это объяснялось необходимостью ликвидации чересполосицы, спрямления границ. Но для крестьян северной деревни эти мероприятия имели особое значение, так как разрешенные в 60-е гг. XIX в. расчистки в казенных лесах Вологодской губернии играли немаловажную роль в земельном обеспечении крестьянского хозяйства⁶. Теперь же крестьяне лишались тех участков земли, которые были ранее разработаны ими в казенных дачах под посевы льна, ржи или сенокосы, а в настоящее время оказались за пределами границ отведенных наделов. Правда, казна пошла на то, чтобы заменить их близлежащими участками из казенных земель, прирезая их к крестьянским наделам. Но обычно это были малопродуктивные земли, не отвечающие требованиям крестьян. Так, в отчете старшего чиновника по выдаче владенных записей в Вологодской губернии за 1875 г., представленном в Министерство государственных имуществ, критически оценивались действия межевых чинов при отграничении крестьянских земель от казенных. «Нередко они отрезали в казну сенокосные поляны, а с другого конца дачи отдавали крестьянам мало к чему годные лесные болотные пространства, лишь бы в площади крестьянского надела заключалась законная пропорция земли на душу»⁷.

Впоследствии отмежеванные крестьянские угодья отдавались управлением государственных имуществ крестьянам в дополнительный надел с отдельной платой или сдавались им в аренду. Видимо, подобные действия объясняли рост доходов казны в Вологодской губернии от сдачи оброчных статей, которые увеличились за 1872–1874 гг. с 18 410 руб. 53 коп. до 28 338 руб. 54 коп.⁸, или на 64,96%. Аналогичные ситуации складывались при проведении землеустроительных работ в 1880-е гг. В качестве примера можно привести факт отрезки сенокосных угодий у крестьян деревни Усть-Щеновской Есю-

тинской волости Вельского уезда, которые находились с незапамятных времен в бесплатном пользовании крестьян. В ходе подготовительных работ эти земли были размежеваны в казенную дачу⁹. Крестьяне в ответ подали прошение в губернское по крестьянским делам присутствие о возвращении данных участков. Просьба их была удовлетворена. Но получили они их в качестве дополнительного надела с выплатой платежей. У крестьян деревни Шиловской Никифоровской волости этого же уезда были отрезаны в казенную оброчную статью лесные участки размером в 280 десятин¹⁰. Причем не учитывалось, что надел на душу здесь был далек от 15-десятинной душевой нормы, составляя лишь 9,2 десятины. По требованию крестьян земли были возвращены, но, как и в первом случае, за дополнительные платежи. Таким образом, реализация земельного законодательства в государственной северной деревне приводила к сокращению крестьянского землепользования за счет включения в надел малопродуктивных земель, отрезки и обмена крестьянских угодий на казенные худшего качества. В связи с этим возрастала потребность крестьян в расширении аренды, источником которой служили земли казны.

Не менее важной особенностью пореформенного землеустройства государственных крестьян был отвод лесных наделов сельским обществам с уплатой за него лесного налога. С введением крестьянских лесных наделов казна стала принимать жесткие меры, чтобы оградить свои владения от посягательств крестьян. Кроме законов, ограничивших лесопользование крестьян в 60-е – 70-е гг. XIX в.¹¹, появилось высочайше утвержденное положение 4 апреля 1888 г. «О сбережении лесов»¹². Подсеки крестьян за чертой их наделных земель стали рассматриваться как самовольные и сурово преследоваться. Реакция крестьян на мероприятия властей по ужесточению охраны владений казны была неоднозначной и проявлялась в различных формах: от увеличения прошений об аренде казенных земель и выделе дополнительных наделов до возражений и протестов. Протест выражался чаще всего в фактах самовольных сенокосений крестьян на участках, ранее находившихся в их пользовании. Причем крестьяне чаще всего стремились объяснить свои действия, не отказывались нести за них ответственность, если считали предъявляемые требования справедливыми. Так, 46 крестьян деревни Манылова Никольской волости Тотемского уезда, обвиненные в самовольном сенокосении 430 пудов сена в казенной даче, были привлечены к судебному разбирательству на уровне земского начальника по уголовному отделу¹³. Крестьяне явились на рассмотрение дела с объяснением того, что скошенные участки «они всегда косили до 1891 г., так как арендовали казенную оброчную статью за 54 рубля с этими участками. И только сейчас от лесничего им стало известно, что по новым планам названные площа-

ди отнесены к другой оброчной статье». Исходя из доводов крестьян, земский начальник велел сено вернуть. Однако дело получило продолжение в жалобах лесничего на решение земского начальника, направленных в несколько инстанций. Сначала оно рассматривалось в январе 1892 г. уездным съездом, который подтвердил вердикт земского начальника¹⁴. Затем жалоба лесничего поступила в губернское управление государственных имуществ. Но и оно решением от 18 мая 1892 г. оставило все без изменений.

Распространение различных видов аренды в казенных дачах, вовлечение крестьян в более активные правовые отношения с казной в конце XIX в. подтверждает ряд других материалов из фондов земских начальников как первой судебной инстанции в мировых участках уездов. Чаще всего в них содержались сведения по спорным вопросам между крестьянами и чинами лесного ведомства. Примером являются данные из протокола, составленного кубенским лесничим, с обвинением крестьян деревни Верхней Кремлевской волости Кадниковского уезда в самовольной уборке тимофеевой травы в казенной Глубоковской даче¹⁵. В ходе судебного разбирательства крестьяне объяснили, что подсека была ими взята на три года в мае 1893 г. Рожь они посеяли вместе с травой в 1894 г., рожь поспела в 1895, а трава лишь в 1896 г., когда казна отказала в продлении срока аренды. При рассмотрении дела земский начальник счел, что посев тимофеевой травы не был самовольным, так как лесничий не опротестовывал действия арендаторов. Приняв во внимание, что «тимофеева трава такое сельское произрастание, что к концу срока не созрело», земский начальник признал сбор травы обвиняемыми после истечения срока аренды на подсеки за пределами уголовно наказуемого проступка¹⁶. Попытка лесничего добиться отмены решения земского начальника через уездный съезд не увенчалась успехом. Главным аргументом на суде в пользу крестьян был довод о наличии у них билета на разработку новины под посев ржи сроком на три года. При этом особенно подчеркивалось, что «договор, заключенный обвиняемыми с казной, несомненно, должен считаться окончившимся со снятием плодов с арендованной земли»¹⁷.

Аренда казенных земель под расчистки для северного крестьянина имела особое значение, хотя подсечное земледелие могло развиваться далеко не везде. Это было связано с тем, что для подсеки требовались определенные условия, которые во многих местах отсутствовали¹⁸. Можно считать, что по этой причине в фонде губернского управления государственных имуществ встречаются крестьянские прошения об осушении болот с целью приобретения права на безвозмездное 40-летнее пользование полученной площадью для сенокоса. После истечения срока участок передавался казне. С подобным предложени-

ем на имя лесничего обратились в феврале 1878 г. двое крестьян деревни Святицы Погореловской волости Тотемского уезда¹⁹. Предлагался следующий порядок действий: прорытие канав на 1500 сажен, осушка участка, очистка от корней. Крестьяне указывали, что работы требовали немало времени, труда и денежных затрат, а возмещение расходов относилось на неопределенный срок. Лесничий, направляя заявление крестьян в управление, одобрительно отозвался об их проекте. Подчеркивая выгоду для казны, сослался на то, что «болото на несколько верст ничего не обещает в дальнейшем», но предложил сократить срок бесплатного пользования до 12–18 лет²⁰. Управление остановилось на сроке в 12 лет. Скорее всего, эти условия не устроили крестьян, и их планы не получили дальнейшего развития.

Потребность крестьян в аренде земель со временем еще больше возрастала. В конце XIX в. к обсуждению вопроса о расширении крестьянских возможностей по приобретению аренды казенных оброчных статей активнее подключились съезды лесничих, земские собрания и местные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Например, в сводном отчете съездов лесничих Вологодской губернии за 1898 г. указывалось на острую необходимость получения разрешения от департамента земельных и государственных имуществ на «расчистку лесных площадей с целью образования оброчных сенокосных статей»²¹. Губернское управление государственных имуществ поддержало решение съездов, но требовалось заключение департамента.

В департаменте государственных земельных имуществ с июля 1903 г. рассматривалось ходатайство, поступившее от Вологодского губернского земского собрания, в котором ставился вопрос или об отводе в надел крестьянам Сольвычегодского уезда казенных земель, сдаваемых в аренду для посева льна, или увеличении сроков аренды. По мнению губернского земства, эти меры должны были «поддержать льноводство за счет правильного чередования подсека»²². Департамент в ответ потребовал от местного управления государственных имуществ собрать сведения о положении дел, позднее вопрос был передан в лесной департамент. Только года через полтора, в марте 1905 г., было принято окончательное решение на уровне заместителя управляющего главного управления землеустройства и земледелия²³. В нем снова говорилось о предстоящем в скором времени поземельном устройстве крестьян Сольвычегодского уезда, а пока разрешалось губернскому управлению сдавать оброчные статьи крестьянским обществам в аренду без торгов на срок не менее 12 лет. Кроме того, в виде льготы крестьянам предоставлялось право продления аренды на новый 12-летний срок при соблюдении ими условия контракта и правильного ведения на арендуемой статье льняного подсека хозяйства²⁴. То есть в ответ на ходатайство губернского земства, центральные

земельные учреждения длительное время решали ситуацию в Сольвычегодском уезде, а принятые меры носили паллиативный характер.

В начале XX в. государственные крестьяне ряда уездов губернии столкнулись с новыми трудностями по земельному вопросу. Во-первых, ожидаемое землеустройство в трех северо-восточных уездах вновь было отложено на неопределенный срок²⁵. Во-вторых, в Вологодской губернии наряду с другими северными и северо-восточными губерниями в рамках «колониационной политики образовывались переселенческие участки по высочайше утвержденным правилам от 25 июня 1903 года»²⁶. В первую очередь, работы созданной Пермско-Вологодской партии по подготовке переселенческих участков затронули Никольский уезд. Он относился к числу многоземельных уездов, был лучше обеспечен сенокосами и выгонами²⁷. Для переселенцев нарезались наделы из земель казны, сюда же включались многие оброчные статьи. Старожилы страдали из-за того, что арендованные и разработанные ими земли оказались замежеванными в переселенческие участки. В обмен коренным жителям отводились земли под статьи, «сплошь и рядом покрытые лесом, для получения на них пахотных и сенокосных угодий требовались труд и время»²⁸. Причем крестьяне вначале были уверены, что они получают прирезки к наделам, а не оброчные статьи, и считали работу членов переселенческой партии направленной на их землеустройство²⁹. Их ожидало разочарование, которое нашло подтверждение в статистических данных о потерях крестьянами ряда угодий уже в 1904 г. Сводная ведомость по Никольскому уезду, составленная землеустроителями, включала число селений по всем десяти волостям, число домохозяев в уезде, число арендаторов сенокосов не только у казны, но и на отчуждаемых участках оброчных статей. В ней же были представлены сведения о доходах с оброчных статей – объем снятого с участков сена в пудах³⁰. По нашим подсчетам, из 100% домохозяев арендовало покосы у казны 66%. На арендаторов оброчных статей приходился 61% полученного сена, а снимаемого с наделных земель гораздо меньше – 39%. Кроме того, в таблице фиксировалось количество сена в 91 239 пудов, полученного с той части оброчных статей, которые были замежеваны в переселенческие участки без замены. Оно составляло от всего количества сена, снимаемого с наделной и арендной земли, 4%; от сена, полученного со всех оброчных статей, – 6%.

Ситуация с образованием переселенческих участков в Никольском уезде отразила изменения в политике казны в области распоряжения земельным имуществом. Отвод части земель для переселенцев сказывался на ухудшении положения старожилов в регионе из-за утраты части расчисток, неравноценного обмена арендуемых земель на вновь отграниченные.

В начале XX в. высказывались и другие мнения на перспективу развития арендных отношений между крестьянами и казной. Они исходили от ряда членов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которые во время обсуждения земельного вопроса на заседаниях комитетов настаивали на передаче казенных земель в собственность крестьян. Результаты работы 531 комитета по 49 губерниям Европейской России были сведены в один из сборников, посвященный арендному землепользованию³¹, где излагалась и противоположная позиция на переход всех казенных земель в частную собственность³². Представители уездных комитетов Вологодской губернии не оспаривали принципа аренды земли. Они лишь вносили предложения об увеличении срока аренды до 36 лет (Никольский), от Вельского комитета предлагалось не допускать повышения платы при возобновлении контракта с арендатором, обеспечившим улучшение арендованной земли³³. Высказанные пожелания с мест поддержал и Вологодский губернский комитет.

Таким образом, в области крестьянского землепользования в государственной деревне Вологодской губернии конца XIX – начала XX в. прослеживается значительная роль аренды казенных оброчных статей для крестьянского хозяйства. Она объяснялась и особенностями пореформенного землеустройства, и политикой казны, заинтересованной в получении доходов от своей собственности. В то же время крестьянство – второй участник земельных отношений – упорно стремилось использовать различные возможности для улучшения своей земельной обеспеченности, что не всегда удавалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М, 1968; Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века: к вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976; История северного крестьянства. Т. 2. Архангельск, 1985; Островский А. В. Сельское хозяйство Европейского Севера России 1861 – 1914 гг. СПб., 1998.

² Отчет о работах по земельному устройству государственных крестьян за 1870 год. СПб., 1871. С. 13.

³ Отчет о работах... за 1872 год. СПб., 1873. С. 10.

⁴ История северного крестьянства. Т. 2... С. 35.

⁵ Обзор деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ за четвертый год существования. 30 марта 1897 – 30 марта 1898 г. СПб., 1898. С. 180.

⁶ К истории государственных крестьян Вологодской губернии второй половины XIX века (Публикация Е. И. Индовой) // Северный археографический сборник. Вып. 3. Вологда, 1973. С. 260.

⁷ ГАВО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

⁸ Памятная книжка Вологодской губернии на 1875/ 76 гг. Вологда, 1875. С. 89.

⁹ ГАВО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 3. Л. 215.

¹⁰ Там же. Л. 215 об.

- ¹¹ Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887 гг. СПб., 1888. Ч. III. С. 152.
- ¹² ПСЗ-III. Т. VIII. 1888. № 5120. СПб., 1890. С. 148.
- ¹³ ГАВО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 129. Л. 31.
- ¹⁴ Там же. Л. 38 об.
- ¹⁵ Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 6745. Л. 38.
- ¹⁶ Там же. Л. 39.
- ¹⁷ Там же. Л. 40.
- ¹⁸ Островский А. В. Указ. соч... С. 69.
- ¹⁹ ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 4133. Л. 1.
- ²⁰ Там же. Л. 5.
- ²¹ Там же. Д. 6840. Л. 406.
- ²² Там же. Д. 7702. Л. 5.
- ²³ Там же. Л. 39.
- ²⁴ Там же. Л. 40.
- ²⁵ История северного крестьянства. Т. 2... С. 36.
- ²⁶ ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58. Л. 37.
- ²⁷ История северного крестьянства. Т. 2... С. 63.
- ²⁸ ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1045. Л. 1.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Ф. 299. Оп. 1. Д. 58. Л. 104.
- ³¹ Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Аренда / Составил Д. С. Флексор. СПб., 1903.
- ³² Там же. С. 112.
- ³³ Там же. С. 107.

Ю. А. Смирнов

«Старослужащие» в составе Вологодского губисполкома в 1919 г.: численность и должностной состав

В исторической литературе, посвященной периоду складывания советской политической системы, долгое время преобладало мнение, согласно которому строительство первого в мире социалистического государства было начато, что называется, с чистого листа. Руководствуясь идеологическим постулатом о разрушении старого аппарата государственной власти и создании на его месте нового как первоочередной задаче пролетарской революции, исследователи, как правило, не уделяли сколько-нибудь серьезного внимания вопросам использования большевиками в практике государственного строительства важных элементов дореволюционной государственной машины. Пожалуй, наиболее очевидным примером такого рода являются кадры дореволюционного аппарата управления, перешедшие на службу в советские правительственные учреждения.

Первые шаги по изучению этой категории служащих были предприняты во второй половине 1950-х гг. А. В. Венедиктовым¹, а позднее

– В. З. Дробижев², показавшими широкое использование труда указанной категории служащих в органах управления народным хозяйством Советской России. Вопросы разработки и осуществления политики Советской власти по привлечению к сотрудничеству буржуазных специалистов, включая соответствующую часть сотрудников управленческих структур свергнутой большевиками власти, рассмотрел С. А. Федюкин³. В начале 1970-х гг. эта работа была продолжена М. П. Ирошниковым, В. З. Дробижев⁴, Е. И. Пивоваром и др. учеными⁴, проанализировавшими кадровый состав центральных органов Советской власти по материалам переписей, проведенных в 1918 и 1922 гг. Наряду с определением численности и должностного состава сотрудников центрального советского аппарата, обладавших дореволюционным опытом службы в системе государственного управления, был выявлен и ряд факторов, влиявших на степень их концентрации в тех или иных наркоматах (характер учреждения и его место в системе советского правительственного аппарата, наличие или отсутствие у него дооктябрьского предшественника, а также роль последнего в выполнении тех или иных общегосударственных функций, в особенности учетно-регистрационных, связи, путей сообщения и др.). По результатам исследований, показавших высокий (от 30% до 64%) удельный вес служащих с дореволюционным стажем в целом ряде наркоматов, а также весомое (от 35% до 90%) присутствие лиц этой категории в руководящем составе центральных органов власти по состоянию на 1918 г., М. П. Ирошниковым была поставлена и проблема кадровой преемственности советского аппарата управления. Пожалуй, последними по времени крупными публикациями, в которых затрагиваются вопросы использования Советской властью дореволюционного кадрового потенциала, стали монографии Е. Г. Гимпельсона⁵, посвященные анализу состава советских управленцев в 1917–1920-х гг.

Характерной особенностью большинства указанных исследований является существенный дисбаланс в степени изученности центрального и местного аппаратов управления, что объясняется прежде всего состоянием источниковой базы. Как статистические материалы, так и документы центральных архивов, послужившие основой для создания большинства работ на интересующую нас тематику, содержат весьма ограниченный объем сведений о служащих местных органов власти. Восполнить имеющийся пробел могла бы разработка документальных собраний региональных архивов.

Важным направлением изучения провинциального советского управленческого аппарата и той его части, которая имеет дореволюционное прошлое, остается анализ результатов различного рода анкетирования, переписей и других статистических исследований, проводившихся в первые годы Советской власти не только в центре, но и на

местах. Особую ценность такого рода источникам придает то обстоятельство, что на основании имеющейся в них информации можно выявить тот контингент служащих, который имел «старорежимный» стаж работы в правительственных учреждениях.

В частности, Государственный архив Вологодской области располагает комплексом документов, характеризующих состояние губернского аппарата управления на начальном этапе существования Советского государства. Наиболее полные сведения приводятся в делопроизводственных материалах за 1919 г. Именно они и составили документальную основу данной статьи. Обработка данных, содержащихся в архивных источниках, производилась с опорой на методику, использовавшуюся М. П. Ирошниковым, В. З. Дробижевым и другими исследователями⁶ при анализе материалов переписей центральных советских учреждений 1918 и 1922 гг.

В первую очередь к числу интересующих нас документов относятся списки служащих государственных, профсоюзных и частных учреждений г. Вологды, представленные в январе 1919 г. в отдел распределения рабочей силы⁷. Обязательное постановление губисполкома на сей счет диктовалось тем обстоятельством, что Вологодский отдел распределения рабочей силы был не в состоянии выполнить многочисленные заявки организаций, испытывавших острую потребность в кандидатах на так называемые «интеллигентные» должности бухгалтеров, счетоводов, техников, инженеров и т. д. И это при том, что, как говорилось в обращении заведующего отделом в губисполком, «во многих советских учреждениях, прельстившись красноармейским пайком, на должностях курьеров, рассыльных, телефонистов и мелких канцелярских служащих находятся люди со специальными познаниями и высшим образованием, а в других учреждениях на должностях счетоводов и делопроизводителей служат лица без всякого образования и канцелярской практики. Вследствие этого во многих канцеляриях и учреждениях существует хаос»⁸. Получив требуемые сведения, руководители отдела распределения рабочей силы предполагали «всех работающих не по своей профессии с работы снять, заменив их безработными с биржи труда, а снятых заставить работать по профессии и знанию»⁹. Из вопросов формуляра, предложенного для заполнения в советские учреждения, за исключением имеющих специфический интерес для биржи труда (вроде «Застрахован ли в кассе» или «Когда прислан биржей»), несомненную ценность представляют такие сведения, как «Возраст», «Должность», «Оклад содержания», «Род прежней службы», а также «Образовательный ценз».

Еще один заслуживающий внимания источник был сформирован в результате деятельности комиссии по сокращению штатов государственных учреждений, собравшей в июле–августе 1919 г. значительное

число материалов о личном составе отделов губисполкома и других губернских учреждений¹⁰. В их числе имеются и списки советских служащих, содержащие сведения о времени поступления, занимаемой должности, окладе содержания и занятиях до прихода на службу. Эта информация, хотя и является менее содержательной, но по целому ряду позиций сопоставима с данными, приводящимися в списках служащих, представленных в отдел распределения рабочей силы.

Следующий вопрос – это полнота имеющихся источников. К сожалению, кадровый состав губисполкома не нашел стопроцентного отражения ни в январских, ни в июльских списках. Между тем можно с уверенностью говорить о том, что как в тех, так и в других источниках представлены сведения о сотрудниках большинства структурных подразделений губисполкома. Так, в списках за январь 1919 г. приводятся полные данные о личном составе десяти и частичные – одного из четырнадцати существовавших на тот момент отделов губисполкома (см. табл. 1). Такие же цифровые показатели (полные списки сотрудников десяти отделов и частичные одного) характеризуют полноту источников, датированных июлем–августом 1919 г. Сказанное, на наш взгляд, позволяет утверждать, что как одни, так и другие списки, взятые по отдельности, дают достаточные основания для того, чтобы на основе их анализа делать выводы о служащих губисполкома в целом.

Кроме того, в указанных источниках наряду со списками отделов губисполкома имеются и сведения о личном составе ряда губернских учреждений центрального подчинения. Имеются в виду Вологодское казначейство и Вологодское отделение народного банка. Таким образом, даже в таком усеченном виде эти материалы, думается, представляют значительную ценность с точки зрения характеристики кадрового состава губернских правительственных учреждений.

Итак, первое, что необходимо сделать, исходя из поставленной задачи, – попытаться определить численность «старослужащих», работавших в правительственных учреждениях Вологодской губернии в 1919 г. Оговоримся, что к числу старослужащих мы относим всех тех, кто на момент совершения октябрьского переворота 1917 г. продолжал работать в аппарате государственного управления или имел опыт такой службы до революции.

Следует отметить, что в литературе не существует общепринятого обозначения данной категории служащих. По отношению к ним применяются различные термины: это и «буржуазные специалисты», и «бывшее царское чиновничество», и просто «бывшие». Ни один из них при этом, как представляется, не отражает сути явления. «Чиновники» – это прежде всего носители чина, но далеко не все служащие дореволюционных учреждений являлись его обладателями. «Буржуазные специалисты» как люди, имеющие высшее образование или большой

опыт работы в сфере науки, культуры или производства – явление для провинциального аппарата управления довольно редкое. Термин «бывшие», который в последнее время все чаще встречается в литературе, имеет очень широкое значение, вмеща в себя по существу всех, кто может быть отнесен к категории «эксплуататоров или их приспешников». Здесь и «бывшие государственные чиновники, и предприниматели ... и профессора, и учителя провинциальных гимназий»¹¹. М. П. Ирошников, который одним из первых ввел в употребление понятие «старослужащие», или «старые кадры», толковал его расширительно – как «различные категории служащих бывших государственных, общественных и частных учреждений и предприятий, буржуазных специалистов и интеллигенцию»¹². Тем не менее в данном случае и в нашей трактовке этот термин, как представляется, будет наиболее адекватен.

Отнесение того или иного сотрудника к категории старослужащих производилось на основании анализа сведений, внесенных в графу «Предыдущее место службы», являвшуюся частью как январских, так и июльских списков. С учетом того, что далеко не все давали однозначный ответ на вопрос, часто указывая лишь род бывших занятий или профессию (письмоводство, канцелярист, счетоводство и т. п.), возникла необходимость привлечения дополнительных источников. В качестве таковых были использованы «Памятные книжки Вологодской губернии»¹³, а также списки личного состава ряда губернских правительственных учреждений предреволюционной поры¹⁴.

По результатам проведенного анализа выяснилось, что старослужащие были широко представлены в губернском звене аппарата управления (см. табл. 2). Списочный состав губисполкома и других губернских правительственных учреждений на январь 1919 г. насчитывает около 1200 фамилий. Больше трети из них – 37% (около 500 чел.) – относились к категории старослужащих. Что касается сведений за июль–август 1919 г., то здесь на более чем 1600 включенных в списки работников количество старослужащих оказалось по существу тем же – около 500 чел. При этом их удельный вес сократился до 29%.

Думается, что приведенные цифры нуждаются в некоторых пояснениях. Прежде всего, относительно разницы общего числа служащих. Как уже упоминалось, списки личного состава некоторых отделов губисполкома приводятся лишь частично. Так, земельный отдел в январских списках представлен двумя подотделами из семи. При этом в июле о нем приводятся полные сведения. Кроме того, к изменению числа служащих привела и имевшая место за прошедшие полгода (с января 1919 г.) реорганизация некоторых учреждений. Так, в структуре губернского совета народного хозяйства (СНХ) появились крупный лесной комитет и ряд более мелких подразделений, что дало увеличе-

ние кадрового состава вдвое. Еще одним учреждением, которое за первую половину 1919 г. заметно изменило свою численность, правда, в сторону сокращения, является губернский финансовый отдел. Причиной тому стали реорганизация отдела, последовавшая после вхождения в него акцизного управления и казенной палаты, а также передача функций контроля за хранением и распределением спирта в ведение СНХ. Среди отделов губисполкома, которые существенно увеличили численность личного состава за период с января по июль 1919 г., можно назвать губернский отдел управления (с 24 до 82 чел.). Следует учитывать и то, что перечни учреждений, фигурирующих в двух списках, совпадают не полностью, и некоторые организации, будучи включенными в январские списки, отсутствуют в списках за июль—август и наоборот, что также вносит коррективы в показатели общей численности губернского аппарата управления.

Что касается динамики численности старослужащих за первое полугодие 1919 г., то практическое отсутствие роста абсолютных показателей при довольно значительном снижении удельного веса этой категории работников, по всей видимости, объясняется двумя причинами. Как представляется, наряду с обозначившейся тенденцией к стабилизации кадрового ядра служащих губерnskих учреждений, здесь играет роль и то обстоятельство, что некоторые служащие таких крупных организаций, как СНХ и губернский продовольственный комитет, не представили сведений о предыдущем месте работы. Их число достигает 250 чел. Поэтому существуют веские основания предполагать, что доля старослужащих в июле 1919 г. не сократилась по сравнению с данными на начало года.

Таким образом, с учетом указанных обстоятельств можно с уверенностью говорить о том, что общая численность старослужащих составляла не менее трети всего личного состава губисполкома. Вместе с тем констатация данного факта является явно недостаточной для исчерпывающей характеристики степени участия старослужащих в работе губерnskих правительственных учреждений. Анализ списков советских служащих за 1919 г. показывает крайне неравномерное распределение сотрудников с дореволюционным опытом работы по отделам губисполкома. Здесь в полной мере проявляются те закономерности, которые были выявлены в ходе изучения центрального советского аппарата. В частности, наблюдается определенная зависимость концентрации старослужащих как от функционального характера того или иного учреждения губисполкома, так и от того, имело ли данное учреждение предшественника в дореволюционный период. Вынужденные проводить политику привлечения буржуазных специалистов к сотрудничеству с новой властью, большевики вместе с тем пытались ограничить сферу применения их труда, оставляя за проверенными и надеж-

ными с точки зрения классового происхождения людьми те органы управления, которые выполняли силовые и идеологические функции. Отсюда незначительное число старых кадров в отделе управления (11%), военкомате (2,4%). Столь же низким было представительство старослужащих в тех учреждениях, которые обязаны своим появлением новой власти. Их доля в отделе социального обеспечения, губздраве составляла от 6% до 12%, а в отделе труда равнялась нулю.

Соответственно, наиболее высокий процент бывших служащих дореволюционных органов управления отмечается в группе губернских финансовых учреждений: финансового отдела, казначейства и Вологодского отделения народного банка – от 56% до 84% общего состава работников. Высокой – около 70% – была численность старослужащих в органах госконтроля.

Губернские органы управления народным хозяйством характеризуются крайне неравномерным представительством старых кадров. Так, если в губернском земельном отделе их доля превышает 65%, то в СНХ таковых насчитывается 14–15%. При этом столь низкий процент старослужащих в СНХ компенсируется наличием значительного числа специалистов, перешедших из бывшего губземства, – 48 %. То же можно сказать и о губернском статистическом бюро, основной контингент которого формировался из числа бывших служащих губернского земства (их количество колеблется от 24% в январе до 55% в июле при общей численности старослужащих 3–6%). Как уже отмечалось, относительно низкий процент старослужащих губернского продовольственного комитета (19%), скорее всего, объясняется отсутствием сведений о характере прежней службы более чем трети его сотрудников. Речь идет о так называемой агентуре, или снабженцах, находившихся в командировках.

Особое положение занимает отдел юстиции с 36–50% бывших служащих судебных инстанций. В условиях острого дефицита специалистов в области права власти просто вынуждены были прибегнуть к их услугам.

Важную роль в оценке степени влияния старослужащих играет характеристика того места, которое они занимали в должностной иерархии губернского аппарата управления. При анализе использовалась применявшаяся для исследования центрального аппарата управления классификация должностей по характеру выполняемого служащими труда, подразумевающая выделение как минимум трех должностных групп: руководящие работники (руководители учреждений и их структурных подразделений), специалисты (агрономы, землемеры, инженеры, статистики и др.), младший и вспомогательный состав (учетно-контрольный и делопроизводственный персонал, а также низшие служащие)¹⁵. Подсчеты показывают очевидную зависимость между общим

количеством старослужащих в составе того или иного учреждения и числом занятых ими руководящих кресел, что, в свою очередь, является проявлением другой, уже упоминавшейся зависимости между местом данного учреждения в системе органов государственной власти и наличием либо отсутствием у него дореволюционного предшественника. Соответственно в группе финансовых органов (финансовый отдел, казначейство, отделение народного банка), а также в отделении государственного контроля и земельном отделе, где доля бывших сотрудников дореволюционных правительственных учреждений превышала половину личного состава, от 75% до 100% руководителей также принадлежали к старослужащим (см. табл. 3 и 4). Преобладающие позиции старые кадры занимали и среди руководителей отдела юстиции (66%). Далее с большим отрывом следуют органы управления народным хозяйством (губпродком и СНХ) – 26% и 32% соответственно, а также отдел социального обеспечения, где немногочисленные старослужащие занимают четверть руководящих постов. По всем остальным отделам губисполкома позиции руководителей-старослужащих гораздо слабее, они не превышают 17%, а в отделах труда, здравоохранения и народного образования, по данным на июль месяц, и вовсе отсутствуют.

Еще более контрастная картина представительства старослужащих сложилась в категории специалистов. Если в группе учреждений с преобладанием старых кадров к их числу принадлежало от 80% до 100% специалистов, то в других органах управления старослужащие составляли лишь 4–8% этой категории служащих.

Приблизительно в таких же пропорциях шло распределение старослужащих и среди младшего и вспомогательного состава. Примечательно, что в тех учреждениях, где старослужащие составляли большинство, их представительство в этой категории ниже, порой значительно ниже, чем в разряде руководителей или специалистов. Так, по сведениям на январь 1919 г., в губернском финансовом отделе доля руководителей-старослужащих составляла 93%, младшего персонала – 76%. В земельном отделе среди руководителей – 95% старослужащих, среди специалистов – столько же, а в категории младшего персонала – 40%. Сходная картина складывалась в отделении государственного контроля, в отделе юстиции, казначействе и Вологодском отделении народного банка. Обновление кадрового состава этих организаций, таким образом, шло преимущественно за счет категории младших служащих. Что касается других учреждений, то старослужащие представлены в них преимущественно делопроизводственным и счетно-техническим персоналом.

Таким образом, бывшие служащие дореволюционных правительственных учреждений были широко, хотя и неравномерно представле-

ны в губернских органах Советской власти. К их числу принадлежало не менее трети общей численности вологодского губернского аппарата управления. В четырех из четырнадцати отделах губисполкома, а также в двух губернских финансовых учреждениях центрального подчинения они составляли более половины личного состава. Еще более внушительная картина представительства старослужащих складывалась в управленческом звене губернского аппарата. Около 40% руководящего состава губернских органов власти состояло из старослужащих. В управлении десяти из семнадцати представленных в списках учреждений их доля превышала 25%, достигая в ряде случаев уровня 80–100%. Наибольшая концентрация старослужащих наблюдается в кредитно-финансовых учреждениях, органах управления народным хозяйством, а также в местных подразделениях народных комиссариатов юстиции и государственного контроля. В целом характер распределения старослужащих по губернским учреждениям, показатели удельного веса этой категории служащих в должностной иерархии аппарата управления имеют значительное сходство с соответствующими данными, полученными М. П. Ирошниковым при изучении кадрового состава центральных органов Советской власти за 1918 г.

Выводы о высокой степени концентрации старослужащих в том или ином звене государственного механизма неминуемо приводили ученых к необходимости дать оценку этому явлению, причем характер этих оценок со временем претерпевал некоторую эволюцию.

Естественно, что суждения советских историков по поводу роли и значения дореволюционной кадровой составляющей советских правительственных учреждений носили весьма сдержанный характер и не шли дальше констатации правоты ленинских слов о двойственном характере созданного революцией государства¹⁶ (имеется в виду сочетание нового по типу рабоче-крестьянского государства и старого, «от царя и буржуазии», аппарата), о работающих осознанно или неосознанно против Советской власти сотнях тысяч старых чиновников низового звена¹⁷, о бывших чиновниках как источнике бюрократизма, поразившего советский аппарат и т. д. Эта позиция была скорректирована только в годы «перестройки». Так, И. И. Минц¹⁸, С. А. Федюкин¹⁹, говоря об интеллигенции в целом, подчеркнули чрезмерное преувеличение советской историографией масштабов саботажа в период становления Советской власти, излишне упрощенную трактовку отношения этой социальной группы к Октябрьской революции. Очевидно, что данное утверждение справедливо и для интересующей нас категории служащих. С появлением тогда же целого ряда работ о природе бюрократизма в советском обществе стало ясно, что корни этого явления лежат в самой основе созданной большевиками командно-административной системы.

Уже в постсоветское время проблема кадровой преемственности была затронута Е. Г. Гимпельсоном. По мнению автора, Октябрьская революция прервала преемственность кадров государственного аппарата России, что выразилось в сосредоточении руководящих государственных постов в руках коммунистов²⁰. Вместе с тем именно буржуазные специалисты, как показывает Е. Г. Гимпельсон, обеспечивали на протяжении 1920-х гг. работоспособность органов государственного управления²¹. Причем деятельность этих «чуждых режиму культурных сил», в числе которых были и сотрудники дореволюционных правительственных учреждений, оценивается как «важный фактор успехов восстановления народного хозяйства, процессов индустриальной модернизации страны»²². Что касается «мелких и средних дореволюционных чиновников», составлявших значительную часть советских служащих, то в их характеристике Е. Г. Гимпельсон по существу остается на точке зрения советских историков, полагая, что служба для этих людей была, прежде всего, средством получения продовольственных карточек и способом уклонения от занятий физическим трудом²³.

Как представляется, в оценке места и роли различных групп старослужащих мы отчасти до сих пор находимся в плену стереотипов советской историографии. При всей важности привлечения к сотрудничеству с Советской властью той части бывшего чиновничества, которое в силу высокого образовательного уровня и обширного опыта практической работы можно отнести к категории буржуазных специалистов, вряд ли было бы справедливым преуменьшать значение массы старослужащих, находившейся на средних и низших ступенях должностной иерархии, и отводить им роль своеобразного балласта, преследовавшего исключительно шкурные интересы. Как бы ни относились эти люди к советскому режиму, они делали свою работу, внося тем самым ничуть не менее важный по сравнению с буржуазными специалистами вклад в обеспечение работоспособности аппарата управления на одном из наиболее сложных этапов существования большевистского государства. Очевидно, что без учета роли всей совокупности старослужащих сложно ответить на вопрос о том, каким образом вчерашние революционеры, не имевшие «опыта созидания, строительства государственности», смогли не просто избежать развала механизма государственного управления, но и мобилизовать его на борьбу с внешними и внутренними врагами. При этом необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что степень влияния старослужащих не обязательно зависела от занимаемой ими должности. Порой фактическое руководство аппаратом осуществлялось не малоопытным руководителем-коммунистом, а «крепко сплотившимся ядром беспартийных старожилов»²⁴.

Своеобразным свидетельством крайней востребованности квалифицированных кадров младшего персонала является тот факт, что к работе в системе государственного управления привлекались заключенные. Речь идет об открытом в январе 1920 г. в бывшем помещении Вологодской тюрьмы лагере принудительных работ. 332 осужденных этого рассчитанного на 400 человек лагеря на протяжении 1920 г. работали в советских учреждениях города, в том числе и в губернских органах власти²⁵.

Так, в отделе управления губисполкома, ведавшем наиболее важными политическими и административными вопросами, сначала делопроизводителем, а затем и заведующей информационным подотделом работала некая Карин Васильевна Зант, служившая до революции переводчиком в американском посольстве и приговоренная к принудительным работам за укрывательство подозреваемых в шпионаже²⁶. В том же отделе управления на канцелярских должностях служили осужденный за хищения бывший начальник отдела министерства торговли и промышленности, пленный белогвардеец, бывший адвокат, который отбывал пятилетний срок «за ходатайство по освобождению своей подзащитной», а также другие лица, признанные виновными в спекуляции, хранении оружия, золота, бриллиантов и т. д.²⁷

Не столь очевидно и решение проблемы кадровой преемственности государственного аппарата. Безусловно, с приходом к власти большевиков в работе аппарата произошли кардинальные перемены, изменились принципы подбора и расстановки кадров, источники их комплектования. Однако сохранились люди, которые являлись носителями «старых» культурных ценностей, традиций, опыта, стереотипов мышления. При этом до конца неясным остается вопрос о том, насколько «живучим» оказался этот слой аппарата управления, как велико было его политическое и культурное влияние на новую волну управленцев. Нет цельной картины того, сколь активно шло обновление кадров госаппарата, какова была динамика этого процесса, с какого времени можно говорить о полном вытеснении старослужащих как из центральных, так и местных органов власти.

Думается, что если роль и значение военных специалистов в создании Красной Армии и ее победах на фронтах Гражданской войны, как показал А. Г. Кавтарадзе²⁸, весьма точно охарактеризованы В. И. Лениным, указывавшим, что «без них Красной Армии не было бы», что «только при помощи их Красная Армия могла одержать те победы, которые она одержала»²⁹, то вклад старослужащих в становление и развитие советского аппарата управления, в обеспечение выживания советского режима в тяжелейших условиях Гражданской войны и экономической разрухи должной оценки еще не получил и ждет всестороннего и серьезного исследования.

СТРУКТУРА ВОЛОГОДСКОГО ГУБЕРНСКОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ

На январь 1919 г.			На июль-август 1919 г.	
№ пп.	Представлены в списках	Не представлены в списках	Представлены в списках	Не представлены в списках
Отделы ГИКа			Отделы ГИКа	
1.	Губ. финотдел		Губ. финотдел	
2.	Губ. земельный отдел*		Губ. земельный отдел	
3.	Вологодское и Северо-Двинское отделение госконтроля			Вологодское и Северо-Двинское отделение госконтроля
4.	Губ. отдел юстиции		Губ. отдел юстиции	
	Губ. карательный отдел		Губ. карательный отдел	
5.	Губ. военкомат			Губ. военкомат
6.	Губ. стат. бюро		Губ. стат. бюро	
7.	Губ. отдел здравоохранения		Губ. отдел здравоохранения	
8.	Губ. отдел народного образования		Губ. отдел народного образования	
9.	Губ. отдел управления		Губ. отдел управления	
10.	Губ. совет народного хозяйства		Губ. совет народного хозяйства**	
11.	Губ. отдел социального обеспечения		Губ. отдел социального обеспечения	
12.		Губ.отдел труда	Губ. отдел труда	
13.		Губ. продовольственный комитет	Губ. продовольственный комитет	
14.		Губ. ЧК		Губ. ЧК
	Другие подразделения губисполкома		Другие подразделения губисполкома	
15.	Канцелярия губисполкома			Канцелярия губисполкома
16.		Губ. ревтрибунал	Губ. ревтрибунал	
	Учреждения центрального подчинения		Учреждения центрального подчинения	
17.	Вологодское казначейство			Вологодское казначейство

На январь 1919 г.			На июль-август 1919 г.	
№ пп.	Представлены в списках	Не представлены в списках	Представлены в списках	Не представлены в списках
18.		Вологодское отделение народного банка	Вологодское отделение народного банка	

Примечания к таблице 1

* В январских списках губземотдел представлен лишь двумя подотделами (1. П/о текущей земельной политики. 2. Землемерно-технический п/о). Отсутствуют сведения о следующих его подразделениях: 1. П/о зем. фонда и переселения. 2. Лесной п/о. 3. Гидротехнический п/о. 4. Агрономический п/о. 5. Коллегия, секретариат, финчасть.

** Сведения о личном составе губСНХ на июль 1919 г. не являются полными. Имеется информация о следующих подотделах: 1. Управление делами. 2. Отдел учета и распределения. 3. Отдел топлива. 4. Отдел кустарн. промышленности. 5. Страховой отдел. 6. Трансп. матер. отдел (Губтрамот). 7. Финансовый отдел. 8. Отдел военных заготовок. 9. Кооперативный отдел. 10. Отдел промышленности. 11. Правление нац. типографий. 12. Губ. касса мелкого кредита. 13. С/х завод. 14. Научно-техн. комитет. 15. Губ. ком-т строительных материалов. 16. Губ. отд. комгоссооружений. 17. Отдел хран. и распр. спирта. 18. Гублеском: а) коллегия; б) общая часть; в) часть снабжения; г) транспортная часть. Отсутствуют сведения о губ. комитете кожевенной промышленности.

Таблица 2

ЧИСЛЕННОСТЬ СТАРОСЛУЖАЩИХ В СОСТАВЕ ВОЛОГОДСКОГО ГУБЕРНСКОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ

№ пп.	Наименование учреждения	Кол-во служащих на январь 1919 г.			Кол-во служащих на июль-август 1919 г.		
		всего	старослужащих		всего	старослужащих	
			абс.	%		абс.	%
1.	Губ. финотдел	161	128	79,5	105	82	78,1
2.	Губ. земотдел	161	142	88,2	260	171	65,8
3.	Вологодское и Северо-Двинское отделение госконтроля	127	87	68,5	Нет сведений		
4.	Губ. отдел юстиции	14	5	35,7	16	8	50
	Губ. карательный отдел	15	8	53,3	12	6	50
5.	Губ. военкомат	169	4	2,4	Нет сведений		
6.	Губ. стат. бюро	89	3	3,4	65	4	6,2
7.	Губ. отдел здравоохранения	42	7	16,7	48	3	6,3
8.	Губ. отдел народного образования	33	8	24,2	34	1	2,9
9.	Губ. отдел управления	24	5	20,8	82	9	11,0
10.	Губ. совет народного хозяйства	201	31	15,4	448	63	14,1

№ пп.	Наименование учреждения	Кол-во служащих на январь 1919 г.			Кол-во служащих на июль-август 1919 г.		
		всего	старослужащих		всего	старослужащих	
			абс.	%		абс.	%
11.	Губ. отдел социального обеспечения	25	3	12,0	32	4	12,5
12.	Губ. отдел труда	Нет сведений			75	0	0
13.	Губ. продовольственный комитет	Нет сведений			362	69	19,1
14.	Губернская чрезвычайная комиссия	Нет сведений			Нет сведений		
15.	Канцелярия губисполкома	23	7	30,4	Нет сведений		
16.	Губ. ревтрибунал	Нет сведений			13	0	0
17.	Вологодское казначейство	38	32	84,2	Нет сведений		
18.	Вологодское отделение народного банка	Нет сведений			131	74	56,5
	ИТОГО	1122	470	41,8	1683	494	29,6

Таблица 3

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СТАРОСЛУЖАЩИХ ПО ДОЛЖНОСТНЫМ КАТЕГОРИЯМ
В СОСТАВЕ ВОЛОГОДСКОГО ГУБЕРНСКОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ
(на январь 1919 г.)**

№ пп.	Наименование учреждения	Руководители			Специалисты			Младш. и вспомог. персонал		
		все-го	старослуж.		все-го	старослуж.		все-го	старослуж.	
			абс.	%		абс.	%		абс.	%
1.	Губ. финотдел	30	28	93,3	0	0	0	131	100	76,3
2.	Губ. земотдел	20	19	95,0	119	114	95,8	22	9	40,9
3.	Вологодское и Северодвинское отделение госконтроля	20	15	75,0	0	0	0	107	72	67,3
4.	Губ. отдел юстиции	3	2	66,7	3	3	100	8	0	0
	Губ. карательный отдел	6	4	66,6	0	0	0	9	4	44,4
5.	Губ. военкомат	29	0	0	0	0	0	140	4	2,8
6.	Губ. стат. бюро	9	0	0	12	0	0	68	3	4,4

№ пп.	Наименование учреждения	Руководители			Специалисты			Младш. и вспомог. персонал		
		все-го	старослуж.		все-го	старослуж.		все-го	старослуж.	
			абс.	%		абс.	%		абс.	%
7.	Губ. отдел здравоохранения	13	1	7,7	2	0	0	27	6	22,2
8.	Губ. отдел нар. образования	7	1	14,3	3	0	0	23	7	30,4
9.	Губ. отдел управления	6	1	16,6	0	0	0	18	4	22,2
10.	Губ. совет народного хозяйства	38	12	31,6	16	4	25	147	15	10,2
11.	Губ. отдел социального обеспечения	7	2	28,6	0	0	0	18	1	5,5
12.	Губ. отдел труда	Нет сведений								
13.	Губ. продовольственный комитет	Нет сведений								
14.	Губ. ЧК	Нет сведений								
15.	Канцелярия губисполкома	5	3	60	0	0	0	18	4	22,2
16.	Губ. рев. трибунал	Нет сведений								
17.	Вологодское казначейство	2	2	100	0	0	0	36	30	83,3
18.	Вологодское отделение народного банка	Нет сведений								
	ИТОГО	195	90	46,1	155	121	78,0	772	259	33,5

Таблица 4

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СТАРОСЛУЖАЩИХ ПО ДОЛЖНОСТНЫМ КАТЕГОРИЯМ
В СОСТАВЕ ВОЛОГОДСКОГО ГУБЕРНСКОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ
(на июль-август 1919 г.)**

№ пп.	Наименование учреждения	Руководители			Специалисты			Младш. и вспомог. персонал		
		все-го	старослуж.		все-го	старослуж.		все-го	старослуж.	
			абс.	%		абс.	%		абс.	%
1.	Губ. финотдел	16	14	87,5	5	4	80	84	64	76,2

№ пп.	Наименование учреждения	Руководители			Специалисты			Младш. и вспомо- персонал		
		все-го	старослуж.		все-го	старослуж.		все-го	старослуж.	
			абс.	%		абс.	%		абс.	%
2.	Губ. земотдел	44	37	84,1	132	107	81,1	84	27	32,1
3.	Вологодское и Северодвинское отделение госконтроля	Нет сведений								
4.	Губ. отдел юстиции	6	4	66,6	0	0	0	10	4	40
	Губ. карательный отдел	3	2	66,6	0	0	0	9	4	44,4
5.	Губ. военкомат	Нет сведений								
6.	Губ. стат. бюро	10	1	10	16	1	6,3	39	2	5,1
7.	Губ. отдел здравоохранения	10	0	0	2	0	0	36	3	8,3
8.	Губ. отдел народного образования	19	0	0	0	0	0	15	1	6,7
9.	Губ. отдел управления	22	3	13,6	24	2	8,3	36	4	11,1
10.	Губ. совет народного хозяйства	98	32	32,7	109	4	3,7	241	27	11,2
11.	Губ. отдел социального обеспечения	12	3	25	0	0	0	20	1	5
12.	Губ. отдел труда	18	0	0	2	0	0	55	0	0
13.	Губ. продовольственный комитет	71	19	26,8	94	7	7,4	197	43	21,8
14.	Губ. ЧК	Нет сведений								
15.	Канцелярия губисполкома	Нет сведений								
16.	Губ. рев. трибунал	4	0	0	0	0	0	9	0	0
17.	Вологодское казначейство	Нет сведений								

№ пп.	Наименование учреждения	Руководители			Специалисты			Младш. и вспомо- персонал		
		все-го	старослуж. абс.	%	все-го	старослуж. абс.	%	все-го	старослуж. абс.	%
18.	Вол. отделение народного банка	21	17	81,0	0	0	0	110	57	51,8
	ИТОГО	354	132	37,2	384	125	32,5	945	237	25,0

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Венедиктов А. В. Организация государственной промышленности в СССР. Л., 1957.

² Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности. Очерк истории ВСНХ. 1917–1932. М., 1966.

³ Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965.

⁴ Ирошников М. П. Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянов (Ленин). М., 1974; Васяев В. И., Дробижев В. З., Закс Л. В., Пивовар Е. И., Устинов В. А., Ушакова Т. А. Данные переписи служащих 1922 г. о составе кадров наркоматов РСФСР. М., 1972.

⁵ Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. 1917–1920 гг. М., 1998; Он же. Советские управленцы. 20-е годы. М., 2001.

⁶ Ирошников М. П. Указ. соч.; Васяев В. И., Дробижев В. З., Закс Л. В. и др. Указ. соч.; Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979; Дробижев В. З., Пивовар Е. И. Массовые источники по истории советского рабочего класса и интеллигенции и количественные методы их анализа // Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983.

⁷ Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). Ф. 118. Оп. 1. Д. 226. Л. 23–23 об., 55–56, 86–86 об., 97–97 об., 101–110, 140–149, 156–164, 184–185, 188, 190–194, 196–198, 205–215, 253–254, 256 об.–257, 262–263, 271–280, 286–289.

⁸ Там же. Ф. 114. Оп. 1. Д. 226. Л. 1.

⁹ Там же. Ф. 118. Оп. 1. Д. 226. Л. 11.

¹⁰ Там же. Ф. 201. Оп. 1. Д. 30. Л. 395–408; Оп. 2. Д. 108. Л. 2–6; Д. 109; Д. 110. Л. 11–14, 23; Д. 111. Л. 1–14, 16–17; Д. 122. Л. 1–11; Д. 144. Л. 1–16, 21–29, 75–78, 80–86; Д. 204. Л. 1–3; Д. 235. Л. 1–2; Д. 260. Л. 2–3, 12, 13.

¹¹ Смирнова Т. М. «Бывшие». Штрихи к социальной политике Советской власти // Отечественная история. 2000. № 2.

¹² Ирошников М. П. Указ. соч. С. 242.

¹³ Памятная книжка Вологодской губернии на 1904–1905 гг. Вологда, 1905; Памятная книжка Вологодской губернии на 1913 г. Вологда, 1913; Памятная книжка Вологодской губернии на 1914 г. Вологда, 1914; Памятная книжка Вологодской губернии на 1915 г. Вологда, 1915; Памятная книжка Вологодской губернии на 1916 г. Вологда, 1916.

¹⁴ ГАВО. Ф. 351 (Вологодское губернское акцизное управление). Оп. 1. Д. 1045. Л. б/н; Ф. 376 (Вологодское отделение госбанка). Оп. 3. Д. 129. Л. б/н; Ф. 276 (Вологодское управление Министерства земледелия и госимущества). Оп. 1. Д. 10 920. Л. 10–15; Д. 10 960, 10 962; Ф. 427 (Вологодская контрольная палата). Оп. 1. Д. 579. Л. 281 об; Д. 600. Л. б/н.; Ф. 179. (Вологодский окружной суд) Оп. 6. Д. 4. Л. 1; Ф. 17. (Вологодский губстаткомитет) Оп. 3. Д. 70; Д. 71. Л. 15; Ф. 358. (Вологодское губернское казначейство) Оп. 1. Д. 100; Ф. 287. (Вологодская губернская землеустроительная комиссия) Оп. 1. Д. 1870. б/н; Д. 1927. Л. б/н; Д. 1928. Л. б/н.

- ¹⁵ Дробижев В. З., Пивовар Е. И. Массовые источники по истории советского рабочего класса... С. 216–217; Ирошников М. П. Указ. соч. С. 357–360.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 347.
- ¹⁷ Там же. С. 290.
- ¹⁸ Минц И. И. Октябрьская социалистическая революция и интеллигенция // Интеллигенция и революция: XX в. М., 1985. С. 10.
- ¹⁹ Федюкин С. А. Октябрь и интеллигенция (некоторые методологические аспекты проблемы) // Интеллигенция и революция... С. 24–25.
- ²⁰ Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. 20-е годы... С. 190.
- ²¹ Там же. С. 130.
- ²² Там же. С. 192.
- ²³ Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. 1917–1920 гг... С. 118.
- ²⁴ Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. 20-е годы... С. 73.
- ²⁵ За три года. Отчет о деятельности Вологодского губисполкома и его отделов. Вологда, 1921. Кн. 2. С. 14, 15.
- ²⁶ ГАВО. Ф. 53. Оп. 3. Д. 36. Л. 32.
- ²⁷ Там же. Л. 56, 103, 108, 111, 117, 122, 124, 139.
- ²⁸ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988.
- ²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 199, 218.

В. А. Саблин

Крестьянское животноводство на Европейском Севере в 1917–1920-е гг.

Скотоводческая отрасль крестьянского хозяйства на Европейском Севере традиционно, за исключением зоны товарного животноводства, занимала подчиненное положение по отношению к полеводству и была направлена по преимуществу на обеспечение хозяйства тягловой силой, на добывание навоза и на получение продуктов питания. В данной статье поставлена цель проанализировать изменение роли животноводства в экономике крестьянского двора региона в период 1917–1920-х гг.

В условиях общей разрухи 1914–1921 гг. в хозяйстве крестьянина все большее значение приобретал продуктивный скот, главным образом молочного направления. Поэтому даже в самые неблагоприятные годы резкого падения поголовья не наблюдалось. Сокращение стада рогатого скота произошло лишь в Вологодской и Северо-Двинской губерниях в результате падения удельного веса многокоровных хозяйств с развитым торговым животноводством – в Вологодской губернии доля хозяйств с 3 коровами в 1917 г. исчислялась в 14,1 %, с 4 коровами – 4,0 %, с 5 коровами – 1,7 %, в 1919 г. – соответственно 7,7 %, 1,0 % и 0,2 %¹. В Архангельской губернии, за исключением Холмогорского и части Архангельского уездов, корова использовалась главным обра-

зом как «навозная машина», поэтому по сравнению с 1917 г. поголовье коров здесь сократилось в 1920 г. всего на 4,1 %².

Правда, следует отметить повсеместное ухудшение возрастного и полового состава стада, первую очередь крупного рогатого скота. В течение 1916–1921 гг. резко сократилась численность быков. В неблагоприятную сторону изменялось соотношение молодняка и взрослых коров. В 1920 и 1921 гг. стадо коров на Севере на две трети (в 1920 г. – 72,8 %, в 1921 г. – 70,7 %) состояло из взрослых особей. Причем изменение численности молодняка находилось в прямой зависимости от характера животноводства в той или иной губернии. С падением маслodelия и молочной кооперации в Вологодской губернии численность взрослых коров сокращалась, а численность молодняка, наоборот, постепенно увеличивалась. В Архангельской губернии со слабой товарностью скотоводства падение численности рогатого скота происходило главным образом за счет молодняка³. Процесс сокращения поголовья телят и молодняка ускоряла продразверстка. Это обстоятельство имело очень серьезные последствия для будущего: затруднялся ремонт стада и его обновление, в какой-то мере предопределялась его убыль в дальнейшем.

Уменьшение тяглового скота было вызвано мобилизациями в армии воевавших сторон, привлечением к подводной и гужевой повинности и в особенности падением лесных промыслов, связанных с использованием тягловой силы⁴. В хозяйствах, где полеводство играло основную роль, недосевы полей рассматривались как временное явление и потому рабочий скот сберегался до времени общего экономического подъема. Северный крестьянин, вынужденный сокращать посевные площади в период разверсточных кампаний Гражданской войны, гораздо труднее шел на сокращение лошадей, ибо переход в группу однолошадных, а тем более безлошадных, был равнозначен, в его понимании, утрате хозяйственной самостоятельности⁵.

В 1920 г. по сравнению с 1917 г. число лошадей на Севере сократилось в совокупности лишь на 8,0 % (на 14,0 % в Архангельской, на 1,0 % в Вологодской губернии⁶). Сокращение рабочего скота в регионе не имело столь катастрофических масштабов, как это наблюдалось в центре страны. Имевшегося количества лошадей для обработки полей было вполне достаточно. Судя по выводам, сделанным в свое время С. Ободовским, на весь период сельскохозяйственных работ в 1920 г. здесь требовалась всего лишь одна четверть имевшейся тягловой силы⁷. Возрастные деформации также коснулись поголовья лошадей, но резкого изменения возрастных пропорций тяглового скота не произошло. Рабочие лошади составляли 84,3–87,0 % от всего стада.

В отличие от крупного, поголовье мелкого скота сократилось за эти годы повсеместно, что явилось прямым результатом реквизиций и

убоя «на пропитание». Численность свиней в Архангельской губернии, к примеру, была сведена до минимума. Перепись 1920 г. зафиксировала лишь 40 голов во всей губернии. Почти в 300 раз сократилось поголовье свиней в Олонецкой губернии. В Вологодской и Северодвинской губерниях потери в этом отношении были значительно меньшими. Резко менялось стадо овец. В Олонецкой губернии его численность сократилась в 2 раза.

Постепенное сокращение поголовья скота в 1917–1921 гг. не могло не повлечь за собой дальнейшего изменения состояния животноводческой отрасли и характера полеводства крестьянских хозяйств. Сведения об экономической характеристике крестьянских дворов различных посевных групп с позиций обеспеченности их скотом в 1920 г.⁸ убеждают, что животноводство крестьянского двора находилось в тесной связи с полеводством. Общее число безлошадных дворов составляло в регионе 31,4 % от всех хозяйств, при этом обеспеченность лошадьми возрастала от низших посевных групп дворов к высшим. 15,4 % беспосевных дворов имели в хозяйстве лошадь. Содержание тяглового скота в подобного типа дворах находило объяснение в характере северного хозяйства (в частности, в наличии лесных работ) 63,9 % хозяйств, т. е. громадное большинство, имело одну лошадь. Среднее число рабочих лошадей на 1 хозяйство, даже в группах, засевавших свыше 6,0 дес., равнялось только 1,8 головы. Нагрузка лошади в этих дворах превышала соответствующий показатель групп, сеявших до 1,0 дес., в 4 раза. Фактическая нагрузка лошади в крупных хозяйствах, очевидно, была еще выше, так как в этих дворах размер лугового и лесного хозяйства был гораздо больше, чем в группах с малым посевом.

Число коров на 100 душ населения увеличивалось от мелкопосевщиков к группам с более крупным посевом, составляя в беспосевных дворах 15 голов, у сеявших свыше 6,0 дес. – 33. Разумеется, в мелкопосевных группах содержание коровы имело преимущественно продовольственное значение, тогда как у крупнопосевщиков ее содержание сохраняло характер потенциального объекта для извлечения прибыли, сохраняло товарный характер. В любом случае группировка по числу коров являла собой совершенно другую картину, чем группировка по рабочему скоту. На 31,4 % хозяйств без рабочего скота приходилось лишь 11,4 % бескоровных, на 63,5 % однолошадных дворов – 53,5 % однокоровных, на 4,3 % двухлошадных – 28,3 % двухкоровных хозяйств и т. д.

В конечном итоге экономически полярные группы хозяйств подверглись значительному изменению. В 1920 г. по сравнению с 1917 г. число дворов, имевших по 2 лошади, сократилось примерно в 2 раза, с 3 и более коровами – в 3 раза. В 1920 г. в северных губерниях имелось

всего лишь 4,5 % хозяйств, владевших двумя, 0,2 % – тремя лошадьми и 6,8 % хозяйств с 3 и более головами крупного рогатого скота. В то же время количество беспосевных хозяйств в регионе уменьшилось с 11,0% в 1917 г. до 4, 5 % в 1920 г. Снизилось число дворов, не имевших скота. В среднем по всем северным губерниям бескоровные хозяйства составляли лишь 11,4 % от всех дворов⁹.

Уравнивание крестьянских дворов в 1918–1921 гг. по степени обеспеченности скотом при одновременном сокращении стада и общем падении сельскохозяйственного производства находило объяснение как в характере социально-экономических процессов в деревне, так и государственной аграрной политике, мотивированных, в свою очередь, идеями уравнительности.

С изменением экономической ситуации в начале 1920-х гг. начинается постепенное возрождение животноводческой отрасли. В 1924 г. поголовье тяглового и крупного рогатого скота в регионе превзошло уровень 1916 г.¹⁰ Исключением являлась Карельская АССР, в которой численность лошадей составляла в 1923–1924 гг. 85,6 % к уровню 1916 г.¹¹ Наиболее быстрыми темпами восстанавливалось поголовье рабочего скота в Архангельской губернии, коров – в Карельской АССР. Численность мелкого рогатого скота и свиней, подвергшихся за предшествующий период резкому сокращению, восстанавливалась сравнительно медленно. В целом темпы восстановления поголовья скота, точнее превышение уровня 1916 г., оказались в северной деревне несколько ниже, чем в целом по потребляющей полосе страны. Сказывались затруднения с ремонтом стада, возникшие еще к концу Гражданской войны.

В ходе восстановительных процессов первой половины 1920-х гг. в потребляющей полосе России в общем поголовье скота возрос удельный вес мелкого рогатого скота главным образом за счет снижения удельного веса лошадей и крупного рогатого скота¹². В северных районах Европейской России данная тенденция оказалась не столь выраженной. Более того, в 1924 г. в Карельской АССР, АО Коми и Архангельской губернии состав стада фактически полностью соответствовал пропорциям 1916 г. В Вологодской и Северо-Двинской губерниях структура стада в 1924 г. приближалась к показателям губерний потребляющей полосы.

Посмотрим на возрастной состав стада. По установившимся нормам воспроизводства конского состава молодняк должен был составлять не менее 15,0 % всего поголовья¹³. Выращивание лошади в течение 3–4 лет обходилось крестьянину недешево, тем не менее поддержание и увеличение конского состава региона находилось в достаточно хорошем состоянии. Если в 1916 г. в Крайнем Северном районе на 100 рабочих лошадей приходилось 15,4 головы молодняка и жеребят,

то в 1924 г. уже 16,5 головы, в Северном «земледельческом» районе несколько хуже – 19,2 и 14,9 (по потребляющей полосе – 18,3 и 18,7). Так, в Северо-Двинской губернии наиболее благоприятными показателями в этом плане отличался 1917 г. (15,1 % молодняка к общей численности). В последующие годы эта пропорция выглядела следующим образом: 1922 г. – 6,8 %, 1923 г. – 11,0 %, 1924 г. – 12,7 %¹⁴. Окончательное восстановление нормальных пропорций стада следует отнести к 1925–1926 гг.

В составе стада крупного рогатого скота в восстановительный период повсеместно преобладал молодой скот. Это, вероятно, было обусловлено масштабным и необходимым ремонтом поголовья, поставившего в предыдущий период. В среднем по региону возрастные показатели стада рогатого скота, относящиеся к 1916 г., в 1924 г. тем не менее не были достигнуты.

Восстановление экономики индивидуального крестьянского хозяйства выражалось в постепенном сокращении удельного веса хозяйств, не имевших рогатого скота или имевших только одну корову. Доля бескоровных дворов сократилась в Архангельской губернии с 15,6 % в 1920 г., до 11,9 % в 1924 г., в Вологодской – с 9,9 % до 7,6 %. Число однокоровных дворов также сократилось, причем это сокращение затронуло, в первую очередь, Вологодскую губернию – с 48,2 % от всех дворов в 1920 г. до 45,7 % в 1924 г. В указанных типах дворов экономика не выходила за рамки натуральных показателей, корова преимущественно использовалась для производственных надобностей семьи.

В большей степени товарным характером отличались дворы с двумя и в особенности с тремя и более головами рогатого скота. Статистика отразила резкий рост трехкоровных (в 1,5 раза в Архангельской и в 2 раза в Вологодской губерниях) и четырехкоровных дворов (в 3,5 раза в Архангельской и в 3 раза в Вологодской губерниях). Правда, в совокупности многокоровные дворы в той и другой губернии составляли не столь значительный удельный вес, не превышая 5,0 % – в Архангельской и 11,5 % – в Вологодской губерниях¹⁵.

Что касается уровня обеспеченности тягловым скотом за пять лет, можно отметить некоторое сокращение доли безлошадных и увеличение доли однолошадных и двухлошадных дворов в Архангельской губернии. В Вологодской губернии этого не наблюдалось. Рост числа лошадей в крестьянских хозяйствах Архангельской губернии вряд ли был напрямую связан с потребностями сельскохозяйственного производства (при незначительном полевом хозяйстве нагрузка на лошадь была минимальной, поэтому лишняя тягловая сила использовалась вне двора на отхожем промысле и извозе¹⁶). Динамика распределения крестьянских хозяйств по степени обеспеченности рабочим скотом в Северо-Двинской губернии лишь незначительно отличалось от Воло-

годской¹⁷. Можно лишь отметить, что доля безлошадных хозяйств была здесь несколько меньше, а доля двухлошадных, наоборот, больше, чем в Вологодской губернии.

При сравнении показателей обеспеченности тягловым скотом крестьянских хозяйств различных посевных групп двух районов Европейского Севера – Крайнего Северного (промыслового) и более земледельческого Северного района – в 1924 г. со всей очевидностью обнаруживается определенная закономерность: так же, как и в конце Гражданской войны, основная масса беспосевных дворов не имела рабочего скота (72,0 % в Крайнем Северном и 98,2 % в Северном районах). Наличие однолошадных и многолошадных дворов среди беспосевщиков Архангельской губернии, Карельской АССР и АО Коми объяснялось развитием неземледельческих промыслов в данных хозяйствах. Эти дворы могли содержать скот, имея сравнительно развитое луговое хозяйство. В основной посевной группе (с посевом до 1 дес.) Крайнего Северного района преобладали однолошадные хозяйства (59,4 %), в аналогичной группе в Северном районе (с посевом от 1 до 2 дес.) также – 77,1 %. Впрочем, данный вывод в основе своей применим и для всех остальных посевных групп. Исключение составляли крупные дворы (с посевом от 3 до 6 дес.) Крайнего Северного района, в массе своей владевшие двумя лошадьми. Сравнение их с аналогичной группой дворов (преимущественно однолошадных) в земледельческих губерниях дает основание для выводов о том, что в этих дворах вторая лошадь использовалась преимущественно вне земледельческого производства.

Обеспеченность коровами крестьянских хозяйств также находилась в определенной зависимости от размеров полеводческого участка. Основная масса бескоровных дворов в том и другом районе приходилась на группу беспосевных дворов, с той лишь разницей, что в северном районе эта закономерность была более выражена. Преобладали тем не менее однокоровные и двухкоровные хозяйства. Дворы с тремя и более головами продуктивного скота концентрировались в многопосевных группах. Правда, удельный вес многосеющих хозяйств в том и другом районе был сравнительно невелик и существенно не влиял на общую картину обеспеченности скотом¹⁸.

Таким образом, завершение восстановительных процессов в животноводстве не приводило к качественным изменениям в распределении экономических групп крестьянских дворов. С большой долей осторожности можно говорить о едва наметившейся к середине 1920-х гг. экономической дифференциации деревни, которая в основе своей смогла лишь восстановить и укрепить серьезно подорванные натуральные основы производства.

Вплоть до 1929 г. численность поголовья скота в регионе не отличалась стабильностью и сохранялась на уровне 1925–1926 гг., когда был достигнут определенный максимум количества скота в крестьянских хозяйствах¹⁹. Приняв за 100,0 % размер стада в 1926 г., получим следующую динамику его эволюции: 1926 г. – 100,0 %, 1927 г. – 97,8 %, 1928 г. – 105,6 %, 1929 г. – 98,5 %. В Карелии – 1926 г. – 100,0 %, 1927 г. – 110,4 %, 1928 г. по отношению к предшествующему году – 111,3 %, 1929 г. по отношению к 1928 г. – 80,5 %²⁰. Примерно в таких же коэффициентах выглядело изменение численности скота на Европейском Севере в оценках ЦСУ: 1926 г. – 100 %, 1927 г. – 92,3 %, 1928 г. – 109,2 %, 1929 г. – 92,0 %²¹.

В ряду причин, вызывавших замедление темпов роста поголовья скота на Европейском Севере, основу составляли производственные факторы. Более детальный их анализ будет представлен ниже, но тем не менее одну из них необходимо назвать сейчас. Дело в том, что сокращение поголовья скота (кроме лошадей) в 1929 г. в большей степени было мотивировано факторами внеэкономического порядка – начавшейся коллективизацией и политикой раскулачивания деревни, что неизбежно приводило к общему снижению продуктивности сельскохозяйственного производства более состоятельных крестьянских дворов. В 1930 г. количество скота сократилось еще более значительно²².

В снижении темпов роста поголовья скота, несомненно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что в 1926/27 г. в стране была проведена реформа сельскохозяйственного налога, в основу которой было положено обложение совокупного дохода (включая доходы от животноводства) крестьянского хозяйства²³. Несложно предположить, что, стремясь снизить фискальный гнет, крестьянин традиционно прибегал к убоя скота или утаиванию от налоговых и учитывающих органов объектов обложения.

Определив общую направленность динамики поголовья скота во второй половине 1920-х гг., посмотрим, в каком направлении эволюционировала его структура. На протяжении 1926–1929 гг. в Северном крае структура стада подверглась определенным изменениям. Намечавшаяся тенденция роста удельного веса поголовья крупного рогатого скота начиная с 1928 г. постепенно затормаживалась²⁴. С 1927 г. в структуре стада снижается доля овец. Поголовье мелкого скота, в первую очередь свиней, возросло с 4,6 % в 1926 г. до 5,6 % в 1929 г. С некоторыми колебаниями обнаруживался рост удельного веса тялового скота – с 13,3 % в 1926 г. до 15,5 % в 1929 г. Отмеченные колебания не меняли общей характеристики крестьянского стада второй половины 1920-х гг. – его основу составлял крупный рогатый скот и лошади.

В структуре конского стада на протяжении второй половины 1920-х гг., включая критический 1929 г., наблюдалось устоявшееся и вполне благоприятное соотношение молодняка и взрослого скота. Число рабочих лошадей на протяжении 1926–1929 гг. в Северном крае несколько превышало 80,0 %, оставшееся количество приходилось на молодняк и жеребят, что при всех условиях обеспечивало ремонт стада. В АО Коми в 1928 г. даже наблюдался процесс некоторого омоложения конского поголовья. Нерабочие лошади и жеребята составляли в области 26,9 % от численности поголовья²⁵.

В стаде крупного рогатого скота преобладающее положение занимал взрослый скот – 57,14 % – 60,72 %. Не вполне благополучная картина половозрастной структуры стада в первой половине 1920-х гг., казалось бы, была преодолена. Значительное повышение поголовья коров в стаде свидетельствовало об одном – стадо принимало более молочное направление. В то же время в структуре стада крупного рогатого скота сложился определенный дисбаланс. Постоянное увеличение числа коров в стаде происходило за счет ремонтного молодняка, прежде всего телят и подтелков. Неоправданно высоким с точки зрения воспроизводства стада было сокращение поголовья бычков младших возрастов. В совокупности все это свидетельствовало об определенном неблагополучии молочного животноводства.

Аналогичные выводы можно сделать применительно к поголовью овец и свиней. Учитывая общее снижение поголовья данных видов скота к концу 1920-х гг., уменьшение доли ремонтного молодняка свидетельствовало о постепенном нарастании кризисных явлений в данной отрасли крестьянского хозяйства. Замедление роста поголовья скота во второй половине 1920-х гг. при одновременном увеличении численности крестьянских хозяйств сказалось на обеспеченности скотом крестьянских дворов. В 1926 г. в регионе в среднем на хозяйство приходилось: 1 голова тяглового скота (в том числе 0,83 рабочей лошади), 2,87 головы крупного рогатого скота (в том числе 1,74 коровы), 3,11 головы мелкого рогатого скота (овец и коз), 0,32 головы свиней. Наиболее обеспеченными скотом (в первую очередь рабочими лошадьми и коровами) оказывались хозяйства Вологодской губернии, традиционно отличавшиеся развитой сельскохозяйственной специализацией²⁶. В 1927/28 г. по сравнению с 1926 г. в регионе обеспеченность крестьянских хозяйств скотом уменьшилась²⁷.

Рост численности крестьянских дворов в Вологодской губернии за 1924–1927 гг. в большинстве посевных групп оказывался выше темпов роста поголовья скота, приходящегося на эти посевные группы. Адекватный рост был присущ лишь VI и VII посевным группам (от 4,1 до 8,1 дес.), отчасти – VIII группе (с посевом свыше 8,1 дес.)²⁸. Данное обстоятельство дает основание утверждать, что по завершении вос-

становительных процессов произошедшая во второй половине 1920-х гг. перегруппировка поголовья скота по посевным группам в целом не свидетельствовала об улучшении обеспеченности тягловым и крупным рогатым скотом основной массы крестьянских хозяйств. В абсолютном большинстве дворов в хозяйстве по-прежнему содержались одна лошадь и одна корова. Только в VIII посевной группе преобладали двухлошадные и многокоровные (трех- и четырехкоровные) дворы.

Основу крестьянских хозяйств АО Коми и Северо-Двинской губернии в 1924–1928 гг. так же, как и в Вологодской губернии, составляли однолошадные и одно- и двухкоровные дворы. Причем если в АО Коми доля однолошадных и двухлошадных дворов несколько возросла за счет сокращения хозяйств, не имевших рабочего скота, то в Северо-Двинской губернии, наоборот, снизилась за счет возрастания удельного веса безлошадных дворов²⁹. Характер обеспеченности крупным рогатым скотом, прежде всего коровами, соответствовал выявленной тенденции: в структуре дворов также преобладали одно- или двухкоровные дворы, причем их удельный вес несколько снижался за счет возрастания доли бескоровных и четырехкоровных хозяйств. В Северо-Двинской губернии удельный вес последних в 1927 г. увеличился по сравнению с 1924 г. с 2,4 % до 5,1 %.

Наряду с организационно-производственными факторами основной причиной медленного роста поголовья скота в регионе являлось состояние кормовой базы, основу которой составляло сено с естественных кормовых угодий (заливные и суходольные луга, лесные, полевые сенокосы и болотные сенокосы). Качество лугового фонда на Европейском Севере традиционно считалось высоким. Между тем в 1920-е гг. сенокосные угодья во всех северных губерниях более чем на половину состояли из низких по качеству лугов. Наиболее продуктивные заливные луга располагались в поймах рек Северной Двины, Печоры, Мезени, Онеги, Вычегды, Сухоны и Юга. В Северо-Двинской губернии на их долю приходилось лишь 27,0 % кормовой площади³⁰.

Лучше обстояло дело в Архангельской губернии. Здесь, по данным 1927 г., на долю заливных лугов приходилось 47,4 % всего лугового фонда. При внешней схожести природно-климатических условий, в которых развивалось крестьянское хозяйство Карелии и Архангельской губернии, карельская деревня была несравненно хуже обеспечена сеном. Основу кормовой базы в республике составляло сено, получаемое с лесных и болотных пожень (около 66,0 % всех луговых угодий). В 1927–1929 гг. в Карельской АССР на долю заливных лугов приходилось лишь 26,0 – 26,4 % всей площади сенокоса. Причем более 60,0 % заливных сенокосов составляли менее качественные «осочные» сенокосы³¹.

В отличие от пашни расширение сенокосных угодий происходило крайне медленно. По нашим подсчетам, за период с 1925/26 по 1928/29 гг. луговая площадь в Архангельской губернии увеличилась (за счет расчисток, распахек неудобий, осушения болот и др. мелиоративных работ) с 188 400 га до 194 700 га, или на 3,3 %, составляя в 1929 г. 104,1 % к уровню 1917 г.³² В Карелии с 1927 г. по 1929 г. площадь лугов возросла (главным образом за счет лесных и болотных лугов) всего лишь на 5133,58 га, или на 2,3 %.

В конечном итоге низкие темпы роста луговой площади неизбежно сказались на уровне обеспеченности ими крестьянских дворов. Если в к концу восстановительного периода кормовая потребность наличного стада крестьянского скота сполна обслуживалась естественной кормовой площадью вместе с продуктами, даваемыми экстенсивным полеводством (в силу чего крестьянин не ощущал потребности в дополнительном получении корма за счет сеянных на пашне трав), то уже к концу 1920-х гг. сложился ощутимый дисбаланс луговой площади и площади пашни. Для рациональной организации сельского хозяйства оптимальным считалось соотношение пашни и сенокоса как 100 : 150. В 1924/25 г. в Северо-Двинской губернии в мелкопосевных хозяйствах данная пропорция равнялась 100 : 132, а для крупнопосевных – 100 : 135, т. е. выглядела сравнительно удовлетворительной³³. Ситуация стала меняться к концу 1920-х гг. Более быстрые темпы роста пашни в Северо-Двинской губернии изменили в худшую сторону отмеченную пропорцию, и в 1927 г., например, она равнялась лишь 100 : 81,7³⁴.

Относительное расширение стада неминуемо вызывало, с одной стороны, улучшение качества естественных лугов, с другой стороны, необходимость в искусственном производстве кормов. Урожайность лугов постепенно увеличивалась, но все же оставалась крайне низкой, не превышая в течение всех 1920-х гг. в среднем 20 ц сена с 1 га луговой площади. Следует подчеркнуть, что при экстенсивном характере лугового хозяйства на Европейском Севере продуктивность лугов находилась в прямой зависимости от погодных условий. Особенно неурожайным был 1926 год, что наиболее ярко проявилось в Архангельской губернии и привело к сокращению урожая³⁵. Крайне плохие погодные условия наблюдались и в 1928 г. Понизились валовые сборы зерна, но еще более неудовлетворительно обстояло дело с урожаем естественных трав.

Не случайно во второй половине 1920 гг. абсолютно во всех регионах Европейского Севера площадь под посевами однолетних и многолетних трав постепенно увеличилась. Но даже в Вологодской губернии, отличавшейся наиболее зрелыми формами полевого травосеяния (по сравнению с 1900 – 1910 г. в 1927 г. площадь сеянных трав в губернии увеличилась с 0,03 % до 5,4 % посевных площадей), крестьянское

хозяйство постоянно испытывало затруднения с фуражом и сильными кормами. Как отмечалось в экономическом обзоре сельского хозяйства Вологодской губернии за 1928 г., «естественные кормовые ресурсы только по Вологодскому и Кадниковскому уезду на 1928/29 год не обеспечивают животноводство кормами свыше чем на 2 000 000 пуд. сильного корма. Несмотря на ряд усилий, которые губерния в течение ряда лет напрягала в целях подведения кормовой базы под продуктивное животноводство ... вышеупомянутые два уезда только с большим напряжением сводят свой кормовой баланс»³⁶.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что восстановление довоенного поголовья скота на Европейском Севере, довольно значительно пострадавшего за годы Первой мировой и Гражданской войн, сопровождалось соответствующим восстановлением структуры и половозрастных пропорций стада.

Восстановление поголовья скота, достигнутое к середине 1920-х гг., значительно не изменило производственные характеристики крестьянских дворов. Абсолютные показатели восстановления и роста численности скота не находили адекватного преломления в конкретном крестьянском дворе. Наблюдался процесс постепенного усреднения крестьянских хозяйств по количеству голов скота на двор, что вполне объяснимо, учитывая тенденцию масштабного увеличения численности крестьянских дворов, которая значительно опережала темпы восстановления скота.

Вторая половина 1920-х гг. отличалась постепенным ростом поголовья. Уровень обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом оказался довольно высоким, хотя преобладающим типом дворов в регионе оставался однолошадный двор. По условиям Европейского Севера данный тип двора был наиболее экономичен и соответствовал характеру полеводства. Нагрузка рабочей лошади, которая определялась количеством обрабатываемой ею пашни или сенокосов, с каждым годом возрастала, достигнув в 1928 г. 2,78 га посева (101,1 % нагрузки за 1916 г.), или 3,85 га пашни (97,8 % нагрузки 1916 г.) при существовавшей норме 3,94 га на рабочую лошадь³⁷. В АО Коми, по сведениям за 1928 г., наблюдалась даже своего рода «перенасыщенность» крестьянских дворов тягловым скотом³⁸.

Несколько иная ситуация имела место в отношении крупного рогатого и других видов скота. Во второй половине 1920-х гг. наблюдалось снижение темпов прироста поголовья и даже определенная стагнация. По-прежнему среди крестьянских хозяйств преобладали однокоровные и двухкоровные дворы. По причине снижения удельного веса и качественных параметров ремонтной части в целом замедлились темпы обновления стада. В основе обозначившейся тенденции лежали факторы экономического порядка, прежде всего ухудшение кормовой базы.

В 1929 г. статистика зафиксировала катастрофическую убыль практически всех видов скота, что было связано с внешними по отношению к крестьянскому двору факторами, прежде всего начавшейся коллективизацией деревни и раскулачиванием.

В конечном итоге на протяжении 1917–1920-х гг. животноводство обеспечивало потребительские и производственные надобности крестьянской семьи, но в очень малой степени соответствовало планам властей по модернизации экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. Труды ЦСУ. Т. VI. Вып. 3. М., 1922. С. 19.

² Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 105. Оп. 1. Д. 44. Л. 27.

³ ГААО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 44. Л. 27; Четыре месяца Советской власти в Архангельской губернии (Материалы 4-го губернского съезда Советов). Архангельск, 1920. С. 133.

⁴ Деларов Д. И. Крестьянское хозяйство Северной области (скот и его роль в крестьянском хозяйстве Севера) // Труды Вологодского молочно-хозяйственного института. Т. 2. Вологда, 1923. С. 46.

⁵ Чубаков Г. К вопросу об изменении в скотоводстве в крестьянском хозяйстве за период 1916–21 гг. // Сельское и лесное хозяйство. 1922. № 5–6. С. 14.

⁶ Итоги разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по типам и группам хозяйств. Северный район. М., 1924. С. XII.

⁷ Ободовский С. Земледелие на Севере Европейской России // О земле. Вып. 3. М., 1922. С. 244–245.

⁸ Итоги разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по типам и группам хозяйств. Северный район... С. XIX.

⁹ Итоги разработки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по типам и группам хозяйств. Северный район... С. XVI; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. За пять лет работы Центрального статистического управления. Труды ЦСУ. Т. XVIII. М., 1924. С. 106–107; Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. ... С. 19.

¹⁰ Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству. Статистический справочник. Год 2-ой. К III Съезду Советов Союза ССР. М., 1925. С. 200–201; Население, посевы, скот, птица и сельскохозяйственный инвентарь в 1923 и 1924 гг. М., 1926. С. 48.

¹¹ Данное наблюдение, возможно, не совсем точно отражает подлинное состояние дел в Карелии. Во всяком случае статистические органы Северо-Западной области, в которую в свое время входили Олонецкая губерния и Карельская Трудовая Коммуна, отмечали приближение численности стада рабочего скота в области к уровню 1916 г. уже к концу 1922 г. Согласно этим данным, поголовье лошадей в Олонецкой губернии насчитывало в 1920 г. 33,9 тыс. голов, в 1921 г. – 32,9 тыс. голов, в 1922 г. – 32,7 тыс. В Карельской трудовой коммуны – соответственно 10,9 тыс. голов, 10,3 тыс. голов и 10,8 тыс. (Хозяйственный обзор Северо-Западной области за 1920–22 годы. Пг., 1923. С. 36–37).

¹² Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству. Статистический справочник. Год 2-ой... С. 224–225.

¹³ Город Котлас и его роль в развитии народного хозяйства Северного края: материалы специальных экономических обследований. Л., 1929. С. 65.

- ¹⁴ Бачурихин А. Н. Обзор состояния сельского хозяйства Северо-Двинской губернии // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Вып. IV. Великий Устюг, 1927. С. 56.
- ¹⁵ Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству. Статистический справочник. Год 2-ой... С. 316–317.
- ¹⁶ Отсутствие тенденции к росту многолошадных дворов в земледельческой Вологодской губернии со всей очевидностью доказывает высказанный тезис. При более развитой системе полководства в восстановительный период крестьянские дворы обходились минимальным количеством тяглового скота.
- ¹⁷ Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее ВОАНПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1641. Л. 306.
- ¹⁸ См. подробнее: Население, посевы, скот, птица и сельскохозяйственный инвентарь в 1923 и 1924 гг.... С. 30.
- ¹⁹ План сельскохозяйственной производственной кампании на 1929/30 год. Архангельск, 1930. С. 112–113.
- ²⁰ Автономная Карельская социалистическая советская республика. Ежегодник. Вып. IV. [Петрозаводск], 1929. С. 121.
- ²¹ Животноводство СССР. Динамика скотоводства. Кормовая база. Мясной баланс. М., 1930. С. 156–161.
- ²² Данный вывод находит подтверждение в итоговых материалах весеннего учета скота, проведенного в главном животноводческом округе Северного края – Вологодском – в 1929–1930 гг. Специальный учет скота в Вологодском округе был инициирован краевым статистическим отделом, который преследовал цель выяснить изменения в количестве скота, произошедшие в начальный период коллективизации. Учету подверглись как коллективные, так и индивидуальные хозяйства. Важно подчеркнуть, что весенняя перепись 1929 г. и мартовский учет скота 1930 г. проводились по одной и той же методике, что позволяет сопоставить данные за два года и сделать аргументированные выводы. В среднем по округу перепись скота охватила 10,9 % индивидуальных крестьянских дворов. (См.: Пушкарев В. К итогам мартовского учета скота в Вологодском округе // Хозяйство Севера. 1930. № 4–5. С. 128–135).
- ²³ Об эволюции налоговых практики в северной деревне см. подробнее: Саблин В. А. Сельскохозяйственный налог в Вологодской деревне в годы нап. (Анализ налоговых кампаний 1921/22 – 1929/30 гг.) // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вып. 2. Вологда, 2001. С. 3–48.
- ²⁴ План сельскохозяйственной производственной кампании на 1929/30 год. Архангельск, 1930. С. 112–113.
- ²⁵ Животноводство СССР за 1916–1938 гг. М., 1940. С. 23, 24, 58, 59.
- ²⁶ Город Котлас и его роль... С. 56–63.
- ²⁷ Материалы по районированию Северного края. Описание края, его округов и районов. Архангельск, 1929. С. 174–184.
- ²⁸ Материалы к XVI Вологодской губернской конференции ВКП (б). Вологда, 1927. С. 6–8; Цифровые данные о расслоении деревни в Вологодской губернии (по распространенным данным весенних выборочных обследований губстатотдела). Вологда, 1927. С. 2–4.
- ²⁹ ГААО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 353. Л. 28, 29; ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 142, 143.
- ³⁰ ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 121.
- ³¹ Автономная Карельская социалистическая республика. Ежегодник. Вып. III. [Петрозаводск], 1928. С. 150; Вып. IV... С. 112; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год. Архангельск, 1929. С. 154.
- ³² Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1927/28 год. Архангельск, 1928. С. 19; Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1928/29 год. Архангельск, 1928. С. 30; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы. Архангельск, 1925. С. 423; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год. Архангельск, 1926. С. 130; Статистический сборник

по Архангельской губернии за 1926 год. Архангельск, 1927. С. 128; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год... С. 154.

³³ Дербенев А. Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1924–25 г. на основе изучения его бюджета. Великий Устюг, 1925. С. 18.

³⁴ ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 102.

³⁵ Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1928–29 г. Архангельск, 1928. С. 29.

³⁶ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 13. Д. 79. Л. 131.

³⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 125.

³⁸ ГААО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 353. Л. 29.

В. С. Кашенкова

Крестьянские строения на Европейском Севере России в первой половине 1920-х гг.

Для ведения своего земледельческого хозяйства в 1920-е гг. крестьяне располагали, помимо земли, капиталом, заключающимся в сельскохозяйственном и транспортном инвентаре, рабочем и продуктивном скоте, запасах продуктов, а также в постройках. Среди крестьянских строений различались жилые и хозяйственные, а среди хозяйственных – промысловые и сельскохозяйственные¹. Промысловые постройки обслуживали промышленные заведения и встречались достаточно редко. Сельскохозяйственные же постройки были нужны каждому земледельцу. Состав сельскохозяйственных построек, в свою очередь, определялся типом организации сельскохозяйственного производства. В зерновом хозяйстве с большим количеством гуменных кормов были необходимы амбары и риги, плодосменное хозяйство с корнеплодным кормлением скота нуждалось в погребах. Характер скотного двора зависел от состава животноводства.

Русские люди обычно делали строения из дерева. Постройка дома осуществлялась как собственными силами семьи, так и артелями плотников. Крестьянский дом состоял из жилых помещений и двора. Жилых помещений было, как правило, одно или два, реже три. Они были соединены сенями, которые служили своеобразным тамбуром между улицей и избой. Наиболее типичным был дом, состоявший из теплого, отапливаемого русской печью помещения и коридора – сеней. В домах зажиточных крестьян, кроме помещения с русской печью, имелось еще несколько комнат, предназначенных для приема гостей, для сна молодоженов, для хранения домашних вещей. Планировка жилого пространства дома была сравнительно одинаковой на большей части территории, освоенной русскими людьми, и определялась положением печи и переднего (святого, красного угла с иконами).

Двор, где были расположены постройки для скота, хранения кормов, а также сельскохозяйственных орудий и транспорта, находился всегда рядом с жилыми помещениями. Он мог быть закрытым или открытым. В закрытом дворе все хозяйственные постройки соединялись одной кровлей и сообщались как между собой, так и с жилым помещением, двор либо примыкал к боковой стене дома, либо строился позади него. Он был отделен от дома сенями и мостом. Такой двор был удобен для жизни и работы в холодном климате с длинными снежными зимами. Дом, двор и расположенный рядом с ними огород, сад составляли усадьбу, которую окружала ограда с воротами.

Сельскохозяйственные строения для сушки зерна в снопах, для обмолота и хранения зерна находились обычно за пределами усадьбы, ближе к пахотным землям. Сушку зерна в снопах производили в овинах, ригах, которые отличались друг от друга устройством. Необходимость в просушке зерна перед молотью была вызвана климатическими условиями: обилием осадков, коротким, нередко холодным летом. Обмолот снопов, привезенных с поля, проходил в гумнах, а также на току – ровной, утрамбованной площадке, которую устраивали обычно в клунях – ригах. Зерно хранили в амбарах, имевшихся в каждом крестьянском хозяйстве. Для перемалывания зерна на муку использовали ветряные и водяные мельницы, а для очистки круп – толчеи. Их владельцами были зажиточные крестьяне, а до революции и помещики, которым платили за помол деньгами или зерном.

Вот как описывает Василий Белов крестьянские «хоромы» в Вологодской губернии в 1928 г. «Двухэтажный пятистенок с зимовкой... Широкий сарай, куда с любым возом въезжают по отлогому въезду, – под одной крышей с домом, на сарае три сенника-чулана. Между сенниками – до крыши набитые соломой и сеном перевалы... Под настилом сарая – три низких теплых хлева для рогатой скотины и конюшня. Под въездом вкопан сруб неглубокого колодца для скотинной воды... Под летней избой – два темных подвала... Не считая гумна с двухпосадным овином... амбар, а около дома, на спаде холма, вырыт картофельный, на один скат, погреб. Внизу, у реки, где кончаются огороженные косой изгородью грядки, стоит закоптелая баня. Вся постройка стара, но изобихожена, дровни, розвальни, выездные сани, соха и железная, купленная в кредит борона прибраны под крышу»².

Каково было состояние и размеры крестьянских построек к 1920 г. позволяют нам представить данные семьи Тарабиных. Семья состояла из хозяина, его жены, тещи и 4-х дочерей (8 месяцев, 6, 8, 12 лет). Данные сведения взяты из монографического бюджетного описания их хозяйства в деревне Полутиха Катромской волости Кадниковского уезда. Под домом и двором было занято 40 кв. сажень: длина – 24 аршин, ширина – 15, высота – 9 венцов, год возведения – 1914. Нормальной

продолжительностью службы дома считалось 25 лет. Он был перестроен, стоимость постройки составляла 250 довоенных рублей. Под амбаром было занято 4 сажени, длина и ширина – 6 аршин, высота – 4 венца, год возведения – 1912. Под овином, гумном, током – 40 сажень, длина – 24, ширина – 12 аршин, высота – 4 венца, год возведения – 1910. Продолжительность службы амбара, овина, гумна – 50 лет, стоимость – 100 довоенных рублей. Все постройки в хозяйстве стояли на низком фундаменте, были выполнены из бревен, с железной крышей, все прочные³.

Обеспеченность крестьянских хозяйств постройками зависела от имущественного положения семьи, от наличия строительного материала, от уровня развития земледелия в регионе. Так, в Вельском уезде Верховажской волости в деревне Наумовской в 1924–1925 гг. выделено мощное и среднее хозяйство, а в деревне Вирино той же волости – маломощное. Постройки этих хозяйств составляли перечень, представленный в таблице 1.

Таблица 1

**ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ПОСТРОЙКАМИ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ
ВЕЛЬСКОГО УЕЗДА ВЕРХОВАЖСКОЙ ВОЛОСТИ В 1924 – 25 гг.
(стоимость в зерновом эквиваленте)**

Тип хозяйства	Число членов семьи		Дом	Скотный двор и конюшня	Хлев	Амбар и погреб	Гумно с овином	Баня
	общее число	из них в рабочем возрасте						
Мощное	7	4	2 шт.	4 шт.	4 шт.	2 шт.	1 шт.	1 шт.
			850 пуд. ржи	300 пуд. ржи	65 пуд. ржи	25 пуд. ржи	180 пуд. ржи	40 пуд. ржи
Среднее	7	3	1 шт.	1 шт.	2 шт. ветх.	1 шт.	1 шт.	1 шт.
			300 пуд. ржи	80 пуд. ржи	20 пуд. ржи	10 пуд. ржи	85 пуд. ржи	12 пуд. ржи
Маломощное	7	2	1 ветх / 1 сруб	–	2 шт.	–	–	1 шт.
			23 / 105 пуд. ржи		28 пуд. ржи			10 пуд. ржи

Таблица составлена по: ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 65. Л. 58.

Постройки, помимо того, что представляли определенное вложение основного капитала, требовали еще ежегодных расходов на их текущий ремонт. Кроме того, они изнашивались, и степень их ежегодного изнашивания, так называемая амортизация, тоже ложилась определенным расходом на каждый хозяйственный год.

Таблица 2

ЗАТРАТЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ПОСТРОЕК

Хозяйство	Общая сумма капиталов хозяйства на душу обоого пола (рублей)	Процентные отношения разного вида капиталов в общей сумме	
		хозяйственные постройки	дом и другие жилые постройки
Олонецкое	230,6	21,0	30,2
Вологодское	205,7	20,4	21,2
Тотемское	115,63	27,9	21,5
Вельское	119,95	16,6	19,2

Таблица составлена по: *Деларов Д. И.* Крестьянское хозяйство Северной области // Труды ВМХИ. Том II. Кн. № 3. Вологда, 1923. С. 19.

По мнению Д. И. Деларова, главная часть капиталов, обслуживающих хозяйство, помещалась в постройки, т. е. в наименее производительную отрасль. В русских северных хозяйствах доля построек в крестьянском капитале составляла 20 – 28%. Наиболее обеспеченное Вологодское хозяйство в то же время было достаточно мало снабжено капиталами, работающими в производстве. Здесь кроется и причина его малой устойчивости и продуктивности. К тому же во время войны и революции постройки и инвентарь изнашивались и мало ремонтировались⁴.

Годовую стоимость содержания построек в хозяйстве высчитать нетрудно. Методика расчета была описана в изданиях для крестьянства. Расход на ежегодный ремонт составлял 5 – 6% от общей стоимости построек; потом на погашение надо прибавить 3 – 4%. Если считать средний срок службы всех построек 25 – 30 лет, то значит, что в год изнашивалось около 1/30 части первоначальной их стоимости, т. е. 3 – 4%. Это и называется годичной амортизацией⁵. Расход на содержание построек был довольно высоким, поэтому обращалось внимание крестьян, что к организации построек надо относиться внимательно, без нужды число их не увеличивать, а иметь их ровно столько, чтобы на весь урожай всегда хватало, с небольшим запасом. Необходимое количество хозяйственных построек определялось из того,

сколько бывает урожая соломы, сена, зерна, пеньки и т. д. Жилые постройки составляли большую часть общей стоимости построек – около 2/3. Желательно, конечно, чтобы жилая обстановка у крестьянина была возможно лучше, однако расход на жилые постройки уменьшал его хозяйственные средства и ослаблял хозяйство.

Тем не менее, рассматривая отдельные составные части капиталов более подробно, а именно: разделяя каждый вид капитала, в свою очередь, на его составные части, можно подметить ряд особенностей в строении капитала отдельных экономических групп крестьянства. Оказывается, что по мере перехода к более мощной группе стоимость жилых построек возрастала сильнее, чем хозяйственных.

Таблица 3

ЗАТРАТЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ НА ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ В СЕВЕРО-ДВИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1924 – 25 гг.

Группы хозяйств	В среднем на 1 хоз-во стоимость в золотых руб.					
	Жилых	Хоз-ных	Всего	Отношение к стоимости в первой группе		
				жилых	хоз-ных	всего
Хоз-ва с посевом до 2-х десятин	101,95	57,02	158,97	100	100	100
Хоз-ва с посевом свыше 2-х десятин	153,56	76,90	230,46	150,6	134,8	144,9
В среднем по всем хозяйствам	115,56	62,43	177,99	—	—	—

Источник: Дербенев А. Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1923 – 24 году на основе изучения его бюджета. Великий Устюг, 1925. С. 8.

Очевидно, что увеличение сельскохозяйственной продукции и скота, происходящее одновременно с ростом посевной площади, вызывало расширение и улучшение хозяйственных построек. Но больше возрастала ценность жилых построек под влиянием роста семьи и увеличения общего благосостояния хозяйств. Можно предположить, что бытовая привычка к хозяйственным постройкам определенного размера обуславливала в малопосевных хозяйствах недостаточную их использованность. А это, в свою очередь, являлось причиной отсутст-

вия у более крупных хозяйств потребности в расширении хозяйственных построек в той же мере, в какой они, сравнительно с малопосевными, улучшали жилую площадь. Расходы малопосевного крестьянского хозяйства как на хозяйственные, так и на жилые постройки оказывались более обременительными на единицу площади, чем в более крупном хозяйстве.

Таблица 4

**СТОИМОСТЬ ПОСТРОЕК В ЗОЛОТЫХ РУБЛЯХ НА ОДНУ ДЕСЯТИНУ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЛОЩАДИ В СЕВЕРО-ДВИНСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 1923–24 гг.**

Группы хозяйств	Всех	В том числе		Отношение к стоимости в первой группе		
		жилых	хоз-ных	всех	в том числе	
					жилых	хоз-ных
В хоз-вах с посевом до 2-х десятин	23,38	14,99	8,39	100	100	100
В хоз-вах с посевом свыше 2-х десятин	17,77	11,84	5,93	76	79	70,7
В среднем по всем хозяйствам	21,04	13,68	7,36	—	—	—

Источник: *Дербенев А. Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии...* С. 9.

Из таблицы 4 видно, как различалась стоимость построек в разных по величине хозяйствах. Чем хозяйство крупнее, тем и стоимость построек больше, а на десятину земли стоимость их понижалась. Значит, крупным хозяйствам пользование постройками обходилось дешевле. Крупное хозяйство постройки строило большие, а в большой постройке единица площади обходилась дешевле; кроме того, оно гораздо полнее использовало свои постройки, чем мелкое. В этом отношении мелкое хозяйство проигрывало. По мнению А. Г. Дербенева, в районах с высокоразвитым земледелием на одно хозяйство приходилось значительно больше построек, чем в районах со слабо развитым земледелием.

Из таблицы 5 видно, что к концу 1924/25 бюджетного года самое ошутимое изменение в Северо-Двинской губернии дали постройки, стоимость которых в среднем на хозяйство возросла на 7,2%, и запасы, сократившиеся на 14,4%. Это сокращение запасов как раз и вызвано приростом капитала, заключающегося в постройках. В запасах сокращение произошло главным образом за счет уменьшения к концу бюджетного года запасов лесных материалов, бывших в хозяйствах к

началу года. В среднем по всем группам хозяйств уменьшение запасов лесных материалов к концу бюджетного года выразилось в 7,8 руб. на одно хозяйство. Деревня начинала отстраиваться, причем строились не только средние и крупные хозяйства, но и мелкопосевные: у первых прирост построек – 7,2%, у последних – 7,1%⁶.

Таблица 5

**ИЗМЕНЕНИЕ СТОИМОСТИ КАПИТАЛОВ, ЗАТРАЧИВАЕМЫХ НА СТРОИТЕЛЬСТВО
В РАЗНЫХ ГРУППАХ ХОЗЯЙСТВ В СЕВЕРО-ДВИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1924 – 25 гг.**

Группы хозяйств по посевным площадям	Постройки (в довоенных рублях на одно хозяйство)		Все капиталы		Прирост и убыль к концу бюджетного года		% к общей стоимости капитала к весне 1923 г.
	к началу года	конец года	к началу года	конец года	в довоенных руб.	в %	
Хоз-ва с посевом до 2-х дес.	158,97	170,38	341,39	343,84	+11,41	+7,2	46,6
Хоз-ва с посевом свыше 2-х дес.	230,46	246,91	555,15	561,39	+16,45	+7,1	41,5
Средняя	178,41	191,19	399,53	403,01	+12,78	+7,2	44,7

Таблица составлена по: *Дербенев А. Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии... С. 6, 7.*

Таким образом, наличие крестьянских построек, их размеры и состояние в первой половине 1920-х гг. на Европейском Севере России может показать нам имущественное положение семьи, так как основная часть капиталов, обслуживающих хозяйство крестьян, помещалась именно в них. Кроме того, нужно отметить, что состав построек зависел от типа организации сельскохозяйственного производства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003. С. 15.

² Белов В. И. Кануны (Хроника конца 20-х годов). М., 1994. С. 22.

³ ГАВО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 167. Л. 1, 12, 17.

⁴ Деларов Д. И. Крестьянское хозяйство Северной области // Труды ВМХИ. Том II. Кн. № 3. Вологда, 1923. С. 19 – 20, 22.

⁵ Экономика и благоустройство деревни // Крестьянская сельскохозяйственная энциклопедия. Т. I, III. М.; Л., 1925. С. 420 – 422.

⁶ Дербенев А. Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1923 – 24 году на основе изучения его бюджета. Великий Устюг, 1925. С. 9, 26, 31.

Р. А. Малахов

Из истории органов управления региональной промышленностью в 1918 – 1920-х гг. (на материалах Европейского Севера России)

Изучением эволюции органов власти Советской России 1918 – 1920-х гг. занимались многие ученые (Н. Р. Андрухов, Т. П. Коржихина, А. А. Нелидов и др.¹). Исследования проводились как на центральном, так и на региональном уровне. Так, например, историки обращались к изучению некоторых сторон организации и функционирования аппарата управления на Европейском Севере России². В целом анализ имеющейся литературы позволяет вести речь о серьезной историографической проработке проблемы. Данные исследования во многом проясняют динамику государственного строительства в России 1918 – 1920-х гг. Вместе с тем требует системного изучения эволюция механизма управления промышленностью на региональном уровне. Частичное восполнение этого пробела является задачей настоящей работы.

Процессы монополизации и огосударствления в экономике России, развивавшиеся в начале XX в., были поддержаны большевистским правительством. В декабре 1917 г. была объявлена национализация банков³. В апреле 1918 г. была провозглашена государственная монополия внешней торговли. В июне 1918 г. был принят Декрет о национализации крупной и средней промышленности. В ноябре 1920 г. ВСНХ принял постановление о национализации мелкой промышленности⁴. В июле 1918 г. Декретом «О спекуляции» была запрещена частная торговля. В отечественной историографии отмечалось, что «советское правительство было жизненно заинтересовано в том, чтобы при общественном переустройстве не только сохранить достигнутую высокую концентрацию производства и старые, налаженные экономические связи между предприятиями, но усилить и развить их дальше»⁵. В. А. Шишкин отмечал, что в «послереволюционной России среди самых сильных элементов преемственности старого строя было отношение власти к экономике и роль правительства в ее регулировании». И

далее, «традиционная патерналистская и регулирующая роль государства в ряде крупных отраслей народного хозяйства, особенно четко выявлявшаяся в конце XIX – начале XX в., не была прервана революцией. Она была сохранена и продолжена в иных по содержанию формах, но, может быть, в еще более гипертрофированном виде...»⁶. Вследствие этого в экономике Советской России стали активно распространяться государственно-капиталистические тенденции.

Одним из тех, кто пытался расширить и ускорить эти процессы был В. И. Ленин. В мае 1918 г., обосновывая необходимость государственной монополизации экономики, он писал: «В России преобладает сейчас ... мелкобуржуазный капитализм, от которого и к государственному крупному капитализму, и к социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную станцию, называемую "общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов"»⁷. В дальнейшем Ленин сохранил решимость продвигать страну в направлении государственного капитализма. В марте 1922 г. в своем выступлении на XI съезде РКП(б) он указывал, что «государственный капитализм, это – тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это – рабочие, это – передовая часть рабочих, это – авангард, это – мы»⁸. В ноябре 1922 г. в интервью одной из иностранных газет он отмечал, что «переход к коммунизму возможен и через государственный капитализм, если власть в государстве в руках рабочего класса. Это именно и есть «наш теперешний случай»»⁹.

Основным рычагом для достижения этой цели В. И. Ленин считал промышленную модернизацию страны. НЭП был лишь вынужденной мерой социально-экономической стабилизации России. В марте 1922 г. В. И. Ленин, анализируя НЭП, в одном из своих публичных выступлений говорил: «Мы уже видим ясно то положение, которое у нас создалось, и можем сказать с полной твердостью, что отступление, которое мы начали, мы уже можем приостановить и приостанавливаем. Достаточно. Мы совершенно ясно видим и не скрываем, что новая экономическая политика есть отступление, мы зашли дальше, чем могли удержать, но такова уже логика борьбы»¹⁰. В этом же месяце он заявлял о том, что в данный момент «ни о каком настоящем строительстве социализма не может быть и речи, ибо его нельзя построить иначе, как через крупную промышленность...»¹¹. В ноябре 1922 г. В. И. Ленин отмечал, что «тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство, – я уже не говорю, как социалистическое, – погибли»¹².

Возглавляя Советское государство, В. И. Ленин стремился реализовать на практике свои взгляды, хотя ясно понимал, что это идет в

разрез с лозунгами и пропагандой большевиков. Учитывая это, в 1922 г. он писал, что пора «бросить игру в декреты (была необходимая полоса пропаганды декретами; это было нужно для успеха революции. Это прошло). Ни тени доверия ни к декретам ни к учреждениям. Только проверять практику и школить за волокиту»¹³. Таким образом, государственно-капиталистический подход В. И. Ленина к экономике Советской России показывает понимание им сомнительности ряда коммунистических лозунгов (землю – крестьянам, фабрики – рабочим и т. д.). Однако собственная болезнь и отсутствие полного взаимопонимания по экономическим вопросам с коллегами по ЦК РКП(б) и СНК не позволили В. И. Ленину в полном объеме реализовать эти взгляды на практике.

Определив характерные черты взглядов В. И. Ленина по вопросу о стратегии социально-экономического развития России, важно обратиться к изучению реализации ленинских подходов в области государственного управления промышленной сферой на местах.

После октябрьского переворота 1917 г. центральная власть для стабилизации экономической ситуации в регионах попыталась опереться на существовавшие органы местного самоуправления. Земские учреждения и городские думы были подчинены специально созданному Народному комиссариату местного самоуправления, который действовал с декабря 1917 по март 1918 г. во главе с левым эсером В. В. Трутовским¹⁴. Известный государственный деятель Л. М. Каганович впоследствии отмечал, что этот комиссариат «как будто должен был укрепить старые органы земств и городских дум»¹⁵.

Аналогичные процессы разворачивались на местах. Е. Г. Гимпельсон указывал, что НКВД в первых своих инструкциях в регионы рекомендовал создать помимо прочих «отдел местного самоуправления (городских дум и земств). Правительство рассчитывало временно их использовать для поддержания местного хозяйства»¹⁶. В российских регионах стали осуществляться попытки «вписать» земства и городские думы в систему власти Советской России. Так, например, в марте 1918 г. Тотемский уездный исполком принял решение «подчинить земское учреждение исполкому на правах отдела самоуправления при нем, с введением в отдел своего комиссара, впредь до решения вопроса об упразднении земства»¹⁷. Данное сосуществование продолжалось недолго. В феврале 1918 г. НКВД объявил о ликвидации этих отделов, так как они не добились экономической стабилизации регионов. В результате на местах началось упразднение земств. Вместе с тем до лета 1918 г. на Европейском Севере России эти учреждения продолжали существовать. Более того, некоторые из них поддерживались местными советскими органами. Примером тому может служить решение коллегии земельного отдела Вологодского губисполкома,

принятое в апреле 1918 г., выделить Вельскому земству 70 000 рублей, недополученных за 1917 г.¹⁸

Только в мае – июне 1918 г. постановлением Вологодского губисполкома и приказом «наркома» М. С. Кедрова были окончательно ликвидированы Вологодская губернская земская управа и городское самоуправление¹⁹. Председатель Вологодского губисполкома с апреля 1918 по январь 1920 г., ответственный секретарь Вологодского губкома РКП(б) с ноября 1918 по январь 1920 г. М. К. Ветошкин впоследствии объяснял задержку в процессе упразднения земского самоуправления в губернии необходимостью постепенного и организованного перехода всего земского хозяйства под контроль советских органов, чтобы избежать возможного ущерба для него²⁰. Однако М. С. Кедров считал, что затягивание процесса ликвидации земских учреждений в Вологодской губернии произошло по вине местных чиновников и явилось результатом их политической незрелости. Схожей была ситуация с упразднением прежних органов власти в Архангельской губернии. По воспоминаниям М. С. Кедрова, вплоть до лета 1918 г. в Архангельске не было Советской власти²¹.

Одной из причин того, что земства «не вписались» в новую структуру управления было то, что эти учреждения по своей природе не являлись сторонниками централизации власти, к которой стремилось центральное правительство. Не случайно еще в конце XIX в. С. Ю. Витте, являвшийся в тот период министром финансов, указывал на то, что земства разрушают систему государственного управления, «система местного управления должна быть однородна с общим политическим строем государства». Исходя из этого он делал вывод о том, что земство в России – «непригодное средство управления»²². Следовательно, после октября 1917 г. земские учреждения и городские думы были не способны консолидировать региональную экономику под своим началом для решения задач, поставленных центром.

Ситуация усугублялась открытым неприятием значительной частью земских служащих политики Советской власти. Кроме того, земства рассматривались некоторыми иностранными государствами как основа для подрывной деятельности против большевиков. Об этом свидетельствует следующий пример. В конце марта 1918 г. в Вологде состоялись заседания Вологодского губернского земского собрания. Английский журналист, репортер газеты «Манчестер гардиан» Филипп Прайс, побывавший на нескольких из них, отмечал, что один из выступавших, вернувшийся недавно из Петрограда и встречавшийся там с представителями английских и французских дипломатических миссий, заявил о том, что союзники считают земства «законными представителями русских крестьян» и будут иметь отношения только с ними. Они рассматривают земства в качестве единственных органов, которые

будут верны союзникам и воспрепятствуют тому, чтобы какие бы то ни было товары или материальные ресурсы попали в руки немцев²³. В результате начался процесс упразднения старых органов власти и создания новой организационной структуры управления экономикой. Однако нельзя забывать то, что эти преобразования иногда проводились формально. Б. М. Морозов отмечал, что «имели место случаи простого переименования земств в Советы, земского аппарата в советский аппарат»²⁴.

После октября 1917 г. центральная власть попыталась сосредоточить в своих руках все управление производственной сферой. И в этом она продолжила политику Временного правительства. Так, например, еще в августе 1917 г. на Государственном совещании в Москве министр торговли и промышленности С. Н. Прокопович заявлял о том, что «Временное Правительство создало Главный экономический комитет, который явится регулирующим центром для всей нашей народно-хозяйственной жизни»²⁵.

В декабре 1917 г. был создан Высший совет народного хозяйства. Его главные управления стали руководить всеми крупными и средними предприятиями страны. Местные совнархозы могли управлять только мелкими полукустарными предприятиями. Т. П. Коржихина отмечала, что в эти годы местная власть была практически устранена от руководства производственной сферой²⁶. В результате этой политики в 1918 – 1920 гг. усилилась централизация управления промышленностью. Однако в некоторых регионах этот процесс воспринимался неоднозначно. Примером тому может служить противостояние центра и чиновников Башкирии по вопросу о контроле над промышленными предприятиями Южного Урала, показанное в работе Р. А. Хазиева²⁷. Местные власти никак не хотели терять управление производственной сферой. Автор отмечал, что «борьба за сохранение крупной металлургической промышленности в собственности Башреспублики приобрела и политический характер. Фактическое утверждение экстерриториальности заводов, расположенных на «земле Башреспублики», приравнилось к ущемлению автономного статуса республики»²⁸.

Созданием провинциальных органов Советской власти руководил НКВД. В 1918 г. в одной из своих инструкций «Об организации Советской власти» он предписывал создать при каждом Совете 12 отделов, среди которых имелись подразделения экономического профиля (финансовый и земельный отделы, совнархоз и др.)²⁹. Формирование органов управления экономикой на Европейском Севере России имело свои особенности. М. К. Ветошкин вспоминал, что в Вологодской губернии прежде всего был создан «хорошо работающий» финансовый отдел губисполкома³⁰. Большая заслуга в этом принадлежала известному революционеру-большевику И. А. Саммеру, который в 1918 г.

являлся заведующим этим отделом. Примечательна характеристика этого человека, данная М. К. Ветошкиным в некрологе по случаю смерти Саммера в 1921 г.: «На его долю везде выпадает создавать заново, организовывать, перестраивать то ценное, что нам досталось от старого строя, применительно к новым социалистическим условиям»³¹. Видимо, Саммер прославился как чиновник тем, что старался сохранить в новых учреждениях позитивные традиции прежнего аппарата власти.

Положительное значение при формировании органов исполнительной власти Советской России имела их преемственность с дореволюционными учреждениями. Так, например, по словам М. К. Ветошкина, организация продовольственных органов в Вологодской губернии в 1918 г. опиралась на соответствующий аппарат управления, сформированный до революции³². Вместе с тем губернские учреждения еще в течение нескольких лет «настраивали» свою структуру, организовывали систему взаимоотношений с другими органами власти и территориями. По словам заведующего Вологодской губернской рабоче-крестьянской инспекцией В. К. Голованова, выступавшего на губернском съезде Советов в июне 1921 г., работа большинства отделов Вологодского губернского совнархоза (его создание началось в 1918 г.) и в начале 1920-х гг. не выходила за пределы Вологды³³.

В основе создания и реорганизации местных хозяйственных органов в первые годы Советской власти лежало стремление местных чиновников решить продовольственную, жилищно-коммунальную и другие насущные проблемы населения. Кроме того, на формирование структуры региональных органов управления производственной сферой оказал влияние процесс национализации промышленности. Обратимся к конкретному примеру. В 1918 – первой половине 1919 г. управление экономикой Вологды было возложено на Совет коммунального хозяйства объединенного исполкома г. Вологды и Вологодского уезда. В апреле 1919 г. в результате реорганизации некоторых подразделений этого Совета его промышленный отдел был преобразован в отдел коммунальных предприятий, хозяйственный и торговый отдел был «ликвидирован, ввиду создания общегородской потребкоммун»³⁴. Следовательно, контроль местных властей за производством сузился до координации деятельности только коммунальных предприятий, которые, как правило, были небольшими и незначительными. Обеспечение населения промышленными и продуктовыми товарами было передано в руки кооперации.

В июне 1919 г. указанный Совет коммунального хозяйства был преобразован в отдел местного хозяйства при объединенном исполкоме Вологды и уезда. Его функции сузились до городских масштабов. Часть его полномочий была передана губсовнархозу, уездным земот-

делу, продовольственному комитету, отделу здравоохранения, а также потребительской коммуне «Вологжанин»³⁵. Таким образом, расширились полномочия губернских органов власти в управлении местной экономикой, шел процесс консолидации управленческих функций в этой сфере на губернском уровне, под контролем совнархозов, контролируемых центром в большей степени, чем городскими и уездными учреждениями. Вместе с тем в городе усилилась монополизация системы распределения товаров со стороны крупного кооперативного предприятия. Произошло это с санкции местных властей, так как подобная реорганизация должна была улучшить систему обеспечения населения товарами. Еще в сентябре 1918 г. на одном из заседаний Вологодского губисполкома было принято предложение председателя Вологодского губисполкома М. К. Ветошкина о необходимости сотрудничества кооперативных органов и советских учреждений³⁶. Данная монополизация сектора распределения товаров отвечала интересам большевистской власти, в том числе и с точки зрения будущего огосударствления кооперативных учреждений.

В целом политика централизации управления промышленностью в период Гражданской войны не привела к полномасштабному контролю центра над местным производством, повышению его эффективности, улучшению благосостояния населения. Вероятно, «лобовая атака» на экономику России со стороны центральной власти не достигла цели, тогда руководство страны во главе с В. И. Лениным решило совершить «обходной маневр». Таким маневром стала Новая экономическая политика, при которой осталась прежней цель экономического развития, сформулированная Лениным, однако изменились пути ее достижения.

С конца 1920 г. начался процесс децентрализации управления производственной сферой. Стали расширяться полномочия местных органов власти. Л. А. Неретина отмечала, что после окончания Гражданской войны реорганизация системы управления промышленностью на местах «началась с того, что губсовнархозы были включены в состав губисполкомов на правах отделов. В свою очередь, местные органы главков вошли в состав производственных отделов губсовнархозов. Таким образом, усилилось влияние местных советских органов на развитие промышленности»³⁷. В декабре 1920 г. постановлением VIII Всероссийского съезда Советов «О советском строительстве» был нормативно закреплён курс центральной власти на постепенное упорядочение «неподведомственных местным Советам отделений и специальных управлений» и ликвидацию «института уполномоченных» (механизма управления на местах через специальных представителей центра). Постановление обязало передать функции уполномоченных местным советским органам³⁸.

В условиях НЭПа, предполагавшего сокращение расходов на аппарат управления, в центральных органах власти разрабатывались проекты, предусматривающие значительную реорганизацию губернского советского аппарата. Проект постановления ВЦИК 1922 г. «Об упрощении губисполкомов» предполагал, в частности, сохранение в прежнем виде шести отделов губисполкома (военного, труда, земледелия, губернской РКИ, губернского отдела Главного политического управления (ГПУ), статистического), объединение отделов народного образования, здравоохранения, социального обеспечения в один, соединение финансового отдела с продовольственным. Данным проектом предусматривалось также упразднение губернского отдела управления, губсовнархоза и губернского экономического совещания с передачей их функций президиуму губисполкома³⁹. Таким образом, государственное регулирование экономики должно было быть сведено к минимуму. Однако данный проект не был реализован. В октябре 1922 г. ВЦИК принял положение «О губернских съездах советов и губисполкомах», согласно которому в губернских исполкомах должны образоваться 13 отделов: управления, военный, финансовый, земледелия, совет народного хозяйства, народного образования, труда, РКИ, продовольствия, здравоохранения, политический, коммунальный, статистический⁴⁰.

Вместе с тем указанные подходы центральной власти были известны на местах и принимались некоторыми провинциальными чиновниками как руководство к действию. Так, например, 10 октября 1923 г. на заседании пленума Вологодского губисполкома при обсуждении вопроса об «упрощении аппарата ГИК» ответственный секретарь Вологодского губкома партии Г. Н. Данилов выдвигал идею о возможности «слияния губернского здравотдела с губернским отделом народного образования», высказывался за упразднение комитета внутренней торговли, округа связи, передачу функций уголовного розыска губернскому отделу ГПУ⁴¹. Данные предложения не были предварительно проработаны, поэтому пленум одобрил только часть идей, предложенных секретарем губкома. Некоторые чиновники предлагали проекты радикальных преобразований структуры органов власти. Так, в 1923 г. на заседании президиума Архангельского губисполкома заведующий отделом управления высказался за «упразднение собеса с передачей его функций отделам земельному и труда, ликвидацию губернского продовольственного комитета, превращение губернского комитета по коммунальному хозяйству из органа губернского в городской», а также за ликвидацию своего отдела путем передачи «функций отдела управления секретариату губисполкома и образуемому при нем административному совету»⁴².

К середине 1920-х гг. стремление центра к реорганизации структур местных губисполкомов (в том числе подразделений экономического профиля) с целью сокращения их функций было частично реализовано. Так, например, в 1923 г. по постановлению III сессии ВЦИК X созыва губернские отделы управления преобразовывались в губернские административные отделы. Причем часть функций бывших отделов управления передавалась президиумам исполкомов⁴³. В 1924 г. Декретом ВЦИК и СНК Вологодский губернский продовольственный комитет был реорганизован в отдел внутренней торговли губисполкома. В 1924 г. по решению ВЦИК президиум Вологодского губисполкома подтвердил постановление пленума губернского исполкома об объединении губсовнархоза и губкоммунотдела в единый отдел местного хозяйства⁴⁴. В 1924 г. произошло слияние губернского отдела коммунального хозяйства и губсовнархоза в Архангельской губернии⁴⁵. Объединенный отдел в указанных губисполкомах просуществовал до 1926 г., затем вновь был разделен на губсовнархоз и губернский коммунальный отдел. Видимо, этому способствовал новый экономический курс, принятый в 1925 г. на XIV съезде партии. На этом съезде была дана установка на «социалистическую индустриализацию». Следовательно, началось усиление экономических структур государственного аппарата.

Вместе с тем в 1920-е гг. в России разворачивались процессы децентрализации и разгосударствления производства. Государство сократило финансовую помощь промышленным предприятиям. Например, к концу 1922 г. в Вологодской губернии «на долю государственной промышленности приходилось 82,5 % всей промышленной продукции, на долю кооперативных промышленных заведений – 6,3 %, на долю частной промышленности – 11,2%»⁴⁶. К середине 1920-х гг. большинство предприятий было переведено на хозрасчет и самоокупаемость. «В 1927 г. государственные предприятия Вологодской губернии обрабатывали только половину кожсырья, а вторая половина обрабатывалась на 295 мелких частных предприятиях. Только десятая часть льносемян перерабатывалась на государственных предприятиях, а 90% этого сырья перерабатывали 52 частных предприятия... Всего сельскохозяйственного производства насчитывалось до 4 тысяч, из них 90% находилось в руках частных лиц... Аналогичная ситуация была в Череповецкой и Северо-Двинской губерниях»⁴⁷. Таким образом, в 1920-е гг. в экономике страны процветало мелкое предпринимательство, а крупная промышленность была в кризисном положении. В конечном итоге это противоречило ленинским взглядам на построение индустриального общества.

Параллельно с указанными преобразованиями в России формировалась организационная основа для плановой экономики. С начала

1920-х гг. стали создаваться органы планирования развития промышленности. В феврале 1921 г. возник Госплан (Государственная общеплановая комиссия) РСФСР. Т. П. Коржихина отмечала, что осенью 1921 г. перед ним «был поставлен вопрос о разработке плана развития металлопромышленности на пятилетку. На Госплан были возложены разработка единого общегосударственного плана, согласование производственной программы разных ведомств...»⁴⁸. В 1923 г. был создан Госплан СССР. В середине 1920-х гг. началось создание единых народнохозяйственных планов.

Аналогичные структуры стали создаваться и на местах. С 1921 по 1923 г. при Вологодском губисполкоме существовало губернское экономическое совещание (губэконо). Л. М. Дробижина отмечала, что данные экономические совещания действовали как органы Совета Труда и Оборона на местах для контроля над экономической политикой и обеспечением связи провинции с центром. Губэконо формировалось на правах комиссии губисполкома. В ее состав входили руководители губернских отделов народного хозяйства, продовольствия, труда, земельного, финансового, а также губернского профессионального совета. Возглавлял губэконо председатель губисполкома⁴⁹. Одной из структурных частей этого совещания являлась губернская плановая комиссия (губплан). Вологодский губплан был создан решением VIII Вологодского губернского съезда Советов (декабрь 1921 г.) и являлся подразделением губэконо до 1923 г.⁵⁰ В 1923 г. решением III сессии ВЦИК X созыва губернские экономические совещания были ликвидированы. Их функции были переданы губернским плановым комиссиям. Эта реорганизация, видимо, привела к повышению роли плановых органов.

К концентрации промышленности должен был привести, по мнению центра, процесс повсеместного создания трестов. Прежде всего, эта политика затронула топливно-энергетический сектор экономики. Э. Карр отмечал, что согласно решениям Совета Труда и Оборона «в августе 1921 г. появились на свет первые два треста (в то время все еще называемые «союзами»): один – объединявший текстильные фабрики, другой – деревообрабатывающие предприятия беломорского региона. По своему статусу они были обязаны вести расчеты доходов и расходов, в то же время им разрешалось (хотя явно в качестве исключения) покупать предметы снабжения и продавать свою продукцию на открытом рынке»⁵¹. К середине 1922 г. многие «угольные бассейны и нефтяные промыслы были объединены в тресты по аналогичному образцу»⁵². В результате в 1920-е гг. тресты стали основным производственным звеном экономики России.

В этот же период для сбыта готовой продукции в промышленности страны начался процесс синдицирования. Вскоре синдикаты стали ос-

новой системы распределения промышленных товаров по стране. Они в конечном итоге контролировали тресты. А. М. Рубин отмечал, что к концу 1920-х гг. синдикаты реально превратились в органы управления промышленностью, хотя юридически эта функция была закреплена за главными управлениями ВСНХ⁵³. В целом синдикаты осуществляли важное государственное дело по монополизации экономики. Центральной власти оставалось только превратить их в государственные органы управления промышленностью, дав им формальные полномочия для этого. Вскоре началось огосударствление синдикатов, превращение их в отраслевые объединения, являющиеся прообразами будущих Наркоматов.

Руководство страны во главе с И. В. Сталиным, опираясь на идеи В. И. Ленина и считая, что судьба СССР зависит от состояния крупной промышленности, предприняла отчаянную попытку форсировать процесс индустриального перерождения экономики России. Во второй половине 1920-х гг. возобновился процесс огосударствления экономики и государственной финансовой поддержки промышленности. Например, в 1927–1928 гг. в Вологодской губернии за счет госбюджета новой техникой были оснащены сухонские предприятия, железнодорожные мастерские, что привело к увеличению производительности труда⁵⁴. В 1927 г. центр принял решение о передаче предприятий деревообрабатывающей промышленности треста «Вологдолес» из республиканского ведения в губернское, что позволило доходы от них (более 1 млн. руб. в год) вкладывать в развитие местной промышленности⁵⁵.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. ВСНХ перестал удовлетворять потребностям государства по управлению экономикой, так как был не способен усилить власть центра над производством в регионах. Следовательно, сначала были ликвидированы его главки, а затем в 1932 г. он сам был упразднен, уступив место Народным комиссариатам тяжелой, легкой и лесной промышленности. Эти комиссариаты, по мнению Т. П. Коржихиной, увеличили централизацию управления экономикой⁵⁶.

В заключение следует отметить, что первое десятилетие Советской власти во многом было временем выбора стратегии социально-экономического развития России. Попытки найти этот оптимальный путь стали причиной для многочисленных реорганизаций органов управления промышленностью на местах. В конечном итоге интересы индустриализации страны стали диктовать условия организации и функционирования регионального аппарата власти в области экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Андрухов Н. Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР (1917–1937 гг.). М., 1977; Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России. XVIII – XX века. М., 1999; Гим-

Гельсон Е. Г. Советские управленцы 1917 – 1920 гг. М., 1998; Он же. Советские управленцы. 20-е годы. (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001; Городецкий Е. Н. Рождение советского государства (1917 – 1918 гг.). М., 1965; Ирошников М. П. Председатель Совнаркома и Совета Обороны В. И. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в июле 1918 – марте 1920 г. Л., 1980; Он же. Рожденное Октябрем. Очерки истории становления Советского государства. Л., 1987; Он же. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и Народные Комиссариаты. Октябрь 1917 – январь 1918 г. М.; Л., 1966; Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994; Неллидов А. А. История государственных учреждений СССР 1917 – 1936 гг. (учебное пособие). М., 1962.

² См., например: Кузванова О. Ю., Попов А. А., Сметанин А. Ф. В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар, 1996; Малахов Р. А. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России 1918 – 1920-х годов (на материалах Архангельской и Вологодской губерний). Дисс... канд. истор. наук. Вологда, 1999; Национальная государственность финно-угорских народов Северо-Запада России (1917–1940-е годы): Сборник статей. Сыктывкар, 1996; Сидорова Л. А. Советские Карелии в годы восстановления народного хозяйства (1921 – 1925 гг.). Дисс... канд. истор. наук. Петрозаводск, 1979; Шумилов М. И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973.

³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 230.

⁴ Неретина Л. А. Система управления государственной промышленностью в период гражданской войны (Принципы и тенденции развития) // Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986. С. 203.

⁵ Волобуев П. В., Дробижев В. З. Из истории госкапитализма в начальный период социалистического строительства в СССР (Переговоры Советского правительства с А. П. Мещерским о создании госкапиталистического треста) // Вопросы истории. 1957. № 9. С. 108.

⁶ Шишкин В. А. Многоукладность и политика. Российская традиция, большевистская идеология и эксперимент НЭПа // Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. Историография. Воспоминания. Исследования. СПб., 2002. С. 160, 162.

⁷ Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 36. С. 301.

⁸ Он же. Политический отчет ЦК РКП(б) на XI съезде РКП(б) // Там же. Т. 45. С. 85.

⁹ Он же. Интервью корреспонденту «Манчестер Гардиан» А. Рансому. Первый вариант // Там же. С. 263.

¹⁰ Он же. О международном и внутреннем положении советской республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. // Там же. С. 8 – 9.

¹¹ Он же. Политический отчет ЦК РКП(б) на XI съезде РКП(б) // Там же. С. 105.

¹² Он же. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. // Там же. С. 288.

¹³ Он же. Письмо Л. Б. Каменеву // Там же. Т. 44. С. 429.

¹⁴ Коржихина Т. П. Указ. соч. С. 46.

¹⁵ Каганович Л. М. Партия и Советы. М.; Л., 1928. С. 48.

¹⁶ Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917 – 1920 гг. ... С. 18.

¹⁷ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 53. Оп. 1. Д. 117. Л. 20 об.

¹⁸ Там же. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 28 об. – 29.

¹⁹ «Приказываю не останавливаться перед крайними мерами...» (Публикация И. А. Кожениковой) // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 680 – 686.

²⁰ Ветошкин М. К. Революция и гражданская война на Севере. Вологда, 1927. С. 140.

- ²¹ Кедров М. С. За Советский Север. Л., 1927. С. 10.
- ²² Цит. по: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 218.
- ²³ Панов Л. С. Вологда весны и лета 1918 года глазами английских журналистов // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2003. С. 95–109.
- ²⁴ Морозов Б. М. Создание и укрепление советского государственного аппарата (ноябрь 1917 – март 1919). М., 1957. С. 84.
- ²⁵ Государственное совещание: Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 22.
- ²⁶ Коржихина Т. П. Указ. соч. С. 61.
- ²⁷ Хазиев Р. А. «Автономный НЭП» эпохи «военного коммунизма» на Южном Урале: рыночная альтернатива командно-распределительной экономике // Отечественная история. 2001. № 6. С. 46 – 60.
- ²⁸ Там же. С. 51.
- ²⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 4. Л. 69 – 70.
- ³⁰ Ветошкин М. К. Указ. соч. С. 143.
- ³¹ Он же. Памяти Саммера // Красный Север. 1921. 29 июня. С. 1.
- ³² Он же. Революция и гражданская война... С. 143.
- ³³ ГАРФ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 871. Л. 60 – 60 об.
- ³⁴ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 87. Л. 299 – 299 об., 415.
- ³⁵ Там же. Л. 511.
- ³⁶ Там же. Ф. 585. Оп. 3. Д. 16а. Л. 341 – 343.
- ³⁷ Неретина Л. А. Указ. соч. С. 207.
- ³⁸ Декреты Советской власти. М., 1986. Т. XII. С. 94 – 95.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 39. Д. 54. Л. 4 – 4 об.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 611. Л. 20.
- ⁴¹ Там же. Ф. 797. Оп. 1. Д. 62. Л. 4 – 4 об.
- ⁴² Предложения и мероприятия губисполкомов в области реорганизации губернского аппарата // Власть Советов. 1923. № 10. С. 140.
- ⁴³ Нелидов А. А. Указ. соч. С. 257.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 71. Л. 23.
- ⁴⁵ Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1001. Л. 44 – 45.
- ⁴⁶ Очерки истории Вологодской организации КПСС. 1895–1968. Вологда, 1969. С. 279 – 280.
- ⁴⁷ Там же. С. 313 – 314.
- ⁴⁸ Коржихина Т. П. Указ. соч. С. 75.
- ⁴⁹ Дробжиева Л. М. Отчеты экономических совещаний – один из важнейших источников по истории советского общества (1921–1923 гг.) // Источниковедение истории советского общества. М., 1964. С. 190.
- ⁵⁰ Советы Вологодской области, 1917 – 1987: Документы и материалы. Архангельск, 1988. С. 35 – 36.
- ⁵¹ Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Т. 1 и 2. Большевицкая революция. 1917 – 1923. М., 1990. С. 639.
- ⁵² Там же. С. 640.
- ⁵³ Рубин А. М. Синдикаты и их роль в развитии промышленности СССР // История СССР. 1968. № 4. С. 30.
- ⁵⁴ Очерки истории Вологодской организации КПСС... С. 319.
- ⁵⁵ Там же. С. 320.
- ⁵⁶ Коржихина Т. П. Указ. соч. С. 138.

**«Антимашинные настроения» в колхозах
Европейского Севера
в конце 1920-х – начале 1930-х гг.**

Труд на земле и все, что с ним связано, составляет важнейшую часть крестьянской жизни. Не было это исключением и для колхозного крестьянства, которое с начала 1930-х гг. стало преобладающей частью деревенского населения, и доля его все возрастала, пока к концу этого решающего для российской деревни десятилетия не составила 93% всех сельских жителей. Каков был характер труда, формы его организации, оплата и отношение крестьян к труду, его предметам, орудиям и результатам? Что появилось нового, а что осталось прежним в культуре крестьянского труда в период существования колхозного строя в СССР? Без ответа на эти вопросы невозможно описать феномен советского колхозника, который пришел на смену российскому крестьянину, просуществовал почти полвека – до конца 1980-х гг. и черты которого все еще просматриваются в характере сельского населения современной России.

На наш взгляд, было бы целесообразно ввести применительно к истории крестьянства понятие **«культура труда»**. Среди историков культуры обычно принято говорить о «земледельческой культуре» или «аграрной культуре» крестьянства, под которой обычно понимаются определенный уровень развития агротехники, набор и специфика сельскохозяйственных орудий, выбор системы земледелия, основных сельскохозяйственных культур и пород скота, наличие природоохранных мероприятий и т.д. **Культура крестьянского труда** – понятие комплексное и пока еще нами не до конца осмысленное. Однако уже сейчас можно сказать, что оно включает в себя формы и способы осуществления трудовой деятельности в сельскохозяйственном производстве, характеризующиеся, прежде всего, определенным отношением к процессу, предмету и результатам труда и предполагающие определенный набор мотивов и стимулов к труду, а также наличие определенных традиций трудовой деятельности. Можно определить **культуру труда** и как отношения, складывающиеся в процессе труда между людьми, а также между людьми, с одной стороны, предметом, средствами и результатами труда, с другой. Культура труда является составной частью общей **культуры хозяйствования на земле**. Не имея возможности в рамках настоящей статьи охарактеризовать все составляющие культуры труда колхозников, ограничимся такой ее стороной, как отношение колхозного крестьянства к сельскохозяйственной технике.

Одним из завоеваний колхозного строя, о котором обычно было принято говорить в советской историографии, явился рост технической вооруженности колхозов. На полях увеличилось количество не только уже известных крестьянам сложных сельскохозяйственных орудий (сеялки, жатки и т.д.), но пришла и новейшая техника – трактора, комбайны, сосредоточенные в государственных машинно-тракторных станциях (МТС). В 1940 г. в Вологодской области имелось 74 МТС, которые обслуживали 4348 колхозов, т.е. 74% от их общего числа. Трактора МТС весной 1940 г. вспахали 28,5% посевной площади, подняли 51% чистых паров, молотилки и комбайны МТС обмолотили 52,6% зерна¹.

Однако оборотной стороной роста механизации сельского хозяйства в 1930-е гг. стало распространение так называемых «антимашинных (антимеханизаторских) настроений». Сразу следует оговорить, что это термин того времени². Он употреблялся тогда в основном для обозначения недостаточно активного, неполного использования сельскохозяйственной техники, имевшейся у колхоза. Однако сегодня его содержание можно дополнить еще одной очень важной для понимания производственных процессов в колхозной деревне составляющей – отношением к технике, которое в целом можно охарактеризовать как негативное.

Говоря об особенностях использования машинной техники в колхозах, во-первых, следует отметить **неполное использование сельскохозяйственных машин**. При этом данное явление было характерно как для коллективных хозяйств, созданных на добровольной основе в 1920-е гг., так и для хозяйств, образовавшихся в результате насильственной коллективизации в начале 1930-х гг.³

Вторая особенность – **неиспользование сельскохозяйственных машин колхозами при их недостатке**. При этом такое положение отмечалось при производстве **всего** цикла сельскохозяйственных работ в разных районах Европейского Севера⁴.

Оценивая результаты весенней посевной кампании 1940 г., и в первую очередь агротехнический уровень работ, партийные органы Вологодской области отмечали неполное использование сеялок, имевшихся в колхозах. В колхозах преобладал разбросной, ручной сев из лукошка. В большинстве колхозов рядовые сеялки или не были отремонтированы к началу посевных работ и поэтому в работе не использовались, или же просто простаивали из-за недооценки рядового сева руководителями колхозов и районов. Удельный вес рядового сева в посевах зерновых культур колхозов Вологодской области в 1940 г. составлял не более 15–20%, в посевах льна – не более 15%⁵.

В конце 1930-х гг. при наличии значительного количества конных и тракторных сеялок в ряде районов Вологодской области сев проводился вручную⁶.

Не была исключением и **уборочная кампания**. В конце 1930-х гг. конные косилки простаивали практически во всех районах Вологодской области⁷. Уборка зерновых, несмотря на наличие машин, также часто проходила в колхозах по старинке. Так, в товариществе «Вперед» Архангельской губернии (1928 г.) при наличии вполне исправной молотилки молотба производилась цепами⁸. И в конце 1930-х гг. на колхозных полях Вологодской области уборочные машины все еще использовались недостаточно⁹.

Одной из важных отраслей сельского хозяйства на Европейском Севере было льноводство. В связи с этим в 1930-е гг. в регион активно завозились льноуборочные и льнообрабатывающие машины. Обеспеченность этими машинами северных колхозов хотя и была невысока, но все же несколько превышала союзные и республиканские показатели. Однако использовались они, как и другие сельскохозяйственные машины, в колхозах недостаточно. В 1940 г., по данным 25 районов Вологодской области, в колхозной обработке льна из имевшихся 1608 льнообрабатывающих машин использовалось всего 917, или 57%. Теребление льна машинами было произведено на площади 4877 га (или 5,6% от всей площади посевов льна)¹⁰. Результатом стало затягивание расстила льна и снижение качества льняной соломки.

Как докладывал инструктор сельхозотдела Вологодского обкома ВКП(б) Артюгин, в колхозе «Первый ирдомец» Вохомского района Вологодской области «имеется конная молотилка «Эдди», а лен окочачивают вальками, имеются жатки, а жнут серпами». Такая же картина наблюдалась в колхозах Никольского района¹¹.

Еще в 1931 г. в районы Вологодской области было завезено 33 агрегата Антонова для обработки льна. Все они были проданы колхозам в кредит. Но к 1938 г. они все еще лежали на складе сельскохозяйственного снабжения. Колхозы в категорической форме от них отказывались, поскольку они сдавали на льнозаводы лен трестой¹².

Не лучше обстояло дело и с другими машинами. Например, в Белозерском районе Вологодской области на складе Сельхозснаба имелись 19 лущечников стерни. Их продавали колхозам не по государственной стоимости – 180 рублей за штуку, а как **утиль**, на вес железа. Тем не менее колхозы от них отказывались¹³.

Удивляет даже не столько сам факт неиспользования машин, поскольку этому можно найти вполне рациональные объяснения, сколько их **игнорирование в условиях недостатка собственной рабочей силы**, когда вместо того, чтобы применить уже имеющиеся в колхозах агрегаты, колхозы предпочитали привлекать наемных работников. И опять это явление, характерное в одинаковой степени для всего изучаемого периода. При этом следует учесть, что, во-первых, в 1930-е гг. привлечение наемной рабочей силы на основных сельскохозяйствен-

ных работах, не требующих специальной подготовки и знаний, было запрещено Уставом сельскохозяйственной артели, а, во-вторых, при оттоке мужского трудоспособного населения в города и промышленность вопрос о рабочей силе в северных колхозах вставал особенно остро¹⁴.

Еще одной особенностью использования собственной техники колхозов было ее **нерациональное применение**, проявлявшееся сразу по нескольким линиям. Прежде всего необходимо отметить **непродуманное распределение малого количества машин, не позволявшее охватить возможно большее количество хозяйств**, в результате чего загруженность машин была неполная, что снижало их рентабельность¹⁵.

Далее следует указать на **нерациональную организацию работы самих машин**. Это, прежде всего, относится к режиму работы зерноочистительной и уборочной техники, а также агрегатов по первичной обработке льна. И здесь определенную роль играли трудовые традиции. Крестьяне, привыкшие для сельскохозяйственных работ использовать световой день, не могли быстро перестроиться на индустриальные методы использования живой тягловой силы и инвентаря. Поэтому попытки, например, организовать пахоту на сменных лошадях или сменную работу молотилок и тем самым удлинить рабочий день неизменно наталкивались на тихий «саботаж». Партийные постановления нацеливали колхозников именно на сменную работу молотилок, с тем, чтобы рабочий день продолжался до 20 часов. Однако в лучшем случае молотилки работали по 10–12 часов, в худшем – 8 часов, а то и менее¹⁶. Льнообработывающие машины также работали в одну смену¹⁷. Серьезной проблемой были простые машины как из-за частых поломок, так и вследствие непродуманной их эксплуатации¹⁸.

Одной из проблем в использовании сельскохозяйственных машин было **неумение организовать подготовительные мероприятия**, обеспечивающие непрерывность работы агрегатов и качество конечного продукта¹⁹.

В основе нерационального использования сельскохозяйственных машин лежало, прежде всего, отсутствие опыта применения сложной сельскохозяйственной техники в условиях крупного аграрного производства. Крестьянину, имевшему за плечами лишь опыт мелкого крестьянского хозяйства, как правило, не обремененного сложной сельскохозяйственной техникой, было трудно быстро перестроиться и организовать ее использование. Председательский и бригадирский корпус колхозов, причем очень нестабильный по своему составу и формировавшийся из тех же вчерашних единоличников, таких навыков также не имел. Научные разработки рационального применения сельскохозяйственных машин в колхозах, которые велись в 1930-е гг.,

практика так называемых «передовых» колхозов до основной массы коллективных хозяйств доходили крайне медленно.

Безусловно, в колхозах было немало примеров хорошей организации работ и использования сельскохозяйственных машин²⁰.

В чем же причины «антимашинных настроений» колхозников?

По мнению партийных руководителей, главная причина «антимашинных настроений» лежала в недостаточной работе местных партийных организаций по пропаганде и разъяснению значения сельскохозяйственных машин для повышения производительности труда и подготовке машин к работам.

Сами колхозники видели причину, прежде всего, в отсутствии запасных частей для машин и рабочих рук для их ремонта. Поэтому к началу сельскохозяйственных работ машины оказывались обычно неподготовленными²¹.

Свою роль играло отсутствие приспособленных лугов и полей, которые бы можно было обрабатывать машинами²². Это было связано, прежде всего, с обилием камней на полях, которые приводили к порче агрегатов.

Кроме того, следует учесть конфигурацию и расположение пахотных угодий и особенно лугов. На Севере многие сенокосы принадлежали к категории лесных, т.е. часто располагались по берегам мелких лесных речек на значительном удалении друг от друга и от усадьбы колхоза, чересполосно с другими хозяйствами. На пути к ним часто лежали болота, непреодолимые для машин. Поэтому председатели колхозов предпочитали отправлять на такие сенокосы мобильные группы косарей, которые проживали там «табором», пока не закончат работу. А уже по зимнему пути сено вывозилось на лошадях. Разбросанность пахотного земельного фонда колхозов – в середине 1930-х гг., до массовой кампании по внутрихозяйственному землеустройству, в некоторых колхозах имелось до 50–60 мелких участков – препятствовала рациональному применению даже машин МТС. Трактористы жаловались, что много времени (и горючего) они затрачивают на переезды от одного поля к другому, а также на неподготовленность полей к обработке тракторами и комбайнами (все из-за тех же камней). Если к 1941 г. пашня и выгоны в основном были сведены в один присельный участок, большинство колхозов имели по 2 участка и лишь в исключительных случаях по 5–6 участков, то сенокосы по-прежнему в значительной степени оставались чересполосными²³.

На неполном использовании сельскохозяйственных машин, безусловно, сказывалась и тяжелая ситуация с состоянием тяглового скота в колхозах: его недостаток и истощенность из-за недостатка кормов или вследствие плохого ухода²⁴. Ситуация усугубилась мобилизацией колхозных лошадей в РККА осенью 1939 г.²⁵

Не всегда использование машин влекло за собой более высокие результаты, что, безусловно, снижало интерес колхозников к их использованию. Те машины, которые работали, давали очень часто более низкую производительность, чем работа вручную. Причина – частые поломки из-за некачественного ремонта техники, низкая квалификация машиноведов и их небрежное отношение к машинам, изношенность машинного парка, доставшегося колхозам от единоличных хозяйств, к тому же в массе своей морально устаревшего к концу 1930-х гг., наконец, несовершенство самой машинной техники²⁶.

Низкое качество работы сельскохозяйственных машин также снижало заинтересованность колхозников в их использовании. Это относится и к работам, произведенным машинно-тракторными станциями (МТС). Так, в колхозе «Красная Суда» Борисово-Судского района Вологодской области на убранных комбайном полях с посевами пшеницы, ячменя и овса от осыпавшегося зерна образовались всходы, равные по частоте разбросному севу²⁷.

Наличие около колхоза МТС также иногда расхолаживало колхозников, которые, понадеявшись на трактора и комбайны, не спешили использовать собственную технику²⁸.

Среди причин неполного использования сельскохозяйственных машин следует также назвать недостаток подготовленных кадров – машиноведов – и их низкую квалификацию²⁹. Разумеется, за 10 лет существования колхозов властями были предприняты серьезные усилия для подготовки квалифицированных кадров основных сельскохозяйственных профессий. Для этого расширялась сеть районных колхозных школ, совершенствовались их программы, методы обучения. Однако в конце 1930-х гг. заявила о себе тенденция, когда в районные колхозные школы шла учиться в основном сельская молодежь. Определился своеобразный рейтинг профессий. На отделениях машинистов молотилок, льнообрабатывающих и льноуборочных машин постоянно наблюдался недобор, в то время как на отделениях счетоводства все места обычно были заняты. И, как правило, получив квалификацию, эти молодые люди не спешили возвращаться в родные колхозы, а стремились устроиться на работу в различные организации или продолжить учебу на различных курсах³⁰.

Наконец, нельзя не сказать о том, что в некоторых случаях колхозники не использовали сельскохозяйственные машины с умом. Целью подобного «саботажа», «вредительства» (так это обычно квалифицировалось органами власти) было затянуть уборочные работы. Так, колхозники не спешили с уборкой колхозных лугов с тем, чтобы, после того, как пройдут все сроки и районные власти махнут на отстающий колхоз рукой, выкосить их для скота личного пользования. С этой же целью затягивался обмолот. Колхозники говорили, что «нечего

с обмолотом спешить – вся зима впереди, успеем, обмолотим». Задержка обмолота до весны позволяла если не совсем уйти от выполнения обязательных поставок зерна государству, то хотя бы несколько уменьшить их объем.

Как уже отмечалось, под «антимашинными настроениями» колхозников мы понимаем не только сам факт неполного использования машин, но и отношение к ним колхозников в процессе общественного производства. Это тем более актуально, что у всех нас еще на памяти плуги, культиваторы и какие-то части сельхозмашин, ржавеющие бесхозно на окраинах колхозных (совхозных) полей. Проблема, возникшая в конце 1920-х гг., благополучно «дожила» до 70–80-х гг. XX века.

Практически повсеместно документы зафиксировали «бесхозяйственное» отношение к орудиям труда. После завершения сельскохозяйственных работ, как правило, машины не чистились, бросались где попало, обычно там, где на них в последний раз поработали, при этом нередко, что называется, «по частям». Например, одна часть жнейки дышлами кверху – в одном месте, другая – под крышей где-нибудь в сарае³¹. Машины (сеялки, косилки, жнейки и т.д.) часто оставались под снегом до следующей весны прямо на полях³². В результате иногда ни сами колхозники, ни колхозное руководство не знали, какие машины имеются в хозяйстве и в каком состоянии они находятся.

В лучшем случае использованные машины свозили в одно место, но и здесь они хранились в помещениях непригодных, без навесов и, следовательно, с тем же успехом ржавели под дождем и снегом. Это относится даже к такой «редкой» для колхозов технике, как грузовые автомашины. В Вологодской области в 1939 г. их и было всего не более 5 на каждые 100 колхозов. Однако в колхозе «Коммунар» Междуреченского района только что купленная автомашина стояла в сарае без крыши и никого не волновала ее сохранность³³. Часто МТС оставляли свои прицепные орудия зимовать в колхозах, где они все также бесхозно мокли и ржавели под дождем и снегом.

Руководство земельных органов, советские и партийные власти были прекрасно осведомлены о таком отношении к машинам, периодически призывали изменить его, но эти «заклинания» с высоких трибун ничего не меняли. Заведующий Вологодским областным земельным управлением Прокофьев с горечью признавал на областном совещании передовиков сельского хозяйства в марте 1940 г., что «сейчас в ряде колхозов имеются факты, что сеялки, сортировочные машины по использованию бросаются. Вместо того чтобы эту сортировку, молотилку, плуг, все сельскохозяйственные машины после работы взять, по-настоящему очистить, смазать, у нас этого не делается»³⁴.

Следует подчеркнуть, что подобное отношение к сельскохозяйственным машинам (как и скоту, как и к результатам своего труда – уро-

жаю) наблюдаем на протяжении всего изучаемого периода. В колхозах, организованных до начала сплошной коллективизации, во второй половине 1920-х гг., когда фактор насильственного включения в колхозы был весьма незначителен, имело место точно такое же равнодушное отношение к колхозному имуществу. И в добровольно созданных колхозах сельскохозяйственный инвентарь точно так же бросался где попало, ломался, ржавел. При этом форма коллективного хозяйства, т.е. степень обобществления, не играла совершенно никакой роли. В коммунах, которые обычно создавала беднота, и в ТОЗах (товариществах по совместной обработке земли), где было значительным представительство среднего крестьянства, отношение к общественному имуществу было идентичным. Это позволяет предположить, что в основе такого отношения лежало, прежде всего, отношение к инвентарю как к «чужому», который совсем недавно, до обобществления, был «своим».

В начале 1930-х гг. в только что созданных колхозах обозначилась была тенденция к использованию в процессе общественного производства, прежде всего «своего» инвентаря, лошади³⁵. Это было расценено как «неправильная линия», которая, помимо поддержания «собственнической психологии», еще и ущемляла бедняков, вошедших в колхоз без лошади или сельскохозяйственных орудий³⁶. Результатом борьбы с такими «неправильными», «собственническими» настроениями колхозников стало полное равнодушие колхозников к общественному имуществу, в том числе и к сельскохозяйственным машинам. Своеобразным проявлением этого отношения стало стремление колхозников утащить из колхоза все, что плохо лежит и что можно унести или увезти. Были, например, колхозы, в которых на 30 рабочих лошадей имелось всего 16 комплектов сбруи и 3 транспортных средства, причем в непригодном для работы состоянии. Зато почти у каждого колхозника в хозяйстве был свой комплект упряжи и телега, когда-то обобществленные, но благополучно возвратившиеся к хозяину. Лошадьми же из общественной конюшни колхозники в таких хозяйствах пользовались по мере надобности и без всякой оплаты, часто не ставя бригадира или председателя об этом в известность³⁷. Косилка или жнейка в небольшом по своим размерам приусадебном хозяйстве колхозника не была столь актуальна, как упряжь, поэтому их судьба и состояние колхозников не волновали. Таким образом, в отношении колхозников к машинам просматривается присущий крестьянам прагматизм — беречь только то, что реально может быть полезным в личном хозяйстве. Сельскохозяйственные машины, которые использовались в общественном производстве, из которого государство забирало себе львиную долю дохода, видимо, к числу таковых вещей не относились.

Привлекательно было бы объяснить «антимашинные настроения» колхозников, выросших в недрах традиционного аграрного общества,

«варварским» отношением «примитивных» земледельцев к машинам как к «железу», т.е. как к чему-то «неодушевленному». Однако документы, воссоздающие картину жестокого, бездушного отношения колхозников к «живой», но колхозной лошади или корове опровергают подобные предположения.

Таким образом, в конце 1920-х – 1930-е гг. сфера применения машинного (индустриального, современного) труда в северных колхозах была представлена более чем скромно. Внимание МТС сосредотачивалось на «стратегических» видах сельскохозяйственных работ – весенней пахоте и молотье, оставляя колхозам, таким образом, все остальные виды работ. В силу слабости технической, прежде всего ремонтной, базы сельскохозяйственные машины не могли в полной мере демонстрировать все свои преимущества, что вкупе с общей культурной и технической безграмотностью толкало колхозников к традиционным способам обработки земли – ручному севу и косью, жнитву серпами и т.д. Отчуждение от результатов своего труда в колхозе порождало у колхозников безразличное отношение к предмету, орудиям и результатом своей деятельности, специфической формой проявления которого стали описанные выше «антимашинные настроения».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 60. Л. 2–3.

² Там же. Оп. 2. Д. 175. Л. 165.

³ ГААО. Ф. 659. Оп. 2. Д. 130. Л. 84.

⁴ Там же. Ф. 106. Оп. 5. Д. 212. Л. 100. Ф. 1892. Оп. 2. Д. 21. Л. 7. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 447. Л. 44. Д. 460. Л. 137.

⁵ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 460. Л. 138.

⁶ Там же. Д. 175. Л. 157, 165, 182, 204. Д. 190. Л. 112. Д. 446. Л. 37. Д. 448. Л. 57–58.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 240. Л. 47. Д. 241. Л. 26. Оп. 2. Д. 175. Л. 157, 165. Д. 176. Л. 1–3. Д. 449. Л. 30, 58.

⁸ ГААО. Ф. 266. Оп. 4. Д. 47. Л. 7.

⁹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 449. Л. 58, 62.

¹⁰ Там же. Л. 156.

¹¹ Там же. Д. 176. Л. 65, 71.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 241. Л. 2.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 448. Л. 32.

¹⁴ Так, в коммуне им. Р. Люксембург (1928 г.) Архангельской губернии при наличии жнейки уборка проходила вручную, т.е. серпом, причем на жнитво, помимо своих сил, был затрачен 101 трудодень наемных работников. Колхозы «Красный борец» и «Красная Потрушиха» Борисово-Судского района Вологодской области в августе 1940 г. наняли на уборку хлеба (серпами!) 13 женщин из соседнего района, которые получили за свой труд от 2,5 до 3 пуд. зерна за каждый убранный гектар. Инструктора отдела кадров обкома партии Пименко, сообщившего в обком об этом факте, особенно возмутило то, что рабочая сила нанималась в колхозах, где имелись свои уборочные машины (не отремонтированные к началу уборки) и что собственные колхозники выходили на работу не ранее 8–9 часов утра, а большинство из них и вовсе к августу не выработало ни одно-

го трудодня. (ГААО. Ф. 266. Оп. 4. Д. 47. Л. 7. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 42. Л. 64. Оп. 2. Д. 446. Л. 127, 149, 158, 166. Д. 449. Л. 58, 62, 68, 156. Д. 452. Л. 88).

¹⁵ ГААО. Ф. 106. Оп. 5. Д. 212. Л. 100. Ф. 266. Оп. 4. Д. 47. Л. 6 об., 7.

¹⁶ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 446. Л. 101, 166.

¹⁷ Там же. Д. 447. Л. 143, 145. Д. 449. Л. 86 а.

¹⁸ Например, тракторные молотилки в Вохомском районе были использованы в 1940 г. только на 50%, остальное время они простаивали. Колхозные молотилки использовались не более чем на 5-6%. (ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 449. Л. 96-97).

¹⁹ Машинист колхоза «Хлебобороб» Петриневского района Вологодской области говорил на совещании передовиков льноводства в июле 1939 г., что колхозы не подготовили необходимое количество тресты, поэтому агрегат часто простаивал. Ему приходилось самому искать тресту по ближайшим колхозам. Подобные примеры были характерны и для других колхозов и районов. (ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 169. Л. 5. Д. 447. Л. 43).

²⁰ Например, в колхозе «Сидоровский» Грязовецкого района Вологодской области машинист Месилон на жатке убрал за все время уборки 80 га. В колхозе «Стойкий» Верховского сельсовета Андомского района имелось две сенокосилки, на одной из которых работал сам председатель колхоза Нестеров, на другой – счетовод. За 13 дней они скошили около 80 га, т.е. примерно по 3 га на косилку в день. Практически с сенокосом в 1940 г. в колхозе справились всего 3 человека (третий – на конных граблях), в то время как в 1939 г. при достаточноном количестве рабочей силы в этом же колхозе косили свыше месяца, и все равно часть сенокосов осталась неубранной. (ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 446. Л. 83, 151).

²¹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 42. Л. 64. Д. 241. Л. 26. Оп. 2. Д. 175. Л. 157, 165. Д. 176. Л. 2, 86. Д. 190. Л. 40. Д. 446. Л. 84, 97, 149. Д. 447. Л. 89. Д. 448. Л. 65. Д. 449. Л. 68 и др.

²² Там же. Оп. 1. Д. 42. Л. 64. Оп. 2. Д. 449. Л. 30.

²³ Глумная М. Н. К вопросу о землепользовании колхозов на Европейском Севере СССР в 1930-е гг. // Землепользование и землевладение в России. XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Калуга, 24-28 сентября 2002 г. М., 2002. С. 153.

²⁴ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 446. Л. 150. Так, по данным ветеринарного осмотра лошадей в январе 1940 г. в 33 районах Вологодской области из 119 219 лошадей 54 402 (или 45,6%) были отнесены к категориям истощенных, ниже средней упитанности и с травматическими повреждениями. (ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 447. Л. 51).

²⁵ ГААО. Ф. 1892. Оп. 8. Д. 89. Л. 16.

²⁶ Так, в колхозе «Маяк» Перцевского сельсовета Грязовецкого района Вологодской области в 1940 г. на жнейке за все время работ убрали 11 га, а в колхозе «Красная звезда» жнейка-самосброска давала производительность труда 0,30 га в день. В колхозе «Красный маяк» Рослятинского района производительность посевных работ вручную была выше, чем сеялкой. В Чагодощенском районе производительность жнеек и косилок не превышала 1,6 га в день. (ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 446. Л. 36, 150. Д. 447. Л. 111).

²⁷ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 47. Л. 172 об.

²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 175. Л. 23. Д. 446. Л. 166.

²⁹ Там же. Д. 442. Л. 23. Д. 449. Л. 69.

³⁰ Там же. Л. 25-26.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 47. Л. 161. Оп. 2. Д. 183. Л. 260 об. Д. 192. Л. 40.

³² Там же. Д. 240. Л. 42. Оп. 2. Д. 183. Л. 260 об.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 181. Л. 24.

³⁴ Там же. Д. 443. Л. 114.

³⁵ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1099. Л. 57.

³⁶ Там же. Д. 915. Л. 75 об.

³⁷ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 176. Л. 86.

**Деловые и личные отношения
провинциальных чиновников в 1930-е гг.
(на материалах Европейского Севера России)**

Выявление и изучение факторов, оказывавших решающее воздействие на содержание, характер и эффективность административной деятельности руководящих работников провинциального партийно-советского аппарата, является одной из центральных задач при исследовании чиновничества Европейского Севера России в 1930-е гг. В число таких факторов входит и определенный психологический климат, формировавшийся в управленческом аппарате в результате не только деловых, но и личных отношений между чиновниками. Под деловыми отношениями в данном случае понимаются отношения между руководителем и его подчиненными в конкретном подразделении, а также взаимодействие между чиновниками разных уровней власти или разных ведомств по рабочим вопросам.

В изучаемый период центральное руководство, инициируя социально-экономические преобразования, такие, например, как индустриализация и коллективизация, нередко в качестве основного инструмента влияния на провинциальную власть избирало силовые методы воздействия. Об этом свидетельствуют все политические кампании конца 1920-х – 1930-х годов – «чистки», борьба с правым уклоном, «левым загибом», «врагами народа» и «вредителями», проводимые в Северном регионе. Они оказали влияние не только на состав местной бюрократии, но и на исполнение ею профессиональных обязанностей. Так, серьезным дезорганизующим деятельность провинциальных чиновников Северного края фактором являлись проведение коллективизации и борьба с «левым загибом». В 1930 г. на январском пленуме Северного краевого комитета ВКП(б) (далее – СКК ВКП(б)) с одобрения в Москве был взят курс на «полное уничтожение индивидуальных хозяйств в крае, на сплошную коллективизацию и повсеместное раскулачивание»¹. В округах и районах немедленно приступили к выполнению поставленных вышестоящим руководством задач. Следует учесть, что до этого в 1929 г. в Северном крае велась активная борьба с «правым уклоном», а потому коллективизация давала местным руководителям возможность реабилитировать себя в глазах центрального руководства, доказать приверженность генеральной линии партии. Чиновники Вологодского округа, наиболее пострадавшие от борьбы с «правыми уклонистами», разработали комплекс мероприятий по ликвидации кулачества и созданию колхозов. Районным парторганиза-

ям предписывалось «немедленно приступить к учету и конфискации всего кулацкого имущества», которое должно было передаваться в создаваемые колхозы в счет взноса бедняков и батраков. Вологодский окружком предостерегал местных руководителей от раскулачивания середняков и административного нажима на крестьянство с целью привлечения в колхозы². Однако критерии, по которым того или иного крестьянина можно было отнести к категории зажиточных, были нечеткими, что давало широкую основу для злоупотреблений. Первые результаты раскулачивания показали, что почти во всех районах Вологодского округа оно велось методами «голового администрирования», допускались «перегибы», в категорию раскулаченных попадали середняки, бедняки, сельская интеллигенция (врачи, учителя, ветеринары), семьи военнослужащих, городские нэпманы. Реагируя на сигналы с мест, жалобы раскулаченных, окружное и краевое руководство в феврале 1930 г. попыталось исправить ошибки, указав на недопустимость применения насильственных мер и раскулачивания середняков. В противном случае секретари райкомов могли быть привлечены к ответственности, вплоть до исключения из партии³. Между тем Вологодский окружком не решился использовать такую форму воздействия на районных чиновников, а потому последние довольно вяло откликнулись на директивы начальства, продолжая линию на массовое раскулачивание. Лишь после мартовской статьи Сталина и последовавшего вслед за ней резкого вмешательства Северного крайкома, быстро сориентировавшегося в направлении настроений центрального руководства, начались разбирательства и репрессии среди сельских и районных чиновников. Их обвинили в «левом загибе», извращении ленинских принципов коллективизации, хотя они выполняли январские распоряжения крайкома. Основным способом борьбы с практикой «левого загиба» были выбраны административно-организационные меры. Провинившихся снимали с должности, переводили в другие районы или на другие посты, привлекали к партийной ответственности, исключали из партии, объявляли строгие выговоры и т.п. Так, почти все районное руководство Вожегодского района во главе с секретарем райкома было привлечено к ответственности и понесло наказание – от снятия с занимаемой должности до исключения из партии. Пострадало и окружное руководство: за нерешительность при исправлении «перегибов» были сняты с должностей чиновники аппаратов Вологодского окружкома и окрисполкома, в том числе секретарь окружного ВКП(б) Г. М. Стацевич, председатель окрисполкома М. А. Эглит⁴. В целом с июля 1929 по апрель 1930 г. в связи с «неспособностью обеспечить большевистское руководство важнейшими хозяйственно-политическими кампаниями» в районах Северного края сменилось 64% секретарей райкомов⁵. Некоторые работники открыто обвиняли краевое ру-

ководство и лично секретаря С.А. Бергавинова в ошибках, допущенных при проведении коллективизации, в нечетких директивах бюро СКК, следствием которых и стали злоупотребления и «перегибы» на местах. Так, Майборода (до февраля 1930 г. – секретарь Няндомского окружкома, затем заведующий распределотделом крайкома), Проурзин (член контрольной краевой комиссии, редактор краевой комсомольской газеты), Гринблат (член бюро Вологодского окружкома) и еще ряд ответственных работников в апреле 1930 г. требовали от крайкома «признаться в ошибках, а не валить все на местные организации»⁶. Бюро крайкома отвергло обвинения и выступило против «круговой ответственности» чиновников всех уровней. Несогласные с мнением Бергавинова были освобождены от занимаемых должностей, часть из них уехала за пределы Северного края. Все это не способствовало высокому качеству работы местных чиновников, отрицательно сказывалось на их деятельности. После столь жесткой реакции на свои действия в среде ответственных работников царили паника, разочарование и обида на начальство⁷. В целом в ходе осуществления коллективизации и борьбы с «левым загибом» в Северном крае местным чиновникам была продемонстрирована модель поведения по отношению к вышестоящим органам власти, основанная на полном подчинении, исполнительности, некритичности восприятия указаний. При этом, как показали результаты кампании, даже строгое следование директивам не гарантировало одобрительной реакции на свои действия, что, в конечном счете, деморализовало местных чиновников.

Еще один мощный удар по управляемости и аппарату власти в регионах был нанесен в последней трети 1930-х гг. «Чистки» в руководящем слое Северного региона начались еще в первой половине 1937 г., но наиболее сильный размах получили с октября этого года. Уничтожение местной политической элиты было связано с третьим открытым московским процессом (март 1938 г.), по которому вместе с Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, Н. Н. Крестинским проходил и бывший первый секретарь Северного крайкома, нарком лесной промышленности СССР В.И. Иванов. Начавшееся в ноябре 1937 г. под руководством секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева «выкорчевывание» «врагов народа» и «вредителей» в Архангельской области затем было продолжено первым секретарем Архангельского обкома А. Ф. Никаноровым. Только за период с 5 ноября 1937 по 8 января 1938 г. в Архангельской области было освобождено от работы по политическим мотивам 3 ответственных секретаря (в том числе первый секретарь Д. А. Конторин), 9 заведующих и заместителей заведующих отделами, 7 инструкторов обкома, 18 секретарей райкомов и горкомов⁸. А. Д. Евсюгин, в 1937 г. – первый секретарь Ненецкого окружкома, со слов одной из сотрудниц обкома, присутствовавшей 4 ноября 1937 г. на пле-

нуме с участием представителя ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, позднее вспоминал: «...на пленуме исключали... из партии как «врагов народа» ... Исключенные подходили к столу, клали на стол партбилет, выходили в коридор, а там поджидали работники НКВД, арестовывали и увозили в тюрьму ... После пленума за одну ночь «очистили» обком партии, горком, облисполком, горсовет, обком комсомола»⁹. В Вологодской области в ноябре – декабре 1937 г. были сняты со своих должностей и объявлены «врагами народа» чиновники первых составов оргбюро ЦК ВКП(б) во главе с Г. А. Рябовым и оргкомитета ВЦИК по Вологодской области, руководимого Н. Н. Командировым¹⁰. В результате такой «расчистки» на территории регионов сложился вакуум власти – было некому исполнять руководящие функции, особенно в высшем эшелоне провинциального управленческого аппарата. Так, в конце ноября 1937 г. А. Ф. Никаноров сообщал в ЦК ВКП(б): «...в обкоме имеется только два заведующих отделами, остальных – нет, буквально пустой облисполком»¹¹.

Политика Центра, направленная на массовые репрессии, породила атмосферу всеобщей подозрительности и доносительства в аппарате региональной власти, в условиях которой было невозможно нормально работать. Местное партийное руководство еще больше нагнетало обстановку. Так, секретарь Ровдинского райкома Архангельской парторганизации в 1938 г. дал задание «каждому коммунисту найти врага народа», предупредив, что «перегибов от этого никаких не будет»¹². Начальник управления НКВД по Вологодской области поставил перед подчиненными задачу «быстрее выловить врагов народа», в ходе выполнения которой «придется и ночей не спать и месяца два не заниматься политучебой»¹³. Неудивительно, что в подобной ситуации были возможны чрезвычайные происшествия, такие, например, как самоубийство в сентябре 1938 г. секретаря одного из райкомов Вологодской парторганизации. Следствие установило, что, получив от Вологодского обкома распоряжение о созыве пленума райкома, секретарь скрылся, захватив с собой револьвер. Через два дня активных поисков он был обнаружен повесившимся в лесу. При нем была найдена записка: «Вины за собой не признаю, не был и не буду врагом народа, умираю, но пускай помнят и все знают, что я со всеми трудящимися стоял до самой смерти за коммунистов и партию Ленина. Кто клеветает, тот и враг народа»¹⁴. Это событие произошло на фоне разоблачения в районе «группы правых, готовивших террористический акт» в отношении секретаря Ленинградского обкома А. А. Жданова. Однако погибший «по делу не проходил, вопрос о его привлечении или снятии с работы органами НКВД не поднимался»¹⁵. Начальник четвертого отдела УНКВД по Вологодской области вероятной причиной, побудившей к самоубий-

ству, назвал присланный в обком партии донос, в связи с которым, как думал повесившийся секретарь, и собирался пленум райкома.

В редких случаях краевые (областные) власти все же позволяли себе игнорировать решения центральных ведомств. В 1938 г. нарком соцобеспечения Гришаков в докладной на имя председателя СНК РСФСР Вахрушева указывал, что «местные органы власти не считаются с мнением НКСО и противоречат в своих действиях установкам из Центра»¹⁶. Такие эпизоды были исключительными в 1930-е гг. и не касались взаимоотношений провинциальных работников с руководителями ЦК ВКП(б). В целом в 1930-е гг. отношения между чиновниками центральных и региональных органов власти строились на принципах жесткой централизации и иерархии, на вершине которой находился ЦК ВКП(б). При этом центральное руководство нередко вносило хаос в управленческую деятельность в провинции, дезориентировало чиновников.

В регионах и на местах взаимоотношения между чиновниками разных ведомств и разного уровня так же, как и в Центре, строились на принципах жесткого подчинения партийным органам. К примеру, чиновник крайисполкома, пытаясь пресечь попытки районных исполкомов Советов подчинить себе районные советы профсоюзов, резюмировал: «РИКи недопоняли, что профсоюзами, как и Советами, у нас руководит партия»¹⁷. В конце 1930-х гг. между чиновниками партийных и советских органов очень редко, но все же возникали противоречия, носившие в основном личный характер. Так, в декабре 1938 г. инструктор сельскохозяйственного отдела Вологодского обкома ВКП(б) Глазков написал заявление на имя секретаря обкома, в котором охарактеризовал поведение председателя Оргкомитета ВЦИК по Вологодской области Абрамова как «непартийное». Обратившись к Абрамову за разъяснениями, он зашел в кабинет к нему одетым, на это советский работник заявил в резкой форме: «На каком основании вы вошли в кабинет в одежде, хоть вы и работник обкома, у нас нет различий...»¹⁸. В результате Абрамов даже не стал разговаривать с Глазковым, что и вызвало возмущение ответственного партийного чиновника.

Тем не менее в течение 1930-х гг. соответствующий партком являлся реальным управляющим органом какой-либо территории. На местного партийного лидера возлагалась вся ответственность не только за развитие партийной организации, но и за выполнение хозяйственных планов. В результате партийные чиновники вынуждены были переqualificироваться в хозяйственных руководителей. Так, в отчете Северного краевого комитета ВКП(б) за 1934–1936 гг. указывалось. «...многие заведующие отделами крайкома, секретари парткомов больше стали походить на хозяйственников, инженеров, забывая о том, что они являются политическими руководителями... Отраслевые

отделы крайкома ... подменяли тресты, другие советские и хозяйственные организации. То же самое можно сказать и о работе Коми обкома, Вологодского и Архангельского горкомов и ряда райкомов»¹⁹.

Особого внимания заслуживает проблема отношений чиновников партийных комитетов и сотрудников НКВД в 1930-е гг. Формально местные подразделения НКВД также находились под партийным контролем, однако в действительности со второй половины 1930-х гг. их взаимоотношения осложнились. К примеру, в июле 1934 г. в Леденгском районе Северного края между начальником районного отдела НКВД (РО НКВД) Горыниным и первым секретарем райкома ВКП(б) Ростуновым начался конфликт, длившийся до 1936 г. Горынин был не согласен с кадровыми решениями Ростунова, не информировал райком о работе своих подчиненных. Секретарь, в свою очередь, не приглашал главу райотдела НКВД на заседания бюро райкома, хотя тот и являлся его членом. После вмешательства Северного краевого комитета ВКП(б) в начале 1936 г. Горынину было вынесено партвызыскание, а Ростунову указано на ошибки и предложено «изжить неприязнь»²⁰. Другим показательным примером стал конфликт в Вологде. В 1937 г. секретарь Вологодского горкома ВКП(б) М.Т. Крейвис активно возражал против несанкционированных горкомом действий горотдела НКВД по аресту «врагов народа». После этого аресты коммунистов в городе стали производиться по согласованию с секретарем горкома, однако сотрудники НКВД не предоставляли ему какой-либо информации о степени виновности арестованных и ее доказанности. Начальник городского отдела НКВД мотивировал сложившееся положение тем, что он «не имеет полномочий уведомлять об этом горком». Не удовлетворившись ответом чиновника НКВД, Крейвис обратился к Северному обкому с требованием вмешаться и принять решение: или он, или изменение отношений с карательным ведомством. Северный обком фактически встал на сторону горотдела НКВД, Крейвис был переведен в облисполком, а в ноябре 1937 г. арестован²¹. Влияние чиновников НКВД в последней трети 1930-х гг. настолько возросло, что они могли без согласия и уведомления вышестоящих инстанций организовывать сбор компрометирующего материала на партийных работников. Так, в Тарногском районе «за каждым шагом секретаря райкома следят», в райотделе НКВД и милиции некоторые работники занимались сбором сведений, «кто и сколько из руководящих работников покупал вина и т.д.». Все попытки райкома «приструнить» райотдел НКВД окончились неудачей. Заведующий сектором судебных и прокурорских органов отдела кадров Вологодского обкома отстранился от разрешения конфликта, тем самым косвенно признав независимость РО НКВД²².

От подчиненных структур руководство добивалось полного и строго выполнения всех своих директив, пыталось исключить случаи на-

рушения исполнения распоряжений. Взаимоотношения подчиненных и руководства строились на основе директив и указаний. Часто подобный метод был неэффективен. В докладе Северной краевой контрольной комиссии (рабоче-крестьянской инспекции) о деятельности райисполкомов и сельсоветов Северного края за 1931 г. приводилось мнение члена РКИ, присутствовавшего на заседании одного из РИКов: «Директивы получались все на один образец: такая-то кампания проходит слабо, надо усилить работу, за неисполнение – под суд... Как практически провести работу – об этом в директивах ничего не говорится»²³. Другим методом руководства и проверки деятельности местных чиновников служили командировки, обследования нижестоящих органов, инструктаж на местах, что, однако, не всегда было поставлено на должную высоту. В 1938 г. инструктор Вологодского обкома, обследуя работу одного из райкомов, дезорганизовал его деятельность: «... кичился тем, что он инструктор ОРПО, большой человек... таскал к себе коммунистов в рабочее время, чем сорвал программу лесозаготовок...»²⁴. Заведующий отделом горсовета г. Молотовска Архангельской области в 1939 г. так характеризовал контроль облизполкома над чиновниками города: «... работники облизполкома бывают редко, приезжают наскоками, такие визиты реального действия не имеют, больше руководят директивами... без учета специфики района, от таких директив только... входишь в заблуждение»²⁵. Неудовлетворительная организация руководства местными структурами влекла за собой отсутствие достоверной информации о работе подчиненных, вследствие чего вышестоящие инстанции иногда давали неквалифицированные указания. Так, в феврале 1940 г. Маймаксанский райком Архангельской области акцентировал внимание руководителей отделов обкома на том, что их сотрудники не знают особенностей экономики района: «... в район шли директивы о поставках шерсти совхозами, в то время как в районе указанного производства нет»²⁶. Реагируя на критические замечание инструктора Коми облизполкома, председатель Прокопьевского сельсовета замечал: «Да, мы, оказывается, плохо работали, но ведь нас так учили работать. Вы указываете нам на нарушение революционной законности... но ведь до Вас из райфо были один за другим 4 работника, и они никаких недостатков у нас не нашли»²⁷.

В то же время даже в условиях жесткой централизации системы управления чиновники на местах не всегда точно выполняли распоряжения начальства, а в редких случаях и вовсе открыто не подчинялись директивам вышестоящего руководства. В 1929 г. чиновники Северного краевого исполкома отмечали: «Несмотря на наши совершенно точные указания, на местах относятся к льнозаготовкам с прохладцей и часто извращают наши директивы»²⁸. В большинстве случаев это диктовалось реальной обстановкой, в которой провинциальные чиновники

разбирались лучше. В 1929 г. районные и сельские работники Вологодского округа информировали окрисполком «о невозможности сто-процентного выполнения плана хлебозаготовок не только в установленные планом сроки, но и вообще», объясняя это отсутствием излишков такого количества хлеба у населения²⁹.

Деловые отношения внутри аппаратов партийных комитетов и исполкомов Советов иногда носили негативный характер. В августе 1930 г. заведующий краевым финансовым управлением Мартынов обратился ко второму секретарю Севкрайкома С.С. Иоффе с просьбой об освобождении от должности в связи «с ненормальной обстановкой в краевой парторганизации и крайисполкоме, неавторитетностью КФУ, что отражается на финансовой работе». «Ненормальность» ситуации, по мнению Мартынова, была связана с тем, что он выступил против ликвидации округов, вследствие чего против него была «организована травля»³⁰. Причиной негативных взаимоотношений между сотрудниками нередко являлись недоверие, обвинения друг друга в «подсиживании». В 1938 г. заместитель заведующего ОРПО Вологодского обкома констатировал, что между членами аппарата Кадуйского райкома нет делового контакта: «Аппарат крутится на холостом ходу, в действиях первого секретаря т. Буторина сквозит недоверие по отношению к деятельности второго секретаря т. Кашина и другим работникам»³¹. По мнению большинства членов Кадуйского партийно-советского актива, «работать с Буториным невозможно», в результате чего многие из них хотели бы перевестись в другие районы³². Основанием для конфликтов между сотрудниками внутри аппарата также служили честолюбие чиновников, их неудовлетворенность реализацией своих карьерных амбиций. К примеру, третий секретарь Борисово-Судского райкома Вологодской парторганизации прямо заявил инструктору обкома, в ноябре 1938 г. разрешающему конфликт в райкоме: «Мы грыземся с Х. с перевыборов, так как меня хотели выбрать вторым секретарем, а потом передумали, выбрали его»³³. В 1939 г. инструктор оргинструкторского отдела Архангельского обкома Марсов, докладывая об обстановке в Ленской парторганизации, заключал: «Командированный обкомом первый секретарь РК Сивков был встречен нежелательно со стороны ныне третьего секретаря Земчихина, который считал и считает себя по стажу и опыту работы выше т. Сивкова и мечтал, что его изберут первым секретарем РК»³⁴.

Причиной нездорового психологического климата в аппарате нередко являлись поведение и методы работы руководителя с подчиненными, основанные на прямом давлении и угрозах. Так, выдвиженец И. В. Нелидов в 1929 г. в письме на имя секретаря Вологодского окружкома партии сообщал, что секретарь Вожегодского райкома Кожевников использует административные методы и запугивание. В резуль-

тате, по словам Нелидова, в районном аппарате управления господствовала атмосфера страха: «...на парткоме большинство работников боится критиковать, ожидая худые последствия... взойдем к нему, бывало, в кабинет, язык запинается, какая-то боязнь в тебе проявляется»³⁵. «Командный» стиль руководства сохранился и в конце 1930-х гг. К примеру, в 1939 г. инструктор отдела кадров Вологодского обкома сообщал, что секретарь Белозерского райкома «допускает грубость... нецензурные выражения в общении с коммунистами... запугивает ответственных работников: «Вот устрою тебе экзамен, посмотрим, стоит ли тебя держать на этой работе... попробуйте не выполнить моих распоряжений...»³⁶. Вместе с тем, несмотря на существующие проблемы, модель конструктивных деловых отношений преобладала, что помогало справляться чиновникам с поставленными задачами. Так, в 1939 г. Архангельский обком с удовлетворением отмечал, что в Вельском райкоме «взаимоотношения между секретарями деловые, характеризуют друг друга с положительной стороны, авторитетны в организации, от рядовых коммунистов нет отрицательных отзывов о них: «Если обратишься к ним с вопросом, то всегда выслушают и разъяснят, иногда, бывает, поругают, но за дело»³⁷.

Не последнюю роль в формировании психологического климата во властном аппарате играли и личные взаимоотношения ответственных работников. Они характеризуются контактами чиновников за пределами исполнения профессиональных обязанностей, семейными и дружескими связями. Нередко причиной низкой эффективности работы аппарата, противоречивых деловых отношений чиновников являлась их личная неприязнь, базировавшаяся на нетактичном, грубом поведении отдельных сотрудников. Так, характеризуя личные взаимоотношения между сотрудниками Белозерского райкома ВКП(б), инструктор Вологодского обкома акцентировал внимание на преобладании грубости, использовании нецензурных выражений, ставшими нормой в общении между сотрудниками³⁸. В ходе проверки деятельности оргкомитета ВЦИК по г. Молотовску Архангельской области в 1938 г. инструкторская группа Архангельского облисполкома выявила, что «чувствуются натянутые отношения между председателем и заведующими отделами, которые вызваны тем, что председатель...очень высокого мнения о себе, а остальные – ничто...»³⁹.

Отрицательный психологический климат обуславливался не только личной неприязнью чиновников, но и конфликтами между их родственниками. Причем такие случаи были отнюдь не единичными. Так, в конце 1930-х годов в одном из райкомов Вологодской области «взаимоотношения между секретарями осложнились на почве семейных дразг, возникших между женами, которые поругались между собой...Личные дразги затем вылились в рабочие разногласия». Этот конфликт был

довольно быстро урегулирован, однако о личных противоречиях стало известно всему аппарату, что дестабилизировало обстановку в райкоме⁴⁰. Другой пример. В 1940 г. Вологодский обком констатировал, что в Чагодощенском районе «склоки между женами руководящих работников, доходящие порой до драк», буквально парализовали работу райкома партии. При этом зачинщицей всех ссор выступала жена первого секретаря. В результате Вологодский обком был вынужден указать секретарю Чагодощенского РК ВКП(б) на то, чтобы «он принял соответствующие меры к прекращению бытовых склок среди жен руководящих работников района и исправлению поведения в быту своей жены, т.к. это отражается на авторитете руководящего актива райкома»⁴¹.

Между тем хорошие личные связи помогали в работе, служили залогом успешной управленческой деятельности. С этой точки зрения весьма показательным примером являются отношения первого секретаря Северного крайкома ВКП(б) С. А. Бергавинова с руководителями центральных органов – Л. М. Кагановичем, К. Е. Ворошиловым, В. М. Молотовым, Г. М. Кржижановским, П. П. Постышевым и др. Часть переписки, которая отражает характер взаимоотношений Бергавинова и первых лиц государства, опубликована⁴². На некоторых письмах стоят пометки: «Только лично». Спектр обсуждаемых в них вопросов широк: от кадровых и хозяйственных проблем края до состояния здоровья, семейных неудач. Так, одно из писем Кагановичу начинается следующим образом: «Дорогой Лазарь Моисеевич. Чувствую потребность кратко написать Вам не столько как секретарю ЦК, сколь как старшему товарищу, немало помогавшему мне в работе. Я помню, ой как хорошо помню, Ваш мне совет иногда «оглядываться на кого-либо»...»⁴³. В письме Постышеву от 8 октября 1929 г. Бергавинов делился личными проблемами, объясняя мотивы своей просьбы о переброске в другой регион: «...Я и сам, видимо, хватил туберкулезу из-за проклятого климата, из-за которого и ребенка здесь потерял (в этом были причины и моей просьбы об отъезде)...»⁴⁴. Это свидетельствовало о том, что взаимоотношения Бергавинова с центральным руководством носили если не дружеский характер, то в высшей степени доверительный. Такие отношения объясняют и то, что в период образования Северного края в конце 1920-х гг. в споре с оппонентами о перспективах социально-экономического развития региона именно Бергавинов одержал верх.

Часто близкие личные контакты служили трамплином для карьерного роста работников. В практике нередкими были ситуации, при которых чиновники «когда-то вместе хорошо работали», одного из них направляли на ответственную должность в другой район, он «переманивал» на новое место службы другого. Так, Е. Я. Котова, жена ре-

прессированного в 1937 г. первого секретаря Архангельского горкома Н. Ф. Котова, позднее вспоминала, что ее мужа «поддерживал и пригласил в Архангельск» Бергавинов еще в 1927 г.⁴⁵ Имели место и «переманивания» из провинции в Москву. После ухода в 1931 г. с должности секретаря СКК ВКП(б) С. А. Бергавинов направил в бюро крайкома просьбу об освобождении от обязанностей помощника секретаря Дубинина и откомандировании его в распоряжение Московского горкома для совместной работы в Союзлеспrome. До 1931 г. Дубинин являлся одним из ближайших помощников Бергавинова в Севкрайкоме⁴⁶. В последней трети 1930-х гг. такая практика подверглась со стороны политического руководства резкому осуждению, высшая власть усматривала попытки создания таким образом региональных кланов, блокирующих исполнение решений Центра на местах. Выступая на мартовском 1937 г. Пленуме ЦК ВКП(б) И. В. Сталин указывал, что в некоторых регионах, например в Ярославской области, Казахстане, ответственные работники подбирались по «случайным, субъективным признакам», в аппарат набирали «знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей». В результате вместо «руководящей группы» формировалась «семейка близких людей, артель, члены которой старались не обижать друг друга»⁴⁷. В Северной областной парторганизации констатировали, что «артельщина» имела место как в бывшем крайкоме, так и в райкомах и горкомах Северного края. В сентябре 1937 г. Д. А. Конторин, первый секретарь Северного обкома, в докладной записке на имя заведующего ОРПО ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, сообщал, что в организации «подверглась критике» деятельность бывшего первого секретаря Севкрайкома В. И. Иванова, «особенно в вопросах неправильного подбора руководящих кадров по принципу личной дружбы». Конторин указывал, что с приездом в 1931 г. Иванова в Северный край «им была привезена группа работников, работавших вместе с ним в Средней Азии и на Северном Кавказе». К числу «людей Иванова» он относил секретарей Архангельского и Вологодского горкомов Семина и Эльяшберга, заведующих отделами крайкома Хорошко и Туника, председателя крайплана Рознера⁴⁸. На уровне районных органов в качестве примера приводился подбор руководящих кадров в Великоустюгском райкоме, где первый секретарь «т. Драчев привез с собой из Кичменгского Городка хвост старых знакомых: т. Барболина – зав. культпропом, т. Семушина – зав. РОНО и др.»⁴⁹. Тем не менее, несмотря на «семейственность», порой способствующую злоупотреблениям властью, формирование своей команды, безусловно, помогало руководителю более эффективно решать поставленные перед ним задачи. Ему не приходилось тратить время и лишние усилия на объяснение целей и методов своей деятельности, а также на установление нормальных личных взаимоотношений в коллективе.

Отражением налаженных личных связей в аппарате являлось совместное празднование дней рождений, юбилеев сотрудников, других праздников. Иногда эти мероприятия выходили за рамки дозволенного. К примеру, деятельность комиссии по проверке работы Лальской районной парторганизации Северо-Двинской губернии в конце 1928 г. показала, что в среде местного руководящего актива часто проводились «пьянки по случаю проводов и встреч ответственных работников, пуска электростанции, именин родственников, игры в карты, устройства пикников и просто без всяких поводов»⁵⁰. В ряде случаев празднование приобретало криминальный характер. В частности, отдел по работе с партийными органами Северного крайкома в отчете за 1936 г. сообщал, что работники Ровдинского райисполкома совместно отмечали день Октябрьской революции, при этом «Канев, заместитель председателя РИКа, напился по потери сознания и пошел хулиганить, перебил стекла на квартирах зам. секретаря райкома ВКП(б) тов. Чекарева и председателя РИКа тов. Попова»⁵¹.

Итак, деловые и личные взаимоотношения в среде местной бюрократии в 1930-е гг. отличались сложностью и противоречивостью. В целом они строились на строгом подчинении и беспрекословном выполнении указаний вышестоящего руководства. В ряде случаев местные чиновники противопоставляли свои действия приказам «сверху», что в основном носило непреднамеренный характер, было вызвано реальной обстановкой, несогласованностью действий. Ведущую роль в принятии всех политических и экономических решений и их реализации играли партийные чиновники, как в Москве, так и в регионах. В системе деловых взаимоотношений провинциальных чиновников они занимали ведущее положение, нередко чувствуя превосходство над представителями других органов власти. Осложняло обстановку во властном аппарате не только внешнее воздействие – со стороны Центра, но и внутренние конфликты, часто носившие сугубо личный характер. Все это дестабилизировало провинциальный властный аппарат, снижало эффективность его работы, что, в свою очередь, в 1930-е гг. приводило к репрессивным мерам по отношению к местным чиновникам, «избиению» руководящих кадров в регионах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 365. Л. 45.

² ВОАНПИ. Ф. 1855. Оп. 1. Д. 58. Л. 25.

³ Там же. Л. 25–26, 35, 46, 54.

⁴ Там же. Л. 54–55; Д. 45. Л. 5, 9; ГАВО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 79. Л. 320–321.

⁵ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 566. Л. 10–11.

⁶ Там же. Д. 365. Л. 59–60.

⁷ Там же. Л. 48 об., 157–158; ВОАНПИ. Ф. 1855. Оп. 1. Д. 45. Л. 38.

⁸ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 68. Л. 20.

⁹ Евсюгин А. Д. Судьба, клейменная ГУЛАГом. (Воспоминания). Нарьян-Мар, 1993. С. 57–58.

¹⁰ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 4. Л. 215.

¹¹ ГАОПДФАО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

¹² Там же. Д. 253. Л. 144.

¹³ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

¹⁴ Там же. Д. 144. Л. 167.

¹⁵ Там же. Л. 161.

¹⁶ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 13. Л. 11–12.

¹⁷ ГААО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 527. Л. 40.

¹⁸ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 127. Л. 48–50.

¹⁹ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 1281. Л. 35.

²⁰ Там же. Д. 143. Л. 63, 66–67.

²¹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 9. Л. 69; Д. 11. Л. 19–19 об.

²² Там же. Оп. 2. Д. 131. Л. 48–55.

²³ ГААО. Ф. 659. Оп. 3. Д. 23. Л. 13.

²⁴ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 127. Л. 7–8.

²⁵ ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Т. 1. Д. 582. Л. 143.

²⁶ ГАОПДФАО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 755. Л. 11–12.

²⁷ Там же. Ф. 290. Оп. 2. Д. 1287. Л. 9.

²⁸ ГАВО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 90. Л. 210.

²⁹ Там же. Д. 79. Л. 13–14.

³⁰ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 443. Л. 72.

³¹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 127. Л. 55.

³² Там же. Л. 55.

³³ Там же. Л. 45.

³⁴ ГАОПДФАО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 586. Л. 1.

³⁵ ГАВО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 47. Л. 58.

³⁶ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 131. Л. 16.

³⁷ ГАОПДФАО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 586. Л. 12.

³⁸ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 131. Л. 15.

³⁹ ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 582. Л. 136.

⁴⁰ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 131. Л. 52–53.

⁴¹ Там же. Д. 377. Л. 58–59.

⁴² Полигон «великого перелома». Северный край. 1929–1936 гг. (документы) // Холодный Дом России. Документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера / Ред.-сост. С. И. Шубин. Архангельск, 1996. С. 100–102, 112–114, 158–160, 161–163.

⁴³ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 84. Л. 48.

⁴⁴ Там же. Д. 404. Л. 29.

⁴⁵ «Как дым от пожарища...». Интервью с Е. Я. Котовой, женой бывшего первого секретаря Архангельского горкома (записала Л. Мельницкая) // Правда Севера. 1988. 21 сент.

⁴⁶ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 2. Л. 95 об.

⁴⁷ Сталин И. В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. (Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б). 3–5 марта 1937 г.). М., 1955. С. 30.

⁴⁸ ГАОПДФАО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 77. Л. 30–32.

⁴⁹ Там же. Ф. 290. Оп. 2. Д. 831. Л. 92.

⁵⁰ Там же. Оп. 1. Д. 144. Л. 43.

⁵¹ Там же. Оп. 2. Д. 827. Л. 123.

На Вологодчине знали другого Сталина

Пребывание в Сольвычегодске весной 2004 г. внука И. В. Сталина В. К. Кузакова и его стремление выяснить правду о нахождении деда в ссылке на Севере подтолкнули меня к мысли поделиться некоторыми своими догадками по поводу характера и последствий ссылки И. В. Сталина на Вологодчину (до революции 1917 г., как известно, Сольвычегодск входил в состав Вологодской губернии).

Версия первая

Работая над книгой «Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930 годы», я обратил внимание на то, что культ Сталина как вождя на Вологодчине формировался на рубеже 1920–1930-х годов труднее, чем в других регионах страны.

С тяжелым чувством, например, уезжал из Вологды в мае 1929 г. после очередной губпартконференции секретарь Севкрайбюро ЦК ВКП (б) С. А. Бергавинов. А вывели его из себя слишком смелые вопросы вологжан о причинах резко меняющейся политики партии, получившей в истории название «великого перелома»:

«Если сейчас говорим о разжигании классовой борьбы, почему т. Сталин говорил в 1925 г., что разжигание борьбы есть меньшевистская энциклопедия? (так по тексту документа. – С. Ш.);

Почему Сталин говорил о единстве в Политбюро тогда, когда его не было?».

Отчаянно сопротивлялись коммунисты Вологодчины замене местного партийного руководства, которого добивалась формирующаяся администрация Северного края, смело полемизировали по поводу выбора его столицы, считая, что краевым центром должен стать не Архангельск, а Вологда, в крайнем случае – Котлас.

Одной из причин вологодского «уклона» был, на мой взгляд, недостаточный авторитет Сталина, которого здесь хорошо знали не в качестве неспящего героя-революционера, а в качестве «чудака Иосифа» да ссыльного бабника, немало наследившего на Вологодчине.

Интересно и то, что решение о ссылке И. Джугашвили в Вологодскую губернию, судя по документам, принималось 29 сентября 1908 г. самим Председателем Совета Министров России П. А. Столыпиным.

А вологодским губернатором был в то время А. Н. Хвостов, будущий министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов.

Дом, в котором жил Сталин в Сольвычегодске

Спустя почти полгода, 24 февраля 1909 г., ссыльный по этапу прибыл в Сольвычегодск. С 24 июня 1909 до 24 марта 1910 г. он находился «в бегах», в конце октября вновь водворен в Сольвычегодск. «За окончанием срока ссылки», 6 июля 1911 г., ему было разрешено проживание в Вологде, где он пробыл до 6 сентября – дня отъезда в столицу. После очередного задержания в Санкт-Петербурге (5 декабря) – новая ссылка в Вологду, откуда будущий вождь скрылся 28 февраля 1912 г. Таким образом, Сталин пробыл в северной ссылке более 18 месяцев.

Это время отложило недобрый отпечаток в его памяти о пребывании на Севере. Для этого были веские основания. Не случайно Василий Белов, хорошо знающий историю и психологию северян, в книге «Год великого перелома», описывая день пятидесятилетнего юбилея Сталина, нашел необходимым включить в повествование реакцию вождя на приветственную телеграмму из Архангельска.

«Свяжись с Бергавиновым, – говорит юбиляр Поскребышеву, – скажи ему, что переименовывать города намного легче, чем строить социализм (льстец Бергавинов, секретарь комитета ВКП (б) Северного края, предлагал тогда переименовать Архангельск в Сталинопорт. – С. Ш.) Пускай лучше поскорее разбирается с вологодскими правыми».

Вологда к концу 1920-х годов оказалась своеобразной Меккой новой экономической политики в ее северном своеобразии. Сочетание недостаточной авторитетности Сталина с укоренившимся здравым смыслом вологжан и стало причиной так называемого правого уклона Вологды, выступающей против политики «великого перелома». Архангельские «оппортунисты» к этому времени уже были разгромлены.

«Кавказец» и северянки

Вологжанам были хорошо известны, прежде всего, амурные связи ссыльного Иосифа. Достаточно вспомнить его внебрачного сына Константина Кузакова, которого здесь хорошо знали в конце 1920-х гг. даже местные комсомольцы. Да и сам Кузаков накануне своего 90-летия в газете «Аргументы и факты» признал: «... был еще совсем маленьким, когда узнал, что сын Сталина».

К. Кузаков с матерью и сыном

Мать, Матрена Прокопьевна Кузакова, в Сольвычегодске была известна, по словам Э. Радзинского, как гостеприимная хозяйка многих революционеров. Интересная информация о связях молодого Джугашвили с вологодскими представительницами слабого пола имеется в архивах.

Оказывается, свой первый побег из Сольвычегодска 29-летний Коба совершил с помощью некоей учительницы Мокрецовой, переодевшей его в женский сарафан и в этом одеянии проводившей беглеца до лодки, на которой он «уплыл на большую землю».

Ссылного «кавказца» тепло вспоминает и 17-летняя в ту пору Софья Крюкова, учившаяся на портниху в семье домохозяйки, у которой квартировал Сталин: *«Думаю, что не может быть, чтобы Иосиф Виссарионович меня забыл, всегда он был очень внимательным ко мне»*. Если вспомнить, что в Туруханском крае Сталин, находясь в ссылке, совратил 14-летнюю девочку-подростка Перелыгину, станет понятно, почему столь откровенное признание юной вологжанки было предусмотрительно вычеркнуто цензорами из текста подготовленной рукописи книги «Сталин в царской ссылке на Севере», так и не увидевшей свет и хранящейся сейчас в Архангельском архиве.

*Несостоявшиеся молодожены
П. Ануфриева и П. Чижиков*

Показательна и история взаимоотношений Иосифа Джугашвили с парой несостоявшихся молодоженов. Самым близким знакомым Иосифа в Вологде был торговый служащий, в недавнем прошлом ссыльный П. А. Чижиков (умерший якобы от туберкулеза в 1919 г. в Харькове в возрасте 31 г. – С. Ш.). Это с его паспортом Сталин выехал 6 сентября 1911 года в Санкт-Петербург.

Незадолго до отъезда будущего вождя народов в столицу к 23-летнему Петьке (так по обыкновению называл его Сталин) приехала симпатичная девушка Пелагея (Поля) Ануфриева, закончившая Тотемскую женскую гимназию. Судя по документам и книге Е. Громова «Сталин: власть и искусство», молодые люди собирались пожениться. Во всяком случае девушка остановилась на квартире своего знакомого – Чижикова.

У вологодских жандармских филеров, следивших за ссыльными, Пелагея проходила под кличкой «Нарядная», П. Чижиков был прозван

«Кузнецом», а Джугашвили – «Кавказцем». «Кавказец», судя по донесениям филеров, быстро расстроил этот брак. В конце августа – начале сентября он нередко надолго задерживался у «Нарядной» в отсутствие жениха, попавшего, по-видимому, под полное влияние Кобы. Вот какие дословные донесения местных филеров об этом треугольнике зафиксированы в архиве:

«24 августа, уже на следующий день по прибытию «Нарядной» в Вологду, «Кавказец» оказался с ней в доме Беспалова, откуда его выхода не видели.

25 августа, в 12 часов дня, «Кавказец» был взят из дома Беспалова вместе с «Нарядной» и проведен в детский сад, где к ним присоединился «Кузнец».

26 августа, около полудня, «Кавказец», «Нарядная» и «Кузнец» расстались, «Кузнец» пошел без наблюдения, а «Кавказец» и «Нарядная» пошли в аптеку Линдер, где пробыли семь минут и пошли в дом Беспалова в квартиру «Нарядной», где пробыли четыре часа. Вышли «Кавказец» и «Нарядная» и пошли в детский сад, где, дождавшись запора магазина, вышел к ним «Кузнец», и пошли все трое в квартиру «Кузнеца» и «Нарядной», откуда выхода «Кавказца» не заметил.

27 августа, в девять часов сорок пять минут утра, «Кавказец» вышел из вышеупомянутого дома».

Затем до 31 августа «Нарядная» не фигурирует в донесениях филеров.

«31 августа, в семь часов вечера, «Кавказец» вторично вышел из своей квартиры и проведен в дом Беспаловой в квартиру «Нарядной» и «Кузнеца». Через один час тридцать минут в свою квартиру пришел «Кузнец». «Кавказец» пробыл два часа и вышел, и пошел домой.

3 сентября, в семь тридцать часов вечера, в квартиру «Нарядной» пришел «Кавказец», через сорок пять минут пришел «Кузнец». «Кавказец» пробыл час тридцать, вышел и пошел домой».

Примечательно, что в подготовленной к печати уже упоминаемой книге о сталинской ссылке эти документы приводятся. Однако с серьезными купюрами тех мест, которые могли бы бросить тень на вождя, что является лишним подтверждением нашей версии о расстройстве брака между Чижиковым и Ануфриевой.

Сохранились воспоминания «Нарядной» о встречах со Сталиным, книга, подаренная ей с шуточной надписью: «Умной скверной Поле от чудака Иосифа» и две открытки от вновь сосланного в Вологду И. Джугашвили в декабре 1911 г.

Открытки, адресованные в Тотьму, куда Пелагея вернулась после вологодских каникул и несостоявшегося брака с П. Чижиковым, интересны как по форме, так и по содержанию. На первой, декабрьской, изображены нимфы с обнаженными грудями, а на второй – скульптурные фигуры целующихся, обнаженного мужчины и полуобнаженной женщины. Любопытен текст открыток:

«Ну-с, скверная Поля, я в Вологде и целуюсь с дорогим, хорошим Петенькой (несостоявшимся женихом Полины). Сидим за столом и пьем за здоровье умной Поли. Выпейте же и Вы за здоровье известного Вам «чудака». Иосиф».

В февральской открытке кавказец дружески нежен:

*«...За мной числится Ваш поцелуй, переданный мне через Петьку. Целую Вас ответно, да не просто целую, а **горрррячо** (просто целовать не стоит).*

Иосиф».

Коба – провокатор?

Слухи о том, что Коба был связан с царской охранкой, появились уже в начале его революционной деятельности. Еще в 1919 г. были обнаружены 12 провокаторов, работавших среди большевиков. А вот тринадцатый, имевший кличку Василий, так и не выявлен. К вопросу о возможном провокаторстве Сталина вернулись во времена Н. С. Хрущева. Однако, по словам известной революционерки Ольги Шатуновской, Хрущев отказался использовать компрометирующие Сталина материалы со словами: «Это невозможно! Выходит, что нашей страной тридцать лет руководил агент царской охраны?».

Тем не менее тема эта вновь всплыла в 1980–1990-е гг. Высказываются различные точки зрения. Э. Радзинский, например, предлагает в своей объемной книге «Сталин» версию о том, что Коба был двойным агентом, что Ленин якобы знал о его использовании царской охранкой, однако польза, приносимая большевикам, перевешивала, и поэтому молодой грузин оказался в руководстве партии.

Открытка,
адресованная П. Ануфриевой

Обратим внимание на некоторые архивные материалы о пребывании Джугашвили на Севере и мы. Вологодская ссылка дает богатую пищу для размышлений по крайне запутанному и деликатному вопросу о том, был ли Сталин двойным агентом и не был ли он связан с царской охранкой, находясь в ссылке в Сольвычегодске и Вологде.

Из донесений тех же филеров, следивших за будущим генсеком в Вологде в июле–августе 1911 г., видно, что Сталин вел далеко не соответствующий сложившимся стереотипам образ жизни. В библиотеке бывал нечасто, задерживался там ненадолго, не раз штрафовался за потерю литературы и несвоевременное ее возвращение. «Кавказец» изо дня в день навещал своих знакомых, но к себе в дом никого не приглашал.

Только однажды, по воспоминаниям вологодской девушки С. П. Крюковой, «...приходил к нему на квартиру (в декабре 1911 – январе 1912 гг. – С. Ш.) один товарищ такого же роста, как Иосиф Виссарионович, тоже смуглый». Листая пожелтевшие документы, я вновь натолкнулся на описание человека, похожего на Сталина уже в воспоминаниях другой женщины. Она была поразительно наблюдательна, практична и близко знала Иосифа Джугашвили во время его первой ссылки в Сольвычегодск (ссылный был дружен с ее мужем и часто бывал у них дома). Так вот из ее воспоминаний следует, что:

«Иосиф Виссарионович строго следил за работой каждого члена группы и требовал отчета о проделанной работе. Были среди этой группы люди-изменники, то с такими расправлялись по-своему. Пример: был ссылный по имени Мустафа, а фамилии я не помню, лет ему было 27–30, он был среднего роста, черноватый, он-то и оказался изменником. То, по словам второго их товарища по имени Карл, фамилии я не знаю, был утоплен под большим угором реки Вычегды. Карл имел лет 20–23. Он принес купленного барана на базаре и просил его зажарить всего, говоря, это будет тризна о Мустафе. Справив тризну вечером по Мустафе, Карл в эту ночь бежал из Сольвычегодска».

Не слишком ли демонстративной была тризна по Мустафе? И не он ли объявлялся позднее в Вологде на квартире Сталина? Тем более, что так и не установлена личность человека, сопровождавшего Сталина в поезде от Вологды до Петербурга в сентябре 1911 г. Вот и В. К. Кузаков во время пребывания в Сольвычегодске ссылается на какого-то Якуба, который якобы был охранником ссылного Сталина. Все это вполне вписывается в поведение ссылного Кобы и требует дополнительных поисков.

В телевизионном семисерийном фильме «Сталин», показанном несколько лет назад, тоже имеется несколько сюжетов, посвященных пребыванию вождя на Севере. Один из них – рассказ сына Абрама

Исааковича Иванянца о трагической судьбе родителей. Гибель отца была вызвана тем, что Сталин узнал его при неожиданной встрече в Москве в 1936 г.

Действительно, судя по документам, «бывший студент Томского технологического института, уроженец г. Кубы Бакинской губернии» А. Иванянец находился в ссылке в Вологде одновременно со Сталиным. Больше того, в жандармских сведениях о И. В. Джугашвили в разделе «Революционные связи в Вологде» А. Иванянец проходит под первым номером. Он был обыскан в связи с арестом Сталина в Санкт-Петербурге за попытку прописаться в гостинице с чужими документами. Интересно, что Абрам Исаакович *«производил денежные сборы среди ссыльных и оказывал помощь заключенным в Вологодской губернской тюрьме»*. Чем он оставался опасен для вождя спустя четверть века, остается тайной.

В доме, где снимал комнату, Сталин не обедал, на его столе, кроме чайника, по свидетельствам очевидцев, как правило, ничего не было. Вопрос этот заинтересовал и работника Архангельского областного партийного архива Пирогова, опрашивавшего в январе 1936 года близко знавшую ссыльного С. Крюкову:

- *Пирогов: Редко обедал, говорите, а как это было, приглашали или как?*

- *Крюкова: На своем содержании жил, не готовили для него ничего.*

- *Пирогов: Сам продукты покупал?*

- *Крюкова: Вероятно, в столовой где-нибудь обедал.*

Это было достаточно накладно для обычного ссыльного, получавшего семь рублей 40 копеек месячного содержания, если учесть, что снимаемая комната в месяц обходилась в три-четыре рубля. Из вологодской ссылки Сталин не обращался за финансовой поддержкой ни к друзьям, ни к организациям. А вот, оказавшись в ссылке в Сибири, он буквально «бомбардировал» просьбами о денежной помощи.

Обращает на себя внимание излишняя «легкость», с которой Сталин в случае партийной необходимости *«может сняться»* из ссылки, о чем он и пытался сообщить Ленину. Однако, очевидно, нужды в *«задыхающемся без дела Кобе»* не было, и он продолжал отбывать свой срок на Вологодчине.

Казалось бы, сиди тихо, зачем рисковать накануне долгожданной свободы и так необходимой легальности. Ан нет, будущий вождь принимает участие в первомайской сходке ссыльных. Почти два месяца спустя, 23 июня, он получает от сольвычегодского уездного исправника «билет» такого содержания:

«Предъявитель сего И. В. Джугашвили подлежит согласно постановления Вологодского губернатора от 18 июня с.г. за № 360

выдержанию под арестом в полицейских камерах в течение трех суток, с 23 по 26 июня сего 1911 года». В то время как другие арестованные, в частности А. Шур и А. Лежаев, были подвергнуты заключению в тюрьме.

Еще один немаловажный нюанс заключается в том, что 27 июня, т.е. на следующий день после отсидки в полицейских камерах, Сталин от надзора полиции был освобожден. А на запрос Вологодского жандармского управления о необходимости проведении обыска на квартире ссыльного перед его близившимся отъездом московское охранное отделение 28 августа ответило:

«Обыск Джугашвили недопустим, случае отлучки сопровождайте наблюдением, одновременно телеграфируя мне времени, направлении поездки. Полковник Заварзин». Причем накануне выезда Джугашвили из Вологды в Москву и Петербург начальникам охранных отделений были посланы телеграммы.

В Петербург, куда направлялся бывший ссыльный, не имея на то разрешения, из Москвы поступила еще одна директива:

«Прошу не подвергать аресту выезде, сопровождать наблюдением, подробности почтой».

Удивительна лояльность жандармского управления по отношению к Сталину. Он «скрывается» из Сольвычегодска в июне 1909 г., затем в сентябре 1911-го под чужим паспортом уезжает в запретный для него Санкт-Петербург. И каждый раз ссыльного по его желанию возвращают в Вологду.

Бакинский градоначальник, между прочим, в июне 1910 г. предлагал по отношению к Джугашвили «принять высшую меру взысканий – высылку в самые отдаленные места Сибири на 5 лет». Сталин, узнав об этом, 29 и 30 июня обращается с прошениями:

«...Не понимаю такой суровой меры, считаю необходимым заявить... что при задержаниях за мной ничего предосудительного не находилось».

«Ввиду имеющегося у меня туберкулеза легких... прошу применить возможно меньшую меру пресечения. Одновременно прошу разрешить вступить в законный брак с проживающей в Баку С. Я. Петровской». (Еще одна загадка, которую, впрочем, попытался разгадать С. Турченко (газета «Труд» за 7 июня 2001 г.). Там же есть фотография еще одного, уже сибирского «внука Сталина». – С. Ш.).

Так вот, два месяца спустя канцелярия заместителя на Кавказе удовлетворила прошение Иосифа Виссарионовича:

«Принимая во внимание, что И. В. Джугашвили из места высылки Вологды скрылся... признать необходимым отправление его в место прежней ссылки».

И. В. Сталин во время вологодской ссылки

Вождь-мистификатор

На все эти тонкости автор, может быть, не обратил бы внимания, если б не пристальный интерес к материалам ссылки Сталина со стороны НКВД в последующие годы. Вначале – в годы «великого перелома», а затем новая волна интереса к ссылке вождя на Север наблюдалась во второй половине 1930-х годов.

22 декабря 1936 года, как раз после дня рождения Сталина, секретарь Севкрайкома Д. Конторин телеграфировал в ЦК ВКП (б) «Тов. Ежову Н. И.: согласно наших переговоров посылаем по описи дела, извлеченные из Северного краевого архива, о царской ссылке тов. Сталина в гор. Сольвычегодск и Вологду в году 1909–1912».

Однако 8 апреля 1938 г. заведующий Архангельским отделом Центрального партархива Федосеев вынужден вновь докладывать в Управление НКВД по Архангельской области:

«Согласно вашего требования высылаем копию описи на архивные материалы о ссылке тов. И. В. Сталина, направленные в ЦК ВКП (б) в 1936 году, и опись на архивные материалы, находящиеся в истпарте».

Дело, скорее всего, обретает нешуточный оборот, и через неделю «тов. Дементьеву НКВД» поступает еще одно письмо следующего содержания:

«Дело № 1903 о тов. Сталине, полученное в Вологодском архиве Хорошко и Сенчуковым, сфотографированное истпартком, бывший секретарь Архангельского обкома ВКП (б) Конторин (разоблаченный как «враг народа») заделал при мне лично в конверт с адресом на имя тов. Поскребышева (секретариат тов. Сталина. — С. Ш.). Препроводительную писал Попов Николай, работавший тогда в отделе печати, он должен это помнить. Отсылал Конторин это дело, вероятно, через фельдсвязь, через своего секретаря Толстикова (арестованного органами НКВД). Было это в тот момент, когда по распоряжению Конторина отсылали дела, хранившиеся в истпартме, на имя секретаря ЦК ВКП(б) тов. Ежова Н. И. Эти дела на имя тов. Ежова в заделанном виде мной и тов. Федосеевым были переданы фельдсвязи для отсылки по указанному выше адресу. Опись на отосланные дела тов. Ежову имеется у вас в НКВД. Зав. истпартотделом Арх. обкома ВКП (б) Пирогов».

В мае 1938 года заведующий истпартком Архангельского обкома Пирогов получает письмо из Москвы следующего содержания:

«По поводу Вашего письма в редакцию «Правды Севера» о публикации историко-партийных материалов сообщаем, что такая публикация в местной печати целесообразна. Желательно, однако, чтобы предполагаемые к публикации материалы и фото предварительно присылались в Институт Маркса—Энгельса—Ленина (ИМЭЛ) для просмотра. Документальные материалы и снимки, касающиеся тт. Сталина, Молотова и Ворошилова, должны обязательно до их опубликования представляться в ИМЭЛ. Зам директора В. Сорин». На письме резолюция секретаря обкома: «Для руководства и исполнения».

31 мая уже в совместном письме завистпартотделом Архангельского обкома Пирогов и заведующий областным архивным отделом Центрпартархива Федосеев еще раз подтверждают, что «документы высланы еще в 1936 году... Если Вы считаете необходимым сосредоточить хранение всех документов, относящихся к пребыванию И. В. Сталина, просим Вас обратиться к секретарю ЦК ВКП(б) т. Ежову Н. И. и Секретариат т. Сталина к т. Поскребышеву».

Интересно и то, что новый секретарь обкома А. Никаноров, как и его предшественники В. Иванов и Д. Конторин, продолжал достаточно активно собирать материалы о пребывании Сталина в ссылке на Севере. Но такое хобби, несмотря на подобоострастие подчиненных, видимо, не устраивало Хозяина Кремля. Любопытные не в меру функционеры были репрессированы.

Почему материалы сталинской ссылки на Север «извлекались» из Северного краевого архива? Почему они направлялись на имя Ежова и Поскребышева? Зачем потребовалось уточнение всех этих материалов два года спустя? Почему ИМЭЛ располагал информацией о редакционной почте архангельской областной газеты? Не сыграл ли свою роковую роль в трагической судьбе А. Никанорова, как и его предшественников, излишний интерес к биографии вождя? Почему, наконец, так и не была издана книга, подготовленная историками Севера о сталинском пребывании в Сольвычегодске и Вологде? Вопросы, на которые пока нет однозначных ответов. Автор склонен думать, что разговоры о причастности Сталина к царской охранке небеспочвенны, надеюсь, что историки Севера докопаются до истины в этом вопросе. А пока для размышлений

еще одна версия.

Э. Радзинский считает, что Сталина большевики «сдали» царской охранке после выборов в IV Государственную думу, так как в нем отпала нужда. У меня складывается другая версия. Выше уже указывалось на то, что решение о высылке в Вологодскую губернию принималось самим П. А. Столыпиным, Председателем Совета Министров и министром внутренних дел России.

Последующие аресты и ссылки Сталина характерны не только подозрительной лояльностью царской охранки по отношению к активно-му деятелю большевистского движения, но и долгими «размышлениями» органов внутренних дел о мерах пресечения и наказания. Исследователям биографии Сталина не удалось даже проследить *«этальный путь арестованного в 1910 г. из Баку в Сольвычегодск»*. Это признание тоже оказалось вычеркнутым в подготовленной к изданию книге «Сталин в царской ссылке на Севере».

Определенным рубежом между Сталиным-провокатором и Сталиным-революционером оказались, возможно, смерть П. А. Столыпина и последовавшее за этим возведение И. Джугашвили в ранг одного из лидеров большевистской партии. В архиве имеется письмо вологодского губернатора вологодскому полицмейстеру от 4 сентября. В нем губернатор *«запрашивает полицмейстера: где находится И. Джугашвили, в Вологде или выбыл и, если выбыл, то куда?»*.

Не увязывается ли любопытство губернатора с известием о смертельном покушении на Столыпина в Киеве 1 сентября? Может быть, Коба не случайно неожиданно срывается из Вологды 6 сентября 1911 г. в Санкт-Петербург, несмотря на то, что, во-первых, въезд туда ему был запрещен, во-вторых, у него была возможность оставаться в

Вологде до 25 сентября и получить за это время необходимые документы для своей легализации.

Ссылный тем не менее выезжает, не дождавшись выдачи паспорта на свое имя, с документами П. Чижикова. Скорее всего, он едет в столицу тоже в связи с получением известия о смерти Столыпина, наступившей, как известно, в результате так и не раскрытого до конца покушения в Киеве, с целью выяснить свою дальнейшую судьбу в жандармской иерархии. Не случайно в Санкт-Петербурге, по словам Э. Радзинского, он буквально искал контактов с охранкой.

По всей вероятности, новое руководство министерства внутренних дел не произвело на него должного впечатления, хотя окончательно Коба еще не порывает с ним отношений. Весной 1912 г. Сталина ссылают в Нарымский край, но «не мешают» ему совершить пятый героический побег в надежде на продолжение сотрудничества.

Однако судьбе было угодно распорядиться по-другому. Сталин, видимо, оставался агентом царской охраны до поездки за границу осенью 1912 г. и до встречи с Лениным. Не большевики сдали его царской охранке, а сам Сталин порвал с ней после того, как его признали в качестве одного из лидеров большевистского движения. И когда его вновь арестовывали в апреле 1913 г., Иосиф Джугашвили уже не пошел на сотрудничество с прежней властью.

Поэтому его последняя ссылка в Туруханский край и продолжалась в отличие от предшествующих целых четыре года, вплоть до Февральской революции.

В. Б. Конасов

Жизнь и смерть командарма

В книге «Вологжане – генералы и адмиралы», изданной в 1969 г., опубликован очерк о командарме 1-го ранга Иване Панфиловиче Белове. О том, что жизнь этого талантливого военачальника оборвалась в 1938 г. по сфабрикованному обвинению в заговоре против руководителей партии и государства, в упомянутом издании ничего не говорится. Впрочем, умалчивается в литературе советского периода и о многих других трагических страницах жизни уроженца Вологодской земли.

Иван Панфилович Белов родился 15 июня 1893 г. в деревне Калининково Череповецкого уезда. Сын крестьянина трудился в родных местах чернорабочим, десятником строительных работ на железной дороге. По установленному в деревне обычаю тянул жребий, открыв-

ший ему в 1913 г. дорогу в царскую армию. В 1914 г., окончив учебные курсы, получил чин унтер-офицера. Спустя два года за оскорбление офицера Белов был приговорен к четырем годам службы в дисциплинарном батальоне. Освободила его Февральская революция 1917 г. Солдаты избирают Ивана Панфиловича на Всероссийский съезд полковых командиров. В октябре того же года он становится командиром 1-го запасного Сибирского полка, дислоцировавшегося в Ташкенте. Сыну крестьянина одно время импонировали лозунги партии эсеров, к которой он примкнул в 1917 г. В марте 1918 г. Белов был назначен начальником Ташкентского гарнизона. Еще через год порвал с эсерами и вступил в партию большевиков.

В период Гражданской войны отличился при ликвидации мятежа, поднятого в январе 1919 г. бывшим военным комиссаром Туркестана Осиповым. В течение четырех суток на улицах Ташкента шли упорные бои. В конечном итоге мятежники были разбиты, их главари бежали из города и скрылись в горах. Затем Белов воюет с белогвардейцами под началом М. В. Фрунзе, командует Бухарской группой войск в Семиречье. Именно здесь потерпели сокрушительное поражение войска атамана Б. В. Анненкова, который с остатками своей армии ушел в Китай. За боевые заслуги Иван Панфилович удостоивается ордена Красного Знамени. Второй орден Красного Знамени ему вручили за подавление Кронштадтского мятежа. Однако его стремительная военная карьера чуть не оборвалась в начале 1921 г. Он был обвинен чуть ли не в дезертирстве и прочих прегрешениях. И кто знает, как бы сложилась его дальнейшая судьба, если бы не вмешательство уполномоченного Реввоенсовета Туркестанского фронта Д. А. Фурманова — автора легендарной книги «Чапаев» и не менее известного художественного произведения «Мятеж». В последней из названных книг под именем бесстрашного начальника дивизии Панфилова фигурирует Иван Панфилович Белов. Именно Фурманов 13 января 1921 г. представил в Особый отдел ВЧК благожелательный отзыв об уроженце Вологодского края: «На подлость, на воровство, на махинации он абсолютно не способен, в этом я глубоко убежден. Наоборот, такого честного и прямого человека трудно встретить»¹.

В 1923 г., окончив Военно-академические курсы РККА, Белов стал командиром стрелкового корпуса, затем помощником командующего войсками Московского военного округа. С 1927 по 1931 г. Иван Панфилович возглавлял войска Северо-Кавказского округа, которые пополнялись призывниками, недовольными проводимой в стране политикой коллективизации. История распорядилась так, что нашему земляку пришлось участвовать в подавлении не только Кронштадтского мятежа, но и вооруженных выступлений кавказцев. В конце апреля 1930 г. командующий Северо-Кавказским округом сообщал в наркомат оборо-

ны об отказе выходцев из зажиточной и средней части крестьянства служить в армии, о восстаниях в Чечне, Кабарде, Карачае и Ингушетии.

В последующие годы Иван Панфилович командовал войсками Ленинградского (1931–1935), Московского (1935–1937) и Белорусского (1937–1938) округов. 20 ноября 1935 года ему было присвоено высокое звание командарма 1-го ранга. Тучи сгустились над командармом в 1937 г., когда командные кадры Красной Армии подверглись невиданным по своему масштабу и жестокости репрессиям. Сотни командиров были необоснованно арестованы и расстреляны. В результате накануне Великой Отечественной войны Вооруженные Силы СССР были обезглавлены. Первыми жертвами так называемого «военно-фашистского заговора» стали маршал М. И. Тухачевский, командарм 1-го ранга И. Э. Якир, командарм 1-го ранга И. П. Уборевич, командарм 2-го ранга А. И. Корк, комкоры Б. М. Фельдман, В. М. Примаков, В. К. Путна, Р. П. Эйдеман.

На 1 июня 1937 г. было назначено внеочередное заседание Военного совета при наркоме обороны СССР К. Е. Ворошилове. Присутствовавший на заседании Сталин объявил, что среди военных арестовано уже около 400 человек и призвал присутствующих не смущаться этим обстоятельством, ибо «талантов в Красной Армии непочатый край»². Вместе с другими И. П. Белов критиковал своих недавних соратников, ставших по воле советского диктатора «врагами народа». В частности, с ненавистью и бранью говорил о своих давних разногласиях с Уборевичем по вопросам организации боевой учебы и строительства укрепленных районов. Сталин же хорошо запомнил наиболее яростных критиков, среди которых, увы, оказался и Белов.

И вовсе не случайно судить «врагов народа», обвиненных в намерении совершить террористические акты против первых руководителей партии и государства и захватить с помощью фашистской Германии власть в стране, вождь предложил взятым на заметку высокопоставленным военным. В их числе, наряду с маршалами С. М. Буденным и В. К. Блюхером, командармом 1-го ранга Б. М. Шапошниковым, командармом 2-го ранга Н. Д. Кашириным, командармом 2-го ранга П. Е. Дыбенко, командармом 2-го ранга Я. И. Алкснисом, комдивом Е. И. Горячевым, оказался и командарм 1-го ранга И. П. Белов. Специальное судебное присутствие под началом председателя Военной коллегии Верховного суда В. В. Ульриха, раболепно исполнявшего все установки советского диктатора, было обречено приговорить всех обвиняемых к расстрелу. Перед оглашением обвинительного приговора 12 июня 1937 г. Сталин пригласил к себе В. В. Ульриха и наркома внутренних дел Н. И. Ежова. Те доложили Сталину о ходе процесса. Тот по существу дела вопросов почти не задавал, но поин-

тересовался: «А как суд? Как вели себя члены Специального судебного присутствия?». На что получил ответ: «Активно вел себя лишь Буденный. Члены суда в основном молчали. Один или два вопроса задали Алкснис, Блюхер да, кажется, Белов»³.

Такое подозрительно инертное поведение членов суда не могло пройти мимо внимания Сталина. Он распорядился «посмотреть» на этих людей внимательнее. Указания вождя, как известно, выполнялись неукоснительно. Уже 11 августа 1937 г. комиссар 6-го авиационного корпуса Михаил Ермольчик доложил начальнику политуправления РККА П. А. Смирнову о том, что он ехал в поезде с Иваном Панфиловичем и тот якобы жаловался на неправомерность своего снятия с должности командующего Московского военного округа и назначения на его место С. М. Буденного. Свое «сообщение» автор завершал далеко идущим выводом: «В Белова вселилась ржавчина сомнения в возможности победы коммунизма и удержания социализма в условиях капиталистического окружения». Это письмо нарком обороны зачитал на ближайшем Военном совете и при этом добавил, что сегодня Белов ругает Якира, Уборевича, Тухачевского, а еще совсем недавно отправлял им письма дружеского содержания⁴.

Крайне неосторожно повел себя Белов на заседании Военного совета при наркомате обороны 21 ноября 1937 г. Командарм не побоялся заявить, что «чистка» комсостава всех степеней повлекла за собой перерыв в боевой и политической подготовке войск. «...**Было много перестраховочных представлений, было много слухов**, – заявил Николай Панфилович, – **когда люди сводили счеты, когда принимали за врага не того, кого надо**. Люди, которых ни в партийном, ни в другом порядке не оценивали с плохой стороны, берутся органами НКВД». Нарком обороны Ворошилов перебил командарма: «Чистка в Белорусском округе проводится слабо»⁵.

7 января 1938 г. командарм 1-го ранга, член ВКП (б) с 1919 г., член Военного совета при наркомате обороны, член ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР И. П. Белов был арестован. Он обвинялся в принадлежности к тому самому заговору, который ранее приписывался маршалу М. Н. Тухачевскому и другим вместе с ним расстрелянным командирам РККА. Кроме того, ему было предъявлено обвинение как участнику «военно-эсеровской организации». Таковой, кстати, в тридцатые годы вообще не существовало. Накануне ареста, как следует из объяснения бывшей стенографистки центрального аппарата НКВД Е. Т. Тимофеевой, Ивана Панфиловича допрашивал в здании ЦК ВКП (б) лично Сталин, но тот виновным себя ни в чем не признал. В день ареста в присутствии И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова и Н. И. Ежова командарму Белову устроили очную ставку с арестованными заместителем начальника политуправления РККА,

А. С. Булиным и начальником разведывательного управления РККА С. П. Урицким. Оба дружно изобличали нашего земляка в антисоветской деятельности. Однако Белов вновь отрицал свою вину. Тогда в ход были пущены угрозы, лживые обещания, шантаж, допросы «с пристрастием», и на следующий день бывший командующий Белорусским военным округом пишет убийственное для него заявление: «Я вчера во время очной ставки совершил новое тяжкое преступление, обманув руководителей Советского правительства. Мне особо тяжело писать об этом после того, как я имел полную возможность в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Ежова честно раскаться и рассказать всю правду, как бы тяжела она ни была, о моей преступной деятельности против Родины и советского народа»⁶.

Из объяснений, взятых в 1956 г. от бывшего сотрудника НКВД В. М. Казакевича, следует, что нужные следствию показания командарм начал давать лишь после того, как его несколько раз жестоко избили. Кстати, пример подобного поведения был способен продемонстрировать и сам Сталин. По авторитетному свидетельству почетного чекиста Ф. Т. Фомина, советский вождь лично ударил два раза по лицу Ивана Панфиловича за отказ признаться в принадлежности к эсеровской организации⁷. Кстати, о разгроме этой мифической организации, который завершился арестом 2000 военных, Ежов доложил Сталину 9 февраля 1938 г.

Вспоминая то время, маршал Г. К. Жуков пишет: «Вскоре командующего войсками И. П. Белова постигла та же трагическая участь, что и предыдущих командующих, — он был арестован как «враг народа», и это тогда, когда И. П. Белов, бывший батрак, старый большевик, храбрый и способнейший командир, положил все свои силы на борьбу с белогвардейщиной и иностранной интервенцией. Как-то не вязалось: Белов — и вдруг «враг народа». Конечно, никто этой версии не верил»⁸.

Под пытками и издевательствами бывший командарм 1-го ранга Белов дал удобные следствию показания на маршала А. И. Егорова. В свою очередь, продолжали лжесвидетельствовать против Ивана Панфиловича Урицкий и Булин. Правда, бывший заместитель начальника политуправления РККА Булин на повторной очной ставке с Беловым нашел в себе мужество сказать, что вынужденно оклеветал своего товарища по службе. За два дня до суда, 27 июня 1938 г., от Белова потребовали дать показания об антисоветской деятельности начальника Главного управления противовоздушной обороны Г. М. Штерна. В протоколе допроса осталась по этому случаю следующая запись: «Личный разговор со Штерном об участии его в военном заговоре имел во второй половине 1937 г. Штерн пытался все отрицать. Я пригрозил, что должен буду при его неискренности передать, что знаю, кому следует. Штерн струсил, подтвердил свое участие в военном заговоре»⁹.

Вроде бы все предельно ясно. Командарм Белов морально сломен, оговаривает ни в чем не повинного человека. Однако тот факт, что в протоколе допроса подпись Ивана Панфиловича отсутствует, заставляет усомниться в высказанном предположении. Эти законные сомнения подтверждает и сам ход судебного заседания, проходившего 29 июня 1938 г. Бывший командующий войсками Белорусского военного округа командарм 1-го ранга И. П. Белов неожиданно заявил, что хочет сделать Сталину сообщение государственной важности, но лишен этой возможности. Вслед за этим он вручил председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР В. В. Ульриху письменное заявление на имя вождя. Этот неожиданный демарш обвиняемого явно не вписывался в запланированный сценарий судебного заседания. Впрочем, заявление Белова, судя по всему, к Сталину так и не попало, поскольку его в тот же день срочно затребовал нарком внутренних дел Ежов¹⁰.

На суде бывшему командарму было предъявлено обвинение «в связях с эсеровской эмиграцией». Кроме того, ему инкриминировали шпионскую деятельность в пользу фашистской Германии. Основанием «веского порядка» в данном случае послужило то, что в двадцатые годы Иван Панфилович проходил учебу в военной академии в Берлине, ездил на маневры рейхсвера. И никого из судей не волновало, что командировал Белова в Германию лично Сталин, что все его контакты с германской стороной проходили в рамках секретного военного сотрудничества, которое было свернуто в 1933 г. с приходом к власти в Германии Адольфа Гитлера¹¹.

Шансов защитить себя на процессе у Белова практически не было. 29 июня 1938 г. был оглашен приговор, и в этот же день бывший командарм 1-го ранга был расстрелян. В момент казни Ивана Панфиловича и других участников антисоветского заговора присутствовал лично Н. И. Ежов. Нарком внутренних дел каждому задавал вопрос, не желает ли тот еще что-либо сказать. После неоднократных попыток и издевательств над обреченными людьми эту формальную процедуру следует считать верхом цинизма. Так уж получилось, но смерть избавила Ивана Панфиловича еще от одного страшного удара судьбы. По существовавшим в те времена порядкам вскоре была арестована жена «врага народа» – А. Л. Белова-Дударева.

Реабилитирован И. П. Белов был 26 ноября 1955 г., но ни о факте его расстрела, ни о факте реабилитации средства массовой информации долгие годы предпочитали ничего не говорить. Лишь в конце 1980-х годов историки смогли познакомиться со свидетельством выжившего в лагерях ГУЛАГа генерал-лейтенанта А. И. Тодорского: «За 20-летнюю службу в Красной Армии я настолько часто соприкасался с Иваном Панфиловичем Беловым (и в партийной, и в служебной, и в

личной обстановке), что имею о нем законченное, близкое к истине представление. В лице Белова И. П. Рабоче-Крестьянская Красная Армия имела выдающегося начальника, мастерски овладевшего искусством организации войск и управления ими»¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сувениров О. Ф. Трагедия первых командармов // Отечественная история. 1996. № 4. С. 174.

² Печенкин А. А. 1937 год: Сталин и Военный совет // Отечественная история. 2003. № 1. С. 49.

³ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Кн. 1. Ч. 2. М., 1989. С. 49.

⁴ Якупов М. Н. Трагедия полководцев. М., 1992. С. 266.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы. Публ. А. С. Степанова // Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 75.

⁷ Сувениров О. Ф. Указ. соч. С. 175.

⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1990. С. 229.

⁹ Востребованный компромат на Г. М. Штерна // Военно-исторический журнал. 1994. № 3. С. 19–20.

¹⁰ О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы / Публ. А. С. Степанова // Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 75.

¹¹ Печенкин А. А. Указ. соч. С. 47.

¹² Сувениров О. Ф. Указ. соч. С. 176.

О. В. Артемова

Борьба крестьян Европейского Севера России за землю во второй половине 1930-х – 1940-х гг.

Организаторам колхозного строя в деревне новое крестьянское земельное устройство в середине 1930-х гг. представлялось следующим образом: общественные земли колхозов, на которых должна была производиться основная масса сельскохозяйственной продукции, поставляемой государству в качестве платы за пользование сельхозугодьями, и приусадебные участки колхозников в размерах, необходимых для ведения личного подсобного хозяйства, предоставляемые в обмен на труд в колхозном производстве. При таком подходе общественная значимость ведения единоличного хозяйства вообще отрицалась, и потому сокращение площади единоличного землепользования признавалось делом неизбежным и оценивалось положительно. Предполагалось, что общественное производство сможет в близкой перспективе обеспечить и все жизненно важные потребности крестьянских семей, но практика показала неспособность колхозов без при-

влечения продукции личного хозяйства выполнить даже государственные задания.

В этих условиях одним из путей поддержания жизнедеятельности, благосостояния крестьянской семьи, как и многие годы до этого, стало расширение площади землепользования, что при запрете покупки и аренды земли могло быть достигнуто лишь нелегальным образом. Земли, обрабатываемые сверх установленной законом нормы, в официальных документах именовались «прирезками» или «захватами». В основе стремления крестьян прирезать к своему участку новую, неучтенную, а потому не облагаемую налогом землю лежали не любовь к земледельческому труду как к таковому, а законы экономического существования и выживания крестьянской семьи.

Таким образом, с утверждением колхозного строя между государством и крестьянством продолжилась многовековая борьба, в которой крестьяне стремились к пользованию земельным участком такого размера, который бы позволил обеспечить существование семьи на определенном этапе ее развития. Государство, ограничивая площади приусадебных участков, регулировало объем ведения личного хозяйства и стимулировало более активное участие в общественном производстве.

Очевидно, что у этой борьбы имелись не только экономические, но и психологические причины. Юридические тонкости функционирования института землепользования в стране были непонятны широким массам крестьянства, которое, лишившись основной части земель, даже в начале 1940-х гг. продолжало считать, что хотя бы приусадебные участки в их ограниченных размерах остались в личной собственности колхозников и единоличников. Распространенность таких идей среди сельского населения отмечалась в решениях местных советских органов¹. Власть во всех своих постановлениях, напротив, декларировала, что приусадебные участки даются колхозникам и другим гражданам лишь в пользование, в обмен на их активное участие в общественном производстве или в знак признания их заслуг перед общественным производством и государством в прошлом (сохранение земельных участков за пенсионерами и инвалидами).

Систематизированные сведения о «прирезках» к приусадебным участкам, использовании колхозных сенокосов крестьянами содержат лишь некоторые объяснительные записки к сводным земельным балансам областей и республик Европейского Севера. Дело в том, что борьба государства с нарушениями землепользования в исследуемый период носила циклический характер. Специальные разделы, посвященные борьбе с прирезками в объяснительных записках, стали обязательными лишь в конце 1940-х гг. Партийные органы всех уровней так же пристально наблюдали за правильным использованием зе-

мельных угодий. Данные из отчетов инструкторов райкомов, обкомов, республиканских комитетов ВКП(б) могут быть использованы для анализа динамики и видов нарушений землепользования крестьянами.

Выводы о развитии борьбы за землю во второй половине 1930-х – 1940-е гг. основываются на данных о выявленных «захватах», хотя подобная статистика отражала скорее усердие партийных, советских органов в выявлении нарушений. В данном случае большое значение приобретает привлечение к исследованию такого вида источников, как жалобы крестьян. Комплексное использование документов позволяет рассмотреть развитие процесса с точек зрения двух противоборствующих сторон.

После потрясений начала 1930-х гг., изменений, связанных с оформлением новых колхозов, приусадебное землепользование хозяйств колхозников и сохранившихся дворов единоличников на Европейском Севере в 1935–1937 гг. оставалось неизменным в силу труднодоступности многих селений, отсутствия достаточного количества кадров в органах земельного контроля. В этот период перед земельным управлением стояла проблема наделения колхозников землей, а не изъятия излишков. Отношение к единоличникам было традиционно негативное, но активных действий против них не предпринималось. В настроении аграрного населения Европейского Севера продолжало господствовать стремление к отхожему промыслу и переезду в города и рабочие поселки. В условиях, когда подавляющее большинство сельскохозяйственных угодий было обобществлено, острота вопроса о приусадебных землях еще не была прочувствована крестьянством. Об этом косвенно свидетельствуют данные отчета Северного краевого земельного управления о работе с жалобами колхозников в 1936 г. Из 739 жалоб, поступивших в Северное краевое земельное управление от колхозников, лишь 4% касались пользования усадебными участками, еще 7% – колхозного землепользования². Гораздо более колхозников Северного края в 1936 г. волновали трудовые споры – 40% жалоб были связаны с ними; даже такая проблема, как предоставление отпусков беременным женщинам, поднималась в 7% жалоб³. Если проанализировать содержание жалоб об изъятии земли, то речь в них идет в основном о случаях отрезки засеянных участков, что и вызывало недовольство⁴. Незначительный процент писем по земельным вопросам указывает на их возможную неактуальность для северного крестьянства. Таким образом, 1935–1937 гг. в северной деревне можно назвать временем паритета, когда теме нарушений порядка землепользования не придавалось широкого общественного звучания.

Активную и наступательную борьбу с «прирезками» земельные органы областей и республик Европейского Севера начали вести с 1938 г. Постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г.

«О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» предшествовал выход целого ряда постановлений, в том числе и не подлежащих оглашению, по регулированию землепользования⁵. Их содержание свидетельствовало о постепенном ужесточении требований к соблюдению положений Устава сельхозартели⁶. За выбывшими из колхоза хозяйствами усадьба еще сохранялась в размерах, установленных для единоличных хозяйств, но в разъяснениях указывалось: «Если же вступление в колхоз имело целью лишь получение усадебных участков, то такие дворы при выходе из колхоза решением общего собрания колхозников, утвержденным райисполкомом, приусадебных участков лишаются»⁷. Это положение породило многочисленные злоупотребления и явилось отправным пунктом в начале кампании «по разоблачению мнимых колхозников».

В постановлении «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» посягательство на общественные земли колхозов возводилось в ранг уголовного преступления. В нем впервые гласно указывалось на зависимость соблюдения Устава сельхозартели и пребывания в колхозе с возможностью пользоваться приусадебным участком⁸. В постановлении содержались требования провести обмер всех приусадебных земель и ликвидировать хуторские участки колхозников.

Только в Вологодской области за период с 1939 по 1941 г. было выявлено 121 076 случаев нарушения землепользования колхозниками и 5275 случаев нарушения землепользования единоличниками⁹. В среднем площадь одного «захвата», совершенного колхозным двором, составляла 0,16 га, а единоличным хозяйством – 0,7 га¹⁰. В документах, анализирующих статистику нарушений землепользования, отмечался рецидивный характер «захватов».

Судя по письмам сельских жителей в различные инстанции, колхозники и единоличники болезненно воспринимали покушение на их приусадебные земли, объясняя нарушения многолетними традициями использования земли и хозяйственной необходимостью не только для личного, но и общественного производства. Правомерность изъятия хуторских земель не подвергалась сомнению, по крайней мере, в письменной форме. Крестьяне жаловались в основном на отсутствие предусмотренной законом помощи при переселении. В 1939–1940 гг. главную долю крестьянских жалоб составляли письма лиц, причисленных к категории «мнимых колхозников», либо совсем лишенных участка, либо лишившихся значительной его части. Большинство выявленных «мнимых колхозников» составляли лица, действительно по несколько лет не проживавшие в колхозах, но среди исключенных было немало пожилых и престарелых людей. В некоторых и без того малочисленных колхозах Архангельской области в 1940–1941 гг. за «невы-

работку» трудовой исключали и лишали участков одновременно по 30–35 человек¹¹.

Несмотря на то, что наделение земель переселенных хозяйств на новом месте шло по нормам Устава 1935 года, связь с усадебными участками на хуторах, как правило, не прерывалась, если земля на них не распахивалась колхозом. Бывшие хуторяне продолжали неофициально пользоваться прежними участками, несмотря на наличие усадеб на новом месте, иногда не скрывая этого, иногда прибегая к различного рода хитростям. Так, группа колхозников сельхозартели «Объединение» Воскресенского сельсовета Петриневского района весной 1940 г. с ведома председателя, но в тайне от районных властей пахала на старых хуторских участках, сажала овощи, картофель под видом, что работают для колхоза¹². В документах имеются свидетельства о случаях возвращений на хутора после сселения, видимо, отчаявшихся получить помощь людей¹³. Захваты земель на хуторах расценивались как злостные нарушения колхозного землепользования, так как по площади они были более масштабны, чем прирезки к усадьбам в населенных местах. Таким образом, в 1938–1941 гг. власти решительно взялись за наведение порядка в приусадебном землепользовании, и противостояние между государством и крестьянством в земельном вопросе в это время было наиболее ярко выражено за весь период 1930-х – 1940-х гг.

Война внесла свои коррективы в борьбу крестьянства за землю. С одной стороны, нехватка рабочей силы и предельная занятость всех членов крестьянской семьи в общественном производстве не давали возможности обрабатывать дополнительные земельные площади. С другой стороны, в экстремальных условиях цена труда была в любом случае ниже цены жизни, и все ресурсы личного хозяйства были направлены на сохранение крестьянской семьи и выполнение государственных поставок. В период с 1942 по 1945 г. местные власти ослабили контроль за соблюдением порядка землепользования, осуществляли работу по «дорезке» усадеб колхозников и усилили контроль за обеспечением максимального участия членов колхозов в общественном производстве. В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудовой» от 13 апреля 1942 г. в категоричной форме была подтверждена практика лишения приусадебного участка «за невыработку минимума трудовой в колхозе»¹⁴.

После войны очередное Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 19 сентября 1946 г. потребовало от местных властей активизировать борьбу с захватами¹⁵. При обмере участков проверялось соответствие площади усадеб данным, зафиксированным в земельно-шнуровых книгах 1939 г. Согласно этому по-

становлению, последующая «дорезка», пусть даже не превышающая верхний предел, была признана незаконной.

Рассмотрим динамику борьбы с «захватами» после выхода соответствующего постановления в Вологодской области, самой развитой в аграрном отношении в регионе Европейского Севера. На 1 ноября 1946 г. здесь был выявлен 44 891 случай нарушений приусадебного землепользования, примерно столько же, сколько в среднем в каждом из трех предвоенных лет¹⁶. Постоянность числа выявленных «прирезков» лишний раз подтверждает экономическую обусловленность «захватов». Частота совершения нарушений осталась примерно на том же уровне, но они стали более мелкими по сравнению с 1939 г., средняя площадь «захвата» уменьшилась в 1,5 раза¹⁷. Возможно, отсутствие достаточного числа проверок, возможно, мероприятия по охране общественных земель повлияли на резкое снижение количества выявленных нарушений приусадебного землепользования в 1947 г. (на 88%), но в отчетном по выполнению вышеуказанного постановления 1948 г. число зафиксированных «захватов» возросло на 52% и лишь в 1949 г. снова уменьшилось на 77%¹⁸.

Согласно объяснительным запискам к земельным балансам конца 1940-х гг., интенсивная борьба с нарушениями порядка землепользования велась и в других областях и республиках Европейского Севера. В Архангельской области в 1948 г. более чем в половине из существовавших колхозов были выявлены 2838 случаев нарушений Устава сельскохозяйственной артели 1935 г. в части землепользования на площади 4411,88 га¹⁹. Из выявленных нарушений 64,2% (1821 случай) были совершены колхозниками, незаконно использовавшими земли площадью 231,98 га. Земельные органы Архангельской области зафиксировали 459 случаев «захватов» земли не членами колхоза на площади 20 164 га и 558 нарушений землепользования организациями на площади 3978,5 га. Средний размер «захвата», совершенного колхозниками, составил 0,13 га, не членами колхоза – 0,44 га, организациями – в среднем 7 га.

В объяснительной записке к земельному балансу в Карело-Финской ССР за 1948 г. указывалось, что нарушения законов о земле имели место во многих районах республики²⁰. В 803 колхозах республики было обнаружено 3140 случаев нарушений землепользования на площади в 3000 га. Из выявленных «захватов» 70,4% были осуществлены колхозниками (2212 случаев) на площади 1400 га. Кроме колхозников, в нарушениях порядка землепользования были уличены не члены колхоза (861 случай на площади 700 га) и организации (67 случаев на площади 900 га). Средний размер «захвата», совершенного колхозниками, составил 0,63 га, не членами колхоза – 0,81 га, организациями – 13,4 га.

Большинство выявленных в 1948 году в Архангельской области и в Карело-Финской ССР нарушений касалось незаконного использования земель из общественного и приусадебного фондов колхозов, причем соотношения видов нарушений в областях и республиках Европейского Севера были различны. Если в Карело-Финской ССР в 1948 г. 59% нарушений составляли захваты земель из общественного фонда, а 41% – из приусадебного, то в Архангельской области соответственно – 39% и 61%. В 1948 г. в Карело-Финской ССР сенокошение на землях приусадебного фонда составляло лишь 33% случаев нарушений землепользования, совершенных членами сельхозартелей.

Если обратиться к содержанию писем колхозников этого периода в различные инстанции, в которых поднимаются вопросы землепользования, то среди них преобладают жалобы на председателей колхозов, руководство сельсоветов, районов, незаконно пользующихся участками больших размеров, предоставляющих землю под покосы и посадку картофеля организациям и частным лицам или потворствующих нарушениям²¹. Содержание жалоб второй половины 1940-х гг. отражает стремление большинства колхозников бороться с нарушителями социалистической законности. Заявлений от пострадавших при «отрезке» приусадебных участков немного, что свидетельствует о постепенном сближении к 1950 г. позиций властей и основной массы колхозников по земельному вопросу²².

Изучение статистики захватов по районам Европейского Севера позволяет выделить следующие три вида нарушений землепользования со стороны колхозников и единоличников: посевы и сенокошение на общественных землях колхозов, пользование землей из неколхозных фондов (например, из Госземфонда, Гослесфонда), незаконное использование земли из приусадебного фонда колхоза.

В целом сведения о захватах обезличены, как правило, персонально упоминаются лишь должностные лица, допустившие нарушения, фамилии колхозников, единоличников и описания совершенных ими преступлений используются в них только в качестве иллюстраций. Среди архивных документов 1930-х – начала 1940-х гг. не часто удается обнаружить справки, содержащие полную классификацию нарушений землепользования со стороны крестьян той или иной территории, тем более что районные партийные и землеустроительные органы прибегали к различным определениям видов захватов. Поэтому рассмотрим соотношение выделенных выше видов нарушений землепользования по данным Тарногского района Вологодской области²³. Всего за август – сентябрь 1940 г. в этом районе было зафиксировано 72 случая «захватов»: 53 – со стороны колхозников и 19 – со стороны единоличников. Все нарушения, сделанные колхозниками, и 7% нарушений единоличников, что составляет 83% от общего числа «захва-

тов», относятся к первому виду. Ко второму виду следует причислить 10 случаев нарушений землепользования на неколхозных землях, совершенных единоличниками, что составляет примерно 14% от всех «захватов». К третьему виду можно отнести 2 случая скрытой аренды колхозной земли единоличниками, т.е. около 3% нарушений.

Первый вид нарушений был наиболее распространен среди колхозников и легко раскрываем различного рода проверками. Захваты колхозной земли были частыми, но незначительными по площади в каждом отдельном случае, совершались почти повсеместно с ведома председателей, правлений сельхозартелей, бригадиров и с их участием. Руководство колхозов объясняло нецелевое использование общественных земель хозяйственной необходимостью. В справках Грязовецкого, Вологодского, Вытегорского, Петриневского и других райкомов Вологодской области за 1940 г. имеются многочисленные свидетельства о нарушениях порядка землепользования, когда председатель либо правление разрешали занимать общественные поля под личные посадки картофеля, посевы льна, в то время как приусадебные участки колхозников пустовали, использовались под сенокос, выпас скота. Во второй половине 1930-х гг. в колхозах Вологодской области практиковалось использование приусадебных участков колхозников под колхозные посевы в обмен на предоставление участков общественной земли под личные посадки картофеля. Так, в 1939 г. проверка райкома выявила, что в колхозе «Победа» Грязовецкого района Вологодской области 0,89 га колхозного поля были использованы членами полеводческой бригады под посадки собственного картофеля. Председатель колхоза объяснял нарушение занятостью колхозников в общественном производстве и неимением у них времени на обработку усадебной земли. В то же время в Вологодском районе правления ряда сельхозартелей разрешали сенокосение и посевы ячменя на колхозных землях²⁴.

Подобные нарушения в конце 1940-х гг., но значительно реже выявлялись проверками и в других районах Вологодской области. В 1948 г. в ряде колхозов Харовского района была допущена посадка картофеля колхозниками на общественных полях на площади 7,79 га²⁵. Одновременно в том же районе под личные сенокосы с согласия председателей колхозов было выделено 27,83 га под видом оплаты за трудодни²⁶. Аналогичная ситуация сложилась в 1947 г. в колхозе «Победа» Ямженского сельсовета Великоустюгского района, где правление распорядилось отвести 24 га колхозных сенокосов членам сельхозартели в личное пользование в качестве оплаты за выполненные работы²⁷. В Вожегодском и Шольском районах проверками 1948 г. были зафиксированы случаи обмена приусадебных участков, закрепленных за колхозниками, на земли из общественного фонда²⁸.

Ко второму виду нарушений землепользования следует отнести захваты земель в основном из лесного фонда. За исследуемый период это были, как правило, случаи незаконного сенокошения в лесах, хотя в 1930-е гг. фиксировалось и использование единоличниками Европейского Севера пахотных земель из неколхозных фондов²⁹.

Третий вид нарушений землепользования был широко распространен в деревнях Европейского Севера в 1940-е гг. Бегство крестьян из колхозов влекло за собой захваты приусадебных участков выбывших хозяйств. Борьба за приусадебную землю велась и внутри колхозов, ее жертвами стали престарелые, инвалиды. Их усадьбы под предлогом «невыработки» минимума трудодней сокращались, отбирались, присваивались другими колхозниками³⁰.

Описания нарушений землепользования, связанных со сдачей участков в аренду, достаточно редко можно встретить в соответствующих документах, так как соглашения между так называемыми арендатором и сдатчиком не могли быть гласными к обоюдной заинтересованности сторон. К этому виду относятся случаи выделения колхозниками земли на приусадебном участке своим родственникам, как правило, не членам колхоза, в обмен на какие-либо услуги (например, обработку всего участка или за оплату), предоставление должностными лицами земли единоличникам и другим не членам колхоза для посева и чаще сенокошения на определенных условиях³¹. При доказательстве существования сговора виноватыми оказывались обе стороны. В уже упоминаемых случаях выделения колхозных сенокосов членам сельхозартелей в оплату на трудодни в конце 1940-х гг. полученные участки сдавались некоторыми колхозниками посторонним лицам³².

После выхода известного постановления «О борьбе с нарушениями Устава сельхозартели» к работе земельных управлений по надзору за выполнением законодательства о земле активно подключились советские и партийные органы на местах, однако, несмотря на принимаемые меры, число захватов не уменьшилось, очевидно, у крестьян все же оставалась надежда на то, что их нарушения останутся нераскрытыми.

Наиболее распространенными с точки зрения использования захваченной земли нарушениями в 1935–1949 гг. были незаконные покосы на колхозных и неколхозных участках³³. Такого рода «захваты» были легко осуществимы, менее уязвимы для проверок и, вероятно, более всего необходимы для личных хозяйств колхозников и единоличников.

Архивные документы однозначно свидетельствуют, что выявленные в довоенное время «захваты», сделанные единоличниками, в среднем по площади были больше, чем «захваты» колхозников. По данным борьбы с нарушениями в Тарногском районе, средний размер захваченной единоличниками за август–сентябрь 1940 г. земли в пять раз превышал аналогичный показатель «захватов» колхозников, в Ус-

туженском районе, по данным за весну–лето 1940 г., – в восемь раз, в целом по Вологодской области за весь 1940 г. – в четыре раза³⁴. Это объясняется не только более строгим подходом к проверке единоличных землепользователей, но и подтверждает вывод о том, что единоличное хозяйство в условиях конца 1930-х гг. могло обеспечить свое существование, лишь нарушая закон.

Вмешательство государства в механизм функционирования личного хозяйства путем ограничения землепользования встречало отпор со стороны крестьянства Европейского Севера. Размах захватов колхозной земли крестьянами позволяет ставить под сомнение социальную рентабельность аграрных преобразований 1930-х – 1940-х гг. Несмотря на относительную напряженность борьбы за землю, параллельно шел процесс адаптации крестьянских семей к новым земельным порядкам, который к концу 1940-х гг. не был завершен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Решение Вологодского облисполкома «О состоянии земельного учета по колхозам Вологодской области» от 29 октября 1941 г. ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Ф.1705. Оп.11. Д.72. Л.101.

² ГААО (Государственный архив Архангельской области). Ф. 106. Оп. 2. Д. 264. Л. 78.

³ Там же.

⁴ Там же. Оп. 6. Д. 261. Л. 59, 60.

⁵ ГАВО. Ф. 1705. Оп. 11. Д. 3. Л. 149.

⁶ Постановления Главного управления землеустройства СССР: от 9 апреля 1938 г. «О размерах приусадебных участков у колхозников», «О размерах приусадебных участков у единоличников» (ГАВО. Ф. 1705. Оп. 11. Д. 3. Л. 69, 69 об.); Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 января 1939 г. «О нарушении Устава сельхозартели в колхозах», (Там же. Л. 169).

⁷ Разъяснения к упомянутым постановлениям от 9 апреля 1938 г. (Там же. Л. 69, 69 об.).

⁸ Впервые об этом было упомянуто в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 января 1939 г. «О нарушении Устава сельхозартели в колхозах», не подлежащем опубликованию в печати: «Объявить колхозникам, что колхозники, нарушающие Устав сельхозартели, будут исключаться из колхоза без права получения какого-либо участка земли и паевого взноса, а председатели колхозов будут привлекаться к ответственности как допустившие нарушение закона». (ГАВО. Оп. 11. Д. 3. Л. 168).

⁹ ГАВО. Ф. 1705. Оп. 11. Д. 61. Л. 22.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГААО. Ф. 3474. Оп. 12. Д. 3. Л. 2; ГАВО. Ф. 7468. Оп. 7. Д. 45. Л. 16.

¹² ВОАНПИ (Вологодский областной архив новейшей политической истории). Ф. 2522. Оп. 2. Д. 469. Л. 17.

¹³ Там же. Д. 447. Л. 78.

¹⁴ ГАВО. 1705. Оп. 11. Д.14. Л. 42.

¹⁵ Там же. Д. 62. Л. 25 – 27.

¹⁶ Там же. Д. 61. Л. 22. Д. 127. Л. 69.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Рассчитано по приложениям к сводным земельным отчетам Вологодской области за 1946 – 1949 гг. (ГАВО. Ф. 1705. Оп. 11. Д.127. Л.69; Д. 134. Л. 57; Д. 137. Л. 70; Д. 153. Л. 63).

- ¹⁹ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 7486. Оп. 10. Д. 2664. Л. 8, 8 об.
- ²⁰ Там же. Д. 2804. Л. 20.
- ²¹ ВОАНПИ. Ф. 3707. Оп. 1. Д. 53. Л. 207; Д. 54. Л. 117, 118; Д. 55. Л. 28; Д. 60. Л. 212, 255; Д. 61. Л. 13.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 469. Л. 24.
- ²⁴ Там же. Д. 446. Л. 144; Д. 449. Л. 6.
- ²⁵ Там же. Оп. 11. Д. 142. Л. 122.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Д. 141. Л. 41.
- ²⁸ Там же. Д. 142. Л. 147; ГАВО. Ф. 1705. Оп. 11. Д. 134. Л. 15.
- ²⁹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 469. Л. 8; Д. 446. Л. 1 – 7.
- ³⁰ Там же. Л. 24, 28.
- ³¹ Там же. Д. 460. Л. 116.
- ³² Там же. Оп. 11. Д. 141. Л. 41; ГААО. Ф. 3474. Оп. 12. Д. 3. Л. 10.
- ³³ Там же. Д. 446. Л. 137.
- ³⁴ Там же.

Н. В. Гилева

Изменение поселенческой сети на Европейском Севере России в 1960–1970-е гг.

В демографии сельское расселение определяется как «форма территориальной организации жизни населения на внегородских территориях в виде совокупности сельских населенных мест различных типов, предназначенных для временного или постоянного проживания»¹. В категорию сельских населенных пунктов входят все поселения, расположенные в сельской местности².

Для Европейского Севера России в 1960–1970-е гг. были характерны дисперсность сельского расселения и многообразие типов населенных мест. Наряду с крупными поселениями, насчитывающими несколько тысяч жителей, были распространены однодворные населенные пункты (хутора, разъезды) и малые деревни (100–200 жителей и менее). Подобная рассредоточенность сельского населения была обусловлена трудностями сельскохозяйственного освоения земель и отсутствием постоянных путей сообщения в прошлом³. Многовековая история становления системы расселения предопределила низкую плотность населения и формирование малодворных поселений. До начала XX в. освоение изучаемой территории носило сельскохозяйственный характер и сохранило естественный рисунок расселения⁴. В первой половине двадцатого столетия интенсивно шел процесс развития несельскохозяйственных занятий и возникновения населенных пунктов лесопромышленного и транспортного назначения. Параллельно происходило уменьшение числа сельскохозяйственных поселений.

В конце 1950-х гг. наметилась тенденция к объединению сельских поселений во «внутрихозяйственные» системы. Несколько подобных систем могло сосредоточиться вокруг местного центра с предприятиями межхозяйственного значения и образовать «кустовое» поселенческое объединение⁵.

В 1960–1970-е гг. на Европейском Севере России наблюдалось резкое сокращение количества сельских населенных пунктов и уменьшение численности сельского населения (причины этого процесса будут охарактеризованы ниже).

В Архангельской области численность сельского населения сократилась с 601 тыс. в 1959 г. до 409 тыс. чел. в 1979 г., в Вологодской – с 855 тыс. до 548 тыс. чел., в Карельской АССР – с 241 тыс. до 162 тыс. чел., в Коми АССР – с 331 до 325 тыс. чел. соответственно⁶. Данный процесс определил сокращение плотности сельского населения. Из таблицы 1 видно, что с 1959 по 1970 г. показатель числа жителей сельской местности в расчете на 1 кв. км уменьшился в изучаемых областях и Карелии, но несколько увеличился в Коми АССР. К 1979 г. плотность сельского населения снизилась в Вологодской области, Карельской и Коми АССР, в Архангельской области показатель плотности остался на уровне 1970 г.

Таблица 1

СРЕДНЯЯ ПЛОТНОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (число жителей на 1 кв. км)*

Наименование областей, автономных республик	1959 г.	1970 г.	1980 г.
Архангельская область	1,0	0,8	0,8
Вологодская область	5,9	4,7	3,2
Карельская АССР	1,4	1,3	0,9
Коми АССР	0,8	0,9	0,7

* Составлено и рассчитано по: Расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. М., 1975. С. 23, 24; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6121. Л. 4, 5, 57, 107, 108.

В послевоенный период активно менялась сельская поселенческая структура регионов Европейского Севера России. Значительное влияние на интенсивность этого процесса оказала реорганизация ряда районов областей и АССР, сельских советов.

На территории Вологодской области в середине 1950-х гг. были упразднены Оштинский, Петриневский, Чарозерский, Андомский районы. В конце 1950-х гг. прекратили свое существование Биряковский, Борисово-Судский, Ковжинский, Пришекснинский, Лежский, Уломский, Усть-Алексеевский, Шольский, Мяксинский районы⁷.

В Архангельской области в 1958 г. был упразднен Беломорский район, его территория передана в состав Онежского и Приморского районов. Сольвычегодский район вошел в Котласский. В 1959 г. Емецкий район был объединен с Холмогорским районом, Карпогорский – с Пинежским, Ровдинский – с Шенкурским и Вельским районами, Черевковский – с Верхнетоемским районом. Также были упразднены Красноторский, Устьянский, Плесецкий районы⁸.

В Коми АССР с 1960 по 1979 г. число районов увеличилось с 17 до 20. В то же время перестали существовать Железнодорожный, Сторожевский, Летский районы, появились Сыктывкарский, Воркутинский, Вуктыльский, Сосногорский, Усть-Цилемский, Устинский районы⁹.

На территории Карельской АССР в изучаемый период число районов увеличилось с 13 до 14. Был вновь образован Муезерский район¹⁰.

Значительное сокращение числа районов в Вологодской и Архангельской областях было необходимо, так как наличие большого числа административных единиц создавало определенные препятствия эффективному развитию народного хозяйства регионов. Вместе с упразднением ряда районов происходило сокращение чиновничьего аппарата райкомов и райисполкомов, уменьшение фонда заработной платы управленческого персонала.

Некоторое увеличение количества районов в Коми АССР и Карельской АССР было связано прежде всего с появлением на территории автономных республик новых рабочих поселков, интенсивным развитием городов (Сосногорск, Сыктывкар, Воркута).

В 1960–1970-е гг. на Европейском Севере России наблюдалось изменение численности сельских советов. В Вологодской области с 1960 по 1972 г. количество сельских советов уменьшилось с 438 до 382 соответственно, или на 13 %¹¹. На территории Архангельской области с 1960 по 1972 г. число сельских советов сократилось с 324 до 236, или на 27,0%¹². В Карельской АССР количество сельских советов уменьшилось за 1960-е гг. со 130 до 113, или на 13%¹³.

Укрупнение районов, сельскохозяйственных артелей, и следовательно сокращение их числа, привело к уменьшению количества сельских советов на территории Европейского Севера России в 1960-е – начале 1970-х гг. В 1970-е гг. в большинстве районов Вологодской и Архангельской областей, Коми и Карелии территории хозяйственных единиц (колхозов и совхозов) совпадали с территориями сельских советов¹⁴. В среднем на сто сельских советов на Европейском Севере в середине 1970-х гг. приходилось 100–104 хозяйства. Совпадение территории хозяйства с территорией сельского совета, по-видимому, было необходимо. Хозяйственные интересы совпадали с административными, что приводило к единству интересов, способствовало успешно-

му развитию инфраструктуры села, улучшению социально-экономического положения сельских жителей¹⁵.

Административные изменения не могли не сказаться на состоянии сельского расселения. За 1960–1970-е гг. произошло разрежение поселенческой сети в сельской местности изучаемых регионов (см. табл. 2).

Наиболее густая сеть сельских поселений была зафиксирована в Вологодской области (более 853 поселений на 10 тыс. кв. км в 1959 г. и 589 в 1979 г.). В Архангельской области, Карельской и Коми АССР показатель густоты сельских поселений не превышал 100 поселений на 10 тыс. кв. км. Эти населенные пункты были различны по размеру и количеству проживающих в них жителей (см. приложения 1, 2, 3). Данные приложений свидетельствуют о том, что в Архангельской и Вологодской областях в конце 1950-х гг. более 80% поселений составляли сельские населенные пункты с людностью до 100 чел., в них проживало 35% сельского населения в Вологодской и 47% в Архангельской областях. В Карельской АССР и Коми АССР сельские населенные пункты с числом жителей до 100 чел. составляли 67% и 57% соответственно. Значительная часть сельского населения проживала в населенных пунктах с численностью жителей свыше 500 чел. Более 30% населения Европейского Севера концентрировалось в этом типе населенных пунктов. Однако доля поселений с числом жителей свыше 500 чел. в Вологодской и Архангельской областях была сравнительно небольшой (около 2% всех сельских населенных пунктов), в них проживало менее 30% сельского населения. В Коми и Карелии численность подобных поселений была несколько большей, приближаясь к 10%. Процент жителей в крупных сельских населенных пунктах превышал 50%¹⁶.

Таблица 2

ГУСТОТА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ (на 10 тыс. кв. км)*

Наименование областей, автономных республик	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Архангельская область	117,9	89,5	70,2
Вологодская область	853,9	691,0	589,0
Карельская АССР	90,1	62,0	46,1
Коми АССР	38,5	25,4	18,9

* Составлено и рассчитано по: Расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. М., 1975. С. 23, 24; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 2583. Л. 11; Оп. 336. Д. 396. Л. 9, 9 об., 11, 11 об., 16, 16 об., 17, 17 об.

В 1960-е гг. широкий размах приобрел процесс разрушения исторически сложившейся сельской поселенческой сети Европейского Севера России. По данным приложений 1,2,3, с 1959 по 1980 г. в изучаемых регионах общее число сельских населенных пунктов сократилось

с 22 529 до 14 290 (или на 37%). Преобладающая часть пунктов (64%), переставших существовать между переписями населения 1959 г. и 1970 г., пришлась на поселения с людностью менее 100 чел. Особенности сельского расселения в начале 1970-х гг. в Нечерноземной зоне РСФСР нашли отражение в нижеприводимой группировке областей и автономных республик.

1-я группа (Вологодская область, Архангельская область). Доля поселений людностью до 100 чел. постепенно увеличивалась, превышая 80%, в них концентрировалось свыше 35% сельского населения. Доля поселений людностью 100–500 чел. сокращалась при сокращении доли проживающего в них населения. Поселения с людностью свыше 3000 чел. были единичны. Средняя людность поселения имела тенденцию к сокращению и не превышала 100 чел. (65–70 чел.). В Архангельской области доля поселений людностью менее 100 чел. превышала 80% и постепенно сокращалась. С 1959 по 1970 г. число поселений, насчитывающих от 100 до 500 жителей, уменьшилось в два раза. Усиливалась концентрация населения в поселениях людностью свыше 500 чел., в которых проживало 40% сельского населения. Третья часть поселений относилась к лесопромышленному комплексу и не была связана с сельским хозяйством. Средняя людность поселений составляла 90 чел.

2-я группа (Карельская АССР, Коми АССР). В поселениях людностью менее 100 чел. проживало менее 10% сельского населения. Увеличивалась численность населения в населенных пунктах с числом жителей свыше 500 чел., в которых проживало более 60% населения. Средняя людность поселения составила на начало 1970-х гг. 200–340 чел¹⁷.

За последующие 10 лет (с 1970 по 1980 г.) ситуация в сельской поселенческой сети не изменилась кардинальным образом. Несколько возросло число крупных населенных пунктов, но количество мелких оставалось значительным. В Вологодской области доля мелких поселений еще более увеличилась, доля крупных оставалась незначительной. Средняя людность поселений в 1980 г. составила 55 чел. Необходимо отметить, что Вологодчина была особенно неблагоприятной по сложившимся тенденциям в условиях сельского расселения. В Архангельской области незначительно увеличивалось число населенных пунктов людностью от 100 до 500 чел. Средняя людность поселения составила 98 чел. В Карельской АССР и Коми АССР по сравнению с началом 1970-х гг. значительно сократилась численность мелких поселений (до 100 чел.), уменьшилось количество поселений людностью от 100 до 500 чел. Средняя людность поселения в 1980 г. составила в Карелии 205, в Коми – 413 чел¹⁸.

В Коми республике поселенческая сеть сократилась на треть. По данным А. А. Попова и А. Ф. Сметанина, в Коми АССР, в отличие от Архангельской и Вологодской областей, не нашла широкого примене-

ния практика сселения неперспективных деревень. Однако был распространен более «мягкий» вариант – определение населенных пунктов, «не подлежащих дальнейшему развитию»¹⁹. Кроме того, в послевоенные десятилетия на территории Коми ярко проявились процессы урбанизации, нового промышленного строительства.

Особенно ярко процесс трансформации сельского расселения проявился в 1960 – начале 1970-х гг. Колхозная деревня в этот период потеряла значительную часть населения. Данные тенденции были обусловлены претворением в жизнь государственных проектов, направленных на реорганизацию сельской поселенческой сети, на повышение экономической эффективности агропромышленного комплекса, сформулированных еще в 1950-е гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Народонаселение. М., 1994. С. 425.

² Там же. С. 424.

³ Там же. С. 425, 426.

⁴ Солдатова Н. В., Скупинова Е. А. Эволюция и динамика современного расселения Вологодской области// Сельское расселение на Европейском Севере России. Вологда, 1993. С. 97; Фаузер В. В., Парначев А. А., Зайчанова Г. В. Сельское население Республики Коми: численность, состав, расселение. Сыктывкар, 1996. С. 25.

⁵ Народонаселение... С. 425.

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 6121. Л. 45, 57, 107, 108; Оп. 44. Д. 2596. Л. 48; Оп. 47. Д. 1384. Л. 34, 40, 87, 88.

⁷ Вологодская область: административно-территориальное деление (статистический сборник). Вологда, 1974. С. 481.

⁸ Архангельская область: административно-территориальное деление (статистический сборник). Архангельск, 1985. С. 32.

⁹ Коми АССР за 50 лет (статистический сборник): административное деление и население. Сыктывкар, 1971. С. 40.

¹⁰ Карельская АССР за 50 лет (статистический сборник). Петрозаводск, 1967. С. 7, 10.

¹¹ Вологодская область: административно-территориальное деление... С. 481.

¹² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3771. Л. 18; Архангельская область: административно-территориальное деление... С. 4.

¹³ Рассчитано по: Карельская АССР за 50 лет... С. 7, 10. В Коми АССР число сельсоветов осталось на уровне 1959 г.

¹⁴ Рассчитано по: Вологодская область: административно-территориальное деление... С. 481; Архангельская область: административно-территориальное деление... С. 32; Коми АССР за 50 лет... С. 40; Карельская АССР за 50 лет... С. 7, 10; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 36. Д. 8978. Л. 1об., 31об., 152об.

¹⁵ Орфанов И. К. Влияние сферы обслуживания на формирование системы расселения// Расселение и сфера обслуживания (межвузовский сборник научных трудов). Горький, 1985. С. 5.

¹⁶ Рассчитано по: Расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. М., 1975. С. 35, 36.

¹⁷ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3996. Л. 9, 9об., 11, 11об., 16, 16об., 17, 17об.

¹⁸ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 6121. Л. 45, 57, 107, 108.

¹⁹ Попов А. А., Сметанин А. Ф. Коми деревня в советский период. Сыктывкар, 1995. С. 47.

Индустриализация аграрного сектора экономики и ее социальные последствия на Европейском Севере России в 1960-е – 1980-е годы*

Завершив восстановление экономики в послевоенные годы, СССР вступил в новый период своего развития. Стране предстояло завершить индустриальную модернизацию, адекватно ответить на вызов научно-технической революции. К середине 1960-х гг. крупные успехи были достигнуты на целом ряде направлений промышленного развития. В то же время обозначилось явное отставание сельского хозяйства. Классическая колхозная система, существовавшая в 1930-е – 1950-е гг., свою задачу выполнила. Она обеспечила первоначальное накопление капитала для осуществления индустриализации, но не отвечала новому этапу развития страны. Сохранив многие черты традиционного аграрного общества, колхозная деревня уже не могла обеспечить потребности растущего городского населения в продовольствии, а промышленности – в сырье.

Основные положения новой аграрной политики были сформулированы мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК и получили развитие в последующих решениях партийных и государственных органов¹. В качестве долговременных целей провозглашалось ускоренное и устойчивое развитие сельского хозяйства, наращивание объемов общественного производства, повышение эффективности аграрного сектора экономики, постепенное стирание существенных различий между городом и деревней. Магистральным направлением развития аграрной подсистемы стала интенсификация общественного производства, перевод сельского хозяйства на промышленную основу. В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976 – 1980 годы» была поставлена задача: «Последовательно и неуклонно интенсифицировать сельскохозяйственное производство, укреплять его материально-техническую базу. Расширять комплексную механизацию и автоматизацию производственных процессов, химизацию сельского хозяйства и мелиорацию земель. Ускорить внедрение достижений науки, техники и передового опыта. Совершенствовать формы организации и управления сельскохозяйственным производством. Осуществлять его дальнейшую специализацию и концентрацию на базе межхозяйственной кооперации, создания аграрно-промышленных объединений и предприятий»².

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 04 – 01 – 00411 а.

В ходе реализации этого курса аграрный сектор экономики получил от государства существенную поддержку. В СССР за 1966 – 1985 гг. капитальные вложения на развитие сельского хозяйства по всему комплексу работ составили 131,4 млрд. руб., в том числе 108,6 млрд. руб. по объектам производственного назначения, что составило 82,6% общего объема капитальных вложений³. В Северном экономическом районе капитальные вложения в сельское хозяйство увеличивались из пятилетки в пятилетку. Если в 1971 – 1975 гг. они составили 1931,9 млн. руб., в 1976 – 1980 гг. – 3132,7 млн. руб., то в 1981 – 1985 гг. достигли 3571,5 млн. руб.⁴

Большая часть капитальных вложений (около 70%) расходовалась на строительство и оборудование животноводческих помещений, механизированных ферм и комплексов, на водохозяйственное строительство, на приобретение тракторов, транспортных средств, сельскохозяйственных машин, оборудования, инвентаря. В результате за 1965 – 1985 гг. фондообеспеченность колхозов и совхозов в расчете на 100 га сельхозугодий выросла в Архангельской области в 7,5 раза, в Коми АССР – в 9,2 раза, в Вологодской области – в 10 раз. Энергетические мощности в расчете на одного работающего в сельскохозяйственном производстве в Северном экономическом районе с 1975 по 1988 г. увеличились с 18,3 до 47,1 л. с., превысив средний показатель по РСФСР – 45,3 л. с.⁵ В крупных масштабах осуществлялись поставки разнообразной техники. За 1971 – 1980 гг. колхозы и совхозы Архангельской области получили 11374 тракторов, 1462 зерноуборочных комбайна, 5578 грузовых автомобилей, хозяйства Вологодской области – 23070 тракторов, 4497 зерноуборочных комбайнов, 10843 грузовых автомобиля⁶. В Мурманскую область, в Карельскую и Коми АССР поставки тракторов и других сельскохозяйственных машин осуществлялись менее интенсивно, поскольку техническая оснащенность этих регионов была выше.

Рост капиталовложений в сельское хозяйство позволил ускорить механизацию основных производственных процессов. В 1965 г. уровень механизации существенно отличался по регионам Европейского Севера, по отраслям сельскохозяйственного производства и по отдельным операциям. Лучше обстояло дело с подачей воды на свинофермы и комплексы по содержанию крупного рогатого скота, где уровень механизации составлял от 49 до 100%. Раздача кормов и уборка навоза практически повсеместно производились вручную. К началу 1980-х гг. ситуация заметно изменилась. Механизация подачи воды на фермы по содержанию крупного рогатого скота в хозяйствах региона составляла от 93 до 100%, раздача кормов – от 25 до 40%, уборка помещений – от 57 до 90%, доение коров – от 97 до 100%⁷. Медленнее шла механизация труда в растениеводстве, особенно большие слож-

ности возникали с уборкой овощей. В Вологодской области эта операция была механизирована на 26%, в Карелии – на 14%, в остальных регионах практически все овощи убирались вручную.

Рост капиталовложений сопровождался значительным изменением структуры основных производственных фондов. С 1965 по 1985 г. в сельском хозяйстве СССР доля зданий, сооружений и передаточных устройств в структуре основных производственных фондов увеличилась с 51,3 до 64,0%. За этот же период доля машин и оборудования сократилась с 21,2 до 16,8%, а доля рабочего и продуктивного скота, многолетних насаждений и т. д. уменьшилась с 20,6 до 13,1%⁸. Аналогичные процессы проходили в аграрном секторе экономики Европейского Севера России, о чем свидетельствуют данные по Вологодской области, представленные в таблице 1.

Таблица 1

**СТРУКТУРА ОСНОВНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФОНДОВ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В КОЛХОЗАХ И СОВХОЗАХ СССР
И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ в 1975 – 1980 гг.**

	СССР		Вологодская область	
	1975	1980	1975	1980
Сельскохозяйственные производственные основные фонды – всего	100	100	100	100
В том числе:				
Здания, сооружения и передаточные устройства	61,3	63,2	62,4	65,3
Машины и оборудование – всего	17,4	16,9	18,0	17,2
Из них:				
Силовые машины и оборудование	7,3	7,1	7,6	7,3
Рабочие машины и оборудование	9,8	9,4	10,0	9,6
Транспортные средства	3,6	3,5	3,7	3,4
Рабочий скот	0,6	0,4	0,5	0,3
Продуктивный скот	10,9	10,0	12,1	10,5
Многолетние насаждения	3,5	3,4	0,1	0,1
Прочие основные фонды	2,7	2,6	3,2	3,2

Составлено по: Вашуков Л. И. Развитие сельского хозяйства СССР: Цифры и факты. М., 1986. С. 8; ГАВО. Ф. 1703. Оп. 20. Д. 4305. Л. 4 – 5.

Из таблицы видно, что в Вологодской области доля зданий и сооружений производственного назначения, рабочих машин и оборудования в структуре основных производственных фондов была несколько больше, чем в целом по стране. В других областях и республиках

Европейского Севера России этот показатель был еще выше. Так, в 1974 г. доля зданий и сооружений в структуре основных фондов сельскохозяйственного назначения составляла в Мурманской области 79,0%, в Карельской АССР – 72,2%, в Коми АССР – 64,8%. Данный факт свидетельствует о том, что в исследуемом регионе в 1960-е – начале 1980-х гг. процесс индустриализации сельскохозяйственного труда имел ярко выраженный характер. В этот период на Европейском Севере России практически повсеместно строились крупные животноводческие и свиноводческие комплексы, птицефабрики, водохозяйственные сооружения, которые оснащались различными механизмами, контрольно-измерительными приборами и оборудованием. Для таких предприятий были характерны промышленный тип организации труда и высокий уровень его механизации.

Индустриализация сельскохозяйственного труда способствовала значительному сокращению прямых трудовых затрат на получение единицы продукции. С 1965 по 1974 г. в колхозах Архангельской и Вологодской областей затраты труда на получение 1 ц зерновых сократились соответственно с 19,58 и 16,58 человеко-часа до 5,24 и 5,88 человеко-часа, затраты труда на получение 1 ц картофеля – с 4,85 и 6,56 до 2,40 и 2,83 человеко-часа. Внедрение в аграрное производство механизированных процессов способствовало дальнейшему сокращению прямых трудовых затрат. В 1986 г. в колхозах и совхозах Вологодской области на производство 1 ц зерна было затрачено 2,1 человеко-часа, на производство 1 ц картофеля – 2,3 человеко-часа, на производство 1 ц молока и 1 ц мяса крупного рогатого скота – соответственно 6,7 и 31,5 человеко-часов⁹.

Несмотря на сокращение прямых трудовых затрат, себестоимость продукции при некоторых колебаниях постоянно росла. В 1965 г. в колхозах Архангельской области себестоимость производства 1 ц зерновых составляла 17,5 руб., 1 ц картофеля – 5,5 руб., 1 ц молока – 14,2 руб., 1 ц мяса крупного рогатого скота – 86,1 руб. В 1979 г. стоимость производства 1 ц этих продуктов возросла соответственно до 20,1, 13,2, 36,0, 214,0 руб. За этот же период в колхозах Вологодской области себестоимость 1 ц зерновых увеличилась с 14,2 до 18,8 руб., а картофеля, молока и мяса КРС – соответственно с 5,2 до 12,3 руб., с 16,7 до 32,3 руб., с 98,5 до 216,0 руб.¹⁰ Таким образом, за 14 лет себестоимость производства зерновых в колхозах Архангельской и Вологодской областей увеличилась на 15 – 30%, а себестоимость производства картофеля, молока и мяса – в 2 – 2,5 раза.

Рост себестоимости продукции происходил в первую очередь из-за увеличения материальных затрат на ее производство. Динамику этого процесса можно проиллюстрировать на примере производства молока в совхозах Вологодской области.

**СЕБЕСТОИМОСТЬ И СТРУКТУРА ЗАТРАТ ПРОИЗВОДСТВА 1 Ц МОЛОКА
В СОВХОЗАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1965 – 1975 гг.**

Виды затрат	Годы					
	1965		1970		1975	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%
Все затраты	17,8	100	20,4	100	25,4	100
В том числе:						
Заработная плата	6,0	33,7	5,8	28,4	6,3	24,8
Корма	7,9	44,4	9,5	46,6	12,5	49,2
Амортизация	0,5	2,9	0,8	3,9	1,6	6,3
Текущий ремонт	0,3	1,8	0,4	2,0	0,6	2,4
Прочие основные затраты	1,2	6,7	1,6	7,8	2,0	7,9
Общепроизводственные и общехозяйственные затраты	1,9	10,5	2,3	11,3	2,4	9,4

Составлено и рассчитано по: ГАВО. Ф. 1703. Оп. 20. Д. 4306. Л. 123.

Данные таблицы 2 показывают, что удельный вес заработной платы и общехозяйственных затрат в производстве 1 ц снизился соответственно на 9,6% и 1,1%, тогда как затраты на амортизацию, текущий ремонт, корма заметно возросли. В 1986 г. материальные затраты в расчете на 100 руб. валовой продукции составили от 70 руб. в Вологодской области до 95 руб. в Мурманской области. В эти расходы входили стоимость семян и посадочного материала, минеральных удобрений, горюче-смазочных материалов, топлива, электроэнергии, запасных частей и ремонта техники, оплата транспортных расходов.

Насыщение аграрного сектора экономики разнообразной техникой, механизация производственных процессов, внедрение экономических методов управления требовали квалифицированных специалистов и работников. До начала 1970-х гг. общественные хозяйства региона испытывали явный дефицит дипломированных кадров. Должности руководителей хозяйств и главных специалистов часто занимали практики. В 1960 г. среди председателей колхозов Вологодской области лишь 44% имели высшее или среднее специальное образование. С 1970 по 1985 г. численность специалистов с высшим и средним специальным образованием в сельском хозяйстве Северного экономического района увеличилось с 13,2 тыс. человек до 36,8 тыс. человек. Удельный вес специалистов с высшим и средним специальным образованием в колхозах и совхозах региона значительно вырос. В 1986 г. в Архангельской области они составляли 99,4%, в Вологодской области – 92,1%, в Коми АССР – 98,3%, в Мурманской области и в Карелии – 100%¹¹.

Сложнее решались проблемы подготовки и закрепления квалифицированных рабочих кадров на селе. Во всех областях и республиках

Европейского Севера России действовала сеть сельских профессионально-технических училищ, способных обеспечить аграрное производство рабочими всех профессий. Однако престиж сельскохозяйственного труда был подорван, и сельская молодежь в основной массе стремилась уехать в город. Постоянная комиссия по делам молодежи Вологодского областного совета депутатов трудящихся, обсудив в марте 1978 г. вопрос «О работе по закреплению молодых рабочих и колхозников в хозяйствах Бабаевского района», констатировала, что обеспеченность колхозов рабочей силой составляет 70%, совхозов – 88%. За 1976 – 1977 гг. из хозяйств района выбыло 122 механизатора, или 12% их общего состава. Среди основных причин оттока кадров были названы: неудовлетворительные производственные и жилищно-бытовые условия, недостаток детских дошкольных учреждений, столовых, низкий уровень культурного обслуживания. Нередко в отношении молодых рабочих и колхозников допускались нарушения в оплате труда, установленном режиме труда и отдыха. Слабо использовалась такая форма работы, как наставничество опытных работников над молодежью¹².

Аналогичные трудности встречались повсеместно. Удельный вес выпускников сельских школ 1979 г., направленных на работу в сельское хозяйство, составил от 6,5% в Мурманской области до 38,5% в Вологодской области. План по подготовке механизаторских кадров в 1976 – 1980 гг. был выполнен только в Архангельской и Мурманской областях. В результате в 1980 г. в расчете на 100 тракторов в Архангельской области приходился 101 механизатор, в Коми АССР – 104, в Вологодской области – 106, в Карельской АССР – 108, в Мурманской области – 120 механизаторов. Обеспеченность животноводческих ферм и комплексов квалифицированными рабочими кадрами составляла в регионе от 86 до 99%. Однако велика была текучесть кадров. В 1979 г. обновление кадров механизаторов составило от 16% в Вологодской области до 28% в Мурманской области¹³.

Модернизация аграрного сектора экономики предусматривала крупные перемены не только в экономической, но и в социальной сфере. В 1960-е – 1980-е гг. в качестве одного из основных направлений аграрной политики было провозглашено решение таких социальных задач, как усиление социальной однородности советского общества, постепенное стирание существенных различий между городом и деревней. Реализация этих задач наряду с индустриализацией сельскохозяйственного труда привела к серьезным социальным последствиям, главным содержанием которых стало завершение раскрестьянивания российской деревни. В работах М. А. Безнина, О. М. Вербицкой, Л. Н. Денисовой и ряда других исследователей показано, что раскрестьянивание означало ликвидацию основных условий воспроизводства

крестьянского хозяйства (двора)¹⁴. В результате подрастающие поколения не находили себе применения в рамках крестьянского хозяйства и вынуждены были переходить в другие социальные группы. В 1930-е – 1950-е гг. этот процесс был обусловлен установками властных структур на ликвидацию индивидуальных крестьянских дворов, как не соответствующих социалистической системе хозяйствования; жестким налоговым прессом; крайне низкой оплатой труда в колхозах; ограничением приусадебных хозяйств колхозников, что привело к оттоку сельского населения в города. В 1960-е – 1980-е гг. на первый план вышли другие факторы, которые обусловили не только внешнее (переход крестьян в другие социальные группы), но и внутреннее раскрестьянивание, означавшее изменение самого образа жизни крестьян.

Одной из главных причин раскрестьянивания на Европейском Севере России стала ликвидация так называемых неперспективных сел и деревень. Природно-климатические условия и особенности хозяйственной деятельности обусловили преобладание в регионе небольших по численности населенных пунктов. В 1959 г. доля населенных пунктов численностью до 100 человек составляла в Архангельской области 81,8%, в Вологодской области – 84,3%, в Карельской АССР – 66,8%. В них соответственно проживало 33,5%, 46,6% и 14,6% общей численности сельского населения этих регионов¹⁵. С 1959 по 1979 г. количество сельских населенных пунктов сократилось в Архангельской области с 6,9 тыс. до 4,1 тыс., в Вологодской области – с 12,4 тыс. до 8,6 тыс., в Карельской АССР – с 1553 до 796, в Коми АССР – с 1601 до 781¹⁶. В последующие годы активная миграция сельского населения в города продолжалась, что привело к обезлюдению многих населенных пунктов. Поэтому, несмотря на ликвидацию мелких деревень, их доля в 1970-е – 1980-е гг. практически не изменилась в Архангельской и Вологодской областях, поскольку в разряд малолюдных переходили пункты, где ранее проживало достаточно большое количество населения.

За 1966 – 1985 гг. убыль сельского населения в результате миграции в города составила: в Архангельской области 176,6 тыс. человек, в Вологодской области – 249,6 тыс. человек, в Карелии – 108,9 тыс. человек и в республике Коми – 111,3 тыс. человек. Лишь в урбанизированной Мурманской области наблюдался обратный процесс. Здесь сельское население за двадцать лет выросло на 4,6 тыс. человек¹⁷. В результате с 1966 по 1985 г. доля сельского населения в Северном экономическом районе сократилась с 37,8% до 23,8%. Причем сокращение сельского населения шло в первую очередь за счет колхозного крестьянства. С 1960 по 1980 г. число семей (хозяйств) колхозников уменьшилось с 216 941 до 68 329, т. е. почти в 3,2 раза¹⁸. Фактически

колхозных семей не осталось в Карельской и Коми АССР, Мурманской области.

Сохранение большого количества малолюдных населенных пунктов и слабое развитие дорожной сети в регионе создавали серьезные проблемы для властей в реализации социальных программ. В 1960-е гг. значительная часть отдаленных деревень Европейского Севера России не имела таких благ цивилизации, как радио и электричество. В сельской глубинке постоянно не хватало врачей, учителей, работников культуры, практически отсутствовала сфера бытового обслуживания. Сельчане жаловались на отсутствие магазинов, ограниченный ассортимент товаров, низкое качество культурного обслуживания.

Так, житель д. Андреевской Кирилловского района Вологодской области И. Е. Зайцев в октябре 1962 г. обратился с заявлением в ЦК КПСС, в котором писал: «Прошу разобрать просьбу и дать указание низовым органам связи нас вывести из зоны серости, мы тоже люди, и пусть смотрят на нас как на людей». Суть жалобы заключалась в том, что местные власти в течение нескольких лет не могли решить вопрос о радиофикации д. Андреевской, хотя она находилась всего лишь в 2,5 км от радиофицированных населенных пунктов¹⁹. Много нареканий жителей отдаленных сел вызывало плохое транспортное сообщение. В ноябре 1972 г. жители Тигинского сельсовета Вожегодского района Вологодской области обратились в облисполком с просьбой наладить автобусное сообщение с районным центром²⁰. Жители целого ряда населенных пунктов Вытегорского, Кадуйского, Нюксенского районов жаловались на отсутствие в магазинах товаров первой необходимости, возмущались тем, что даже за хлебом приходится ходить за 8 – 12 километров²¹.

Постепенно положение дел в социальной сфере села менялось в лучшую сторону. В регионе в 1970-е – 1980-е гг. развернулось масштабное жилищное и дорожное строительство. Сооружались новые школы, больницы, сельские дома культуры и клубы, спортивные сооружения, развивалась сфера бытового обслуживания. С 1965 по 1988 г. протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием на 1000 кв. км территории увеличилась в Северном экономическом районе с 4,5 до 14,2 км. Обеспеченность сельского населения жильем в конце 1980-х гг. (19,1 кв. м на человека) была в регионе выше, чем в Российской Федерации (17,6 кв. м на человека). По вводу в действие общеобразовательных школ Коми АССР, Вологодская и Архангельская области находились соответственно на 15, 17 и 19 местах среди всех субъектов Российской Федерации²². За 1965 – 1987 гг. объем реализованных бытовых услуг в среднем на одного сельского жителя увеличился в Архангельской области с 2,29 до 27,05 руб., в Вологодской области – с 2,75 до 32,03 руб., в Коми АССР – с 3,38 до 38,94 руб.²³ Та-

ким образом, объем бытовых услуг, предоставленных сельскому населению, вырос более чем в 11 раз. Разрыв между городом и деревней в социально-бытовой сфере несколько сократился, но не был преодолен. В 1980-е гг. миграция сельских жителей в города продолжалась, хотя масштабы ее заметно уменьшились.

Одновременно с сокращением численности сельского населения проходил процесс изменения социально-культурного типа работника, занятого сельскохозяйственным трудом. Этот процесс имел более сложный и скрытый характер, поскольку был связан не только с внешними факторами (место работы человека, форма оплаты труда, наличие приусадебного хозяйства и т. д.), но и с утратой сущностных черт, характеризующих крестьянство. Одним из важных моментов, характеризующих внутреннее раскрестьянивание, было то, что колхозники все больше утрачивали интерес к ведению личного хозяйства. К началу 1960-х гг. приусадебные хозяйства колхозников представляли собой урезанную модель традиционного крестьянского подворья без полевого надела и рабочего скота. Однако даже в таком виде они не только обеспечивали потребности крестьянской семьи в продуктах питания, но и в значительной степени определяли уклад ее жизни. В личном хозяйстве были заняты и работающие члены семьи, и пенсионеры, и дети. В 1965 г. доля затрат труда членов колхозной семьи Вологодской области на ведение приусадебного хозяйства составляла 26,1% от общего объема их трудозатрат.

Уменьшение численности сельского населения привело к сокращению размеров приусадебного земельного фонда. С 1960 по 1980 г. приусадебный фонд в Северном регионе сократился более чем в три раза: с 52,5 тыс. га до 15,3 тыс. га²⁴. Уменьшилась обеспеченность крестьянских хозяйств землей. Практически исчезло такое явление, как борьба крестьян за землю, которая еще в первой половине 1960-х гг. была достаточно массовым явлением. Увеличилось число приусадебных хозяйств с нарушенной отраслевой структурой. В 1978 г. 43% колхозных семей Вологодской области не полностью засевали свои участки. В 1990 г. 35% колхозных дворов не держали никакого скота, 56% не держали коров²⁵.

Важным показателем раскрестьянивания стало то, что хозяйствование на земле уже не являлось главным источником существования крестьянской семьи. По данным бюджетных обследований, в 1960 г. личные хозяйства давали 45,2% совокупного дохода колхозной семьи Вологодской области. В 1989 г. их доля в формировании совокупного дохода колхозной семьи сократилась до 15,6%. Напротив, за этот же период доля дохода от работы в колхозе возросла с 32,5% до 56,8%, доля дохода за счет социальных пособий и выплат от государства – с 3,1% до 16,8%²⁶. Данная тенденция была характерна для страны в це-

лом. С 1965 по 1988 г. в семьях колхозников РСФСР доход от ЛПХ в формировании совокупного дохода сократился с 26,1% до 20,0%, а доход от работы в колхозе вырос с 52,5% до 59,4%²⁷. Решающее значение имел перевод колхозников с 1 июля 1966 г. на гарантированную оплату труда, исходя из норм выработок и тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов. В результате с 1965 по 1988 г. среднемесячная оплата труда колхозников в Северном экономическом районе увеличилась с 41 до 203 руб. и значительно сблизилась со средней заработной платой рабочих и служащих, которая за этот же период выросла со 123 до 261 руб.²⁸ С июля 1964 г. Законом Верховного Совета СССР была введена система государственного пенсионного обеспечения колхозников. В 1970-е – 1980-е гг. пенсионное законодательство колхозников все больше сближалось с пенсионной системой, установленной для рабочих и служащих (возраст выхода на пенсию, размеры пенсионного обеспечения и т. д.). Начиная с 1970 г. на колхозников была распространена система государственного социального страхования.

В связи с индустриализацией аграрного сектора экономики существенно менялся характер крестьянского труда. Усиливалась узкопрофессиональная специализация, в сельскохозяйственное производство внедрялись новые промышленные технологии, организация труда все более приближалась к стандартам промышленности (8-часовой рабочий день, сменный режим работы, отпуска, система оплаты труда). В результате колхозник превращался в наемного сельскохозяйственного рабочего, оплата которого зависела от выполнения определенных операций, а не от конечного результата. Одновременно он все больше отчуждался от принятия хозяйственных решений, от земли и других средств производства.

Существенные перемены наблюдались в социально-культурной сфере деревенской жизни. В 1960-е – 1980-е гг. расширилась сеть культурных учреждений, улучшилась их материально-техническая база, был осуществлен переход к всеобщему среднему образованию. Быстрыми темпами шла урбанизация быта сельских жителей: возросла обеспеченность бытовыми приборами (телевизоры, холодильники, стиральные машины), улучшалось качество жилищных условий (газ, вода, центральное отопление), менялись структура потребления сельских семей и их досуг. В целом эти перемены свидетельствовали о размывании традиционной крестьянской культуры и ее замене урбанистической (городской) культурой.

С утратой традиционных крестьянских черт колхозники превращались в особую социальную группу, в рамках которой в свою очередь происходили процессы дифференциации. Часть колхозников деградировала и пополняла ряды сельских и городских люмпенов. Об этом

говорят многочисленные факты бесхозяйственности, в результате которых происходил массовый падеж скота, пожары, значительные потери урожая при уборке и транспортировке и т. д. Типичным явлением были хищения горюче-смазочных материалов, запасных частей и других материальных ценностей, использование транспорта в личных целях. Постоянная комиссия по социалистической законности и охране общественного порядка Вологодского областного совета народных депутатов констатировала рост мелких хищений государственного и общественного имущества. С 1981 по 1984 г. в области число осужденных за этот вид преступления увеличилось с 988 до 1088 человек, число граждан, привлеченных за мелкие хищения к административной ответственности, увеличилось за этот же период в 2,6 раза²⁹. Комиссия также отметила, что во многих районах области руководители хозяйств и местные власти занимают примиренческую позицию по отношению к такого рода явлениям, что создает благоприятную обстановку для их распространения. Более того, руководители и главные специалисты некоторых хозяйств сами вступали на путь должностных преступлений. В Усть-Кубинском районе Вологодской области в 1985 г. за внесение ложных сведений в отчетную документацию был осужден главный зоотехник совхоза «Усть-Кубинский». Хищение спирта совершили главные ветеринарные врачи совхозов «Герой» и «Уфтюгский»³⁰.

Большой ущерб общественные хозяйства несли от бесхозяйственности и халатного отношения работников к своим обязанностям. В Кирилловском районе Вологодской области только за 9 месяцев 1986 г. в результате несоблюдения правил кормления и содержания животных произошел падеж более 450 голов крупного рогатого скота на сумму 78,9 тыс. руб.³¹

Другая часть колхозников, сохранив такие качества, как ответственность, трудолюбие, инициативность, пыталась бороться с недостатками в общественном хозяйстве или искала возможности для применения своих сил и способностей в рамках существующей хозяйственной системы. В адрес центральных и местных органов власти поступали письма, в которых колхозники и рабочие совхозов отмечали многочисленные факты плохой организации труда, низкой трудовой дисциплины, выражали недовольство работой руководителей хозяйств. В феврале 1985 г. в редакцию газеты «Сельская жизнь» обратился колхозник А. Е. Бабарыкин из Бабаевского района Вологодской области. В своем письме он сообщал о том, что руководители хозяйства, не сумев осенью 1983 г. организовать уборку и вывозку льна, весной следующего года собранный лен сожгли, а оставшийся не убраным запахали в землю. Проверка показала, что такие факты действительно имели место, и колхозу был нанесен ущерб на сумму 7304 руб. Однако виновные не понесли серьезного наказания. С председателя

колхоза в счет возмещения ущерба был удержан месячный оклад в сумме 192 руб.³²

С конца 1980-х гг. в аграрном секторе экономики создаются кооперативы, появляются арендаторы, которые пытаются вести самостоятельное хозяйство. И. Куделин из п. Игмас Нюксенского района Вологодской области в 1989 г. писал в областной комитет КПСС: «...Мы в фермерстве видим перспективу, хотим идти в ногу со временем. Почему Прибалтика, почему не мы? Не надо откладывать на завтра, надо начинать сегодня»³³. В 1990-е гг. эта часть крестьян переходит в разряд фермеров или ведет семейное хозяйство с ориентацией на рынок. Однако число крестьянских фермерских хозяйств было невелико. В 1996 г. в Северном экономическом районе насчитывалось 4147 крестьянских (фермерских) хозяйств, на долю которых приходилось 1,2% общего объема сельскохозяйственной продукции³⁴.

В первой половине 1960-х гг. в крестьянской среде усиливаются процессы имущественного и социального расслоения, обусловленные изменениями в отношениях государства с колхозниками. Система повинностей постепенно заменяется отношениями найма. Это создает условия для формирования деревенской элиты, в которую попадают в первую очередь лица, занимающие высокое положение в колхозной иерархии. Рядовые колхозники остро чувствовали происходившие перемены, которые на их взгляд вступали в противоречие с официальной линией партии и государства на усиление социальной однородности советского общества. В декабре 1964 г. на имя Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина поступило анонимное письмо от колхозников хозяйства «Авангард» Устюженского района Вологодской области, в котором говорилось: «Председатель живет, как раньше были помещики. Понадобился ему мотоцикл ездить из города в деревню на работу – купили, понадобился дом в деревне – купили, но он в нем не живет, ездит в город, там имеет дом. Понадобилась легковая машина – купили, теперь ездит на ней, как царь. Получает 300 рублей, так что ему не жить... А колхозники зарабатывают 10 – 15 рублей в месяц... Председатель, агроном и зоотехник все живут в городе, держат коров, поросят, кормят колхозным сеном, возят сколько им надо, а колхозная скотина к весне вся лежит»³⁵. Проверка письма показала, что все действия председателя и оплата его труда санкционированы собранием уполномоченных колхоза. Оплата труда колхозников составляла от 43 до 52 руб. в месяц и была выше, чем утверждали авторы письма. Тем не менее факт растущего расслоения крестьянства и использования служебного положения колхозной верхушкой для получения дополнительных материальных благ вполне очевиден.

Со второй половины 1960-х гг. процессы социальной дифференциации в деревне набирают силу. Они базировались на индустриали-

зации и капитализации аграрного производства. Поскольку главную роль в производстве сельскохозяйственного продукта стал играть не живой труд, а капитал, особое значение приобретало право распоряжения государственной собственностью. В этих условиях преимущество получают представители местной власти, руководители и специалисты хозяйств, часть механизаторов. Используя властные и должностные полномочия, они игнорируют нормы колхозной демократии, в той или иной форме эксплуатируют колхозную собственность, добиваются для себя различных льгот и привилегий (внеочередное получение квартир, приобретение автомобилей, путевок и т. д.). Со второй половины 1970-х гг. возрастает число случаев купли-продажи земли в сельской местности для постройки дач и приобретения домов с приусадебными участками, что являлось нарушением действовавшего земельного законодательства. О подобных фактах, например, сообщали в Вологодский облисполком колхозники сельхозартели «Земледелец» Вытегорского района³⁶. Весьма распространенным явлением стало использование служебного положения в личных целях. Фактически в стране активно шел процесс формирования протобуржуазных элементов³⁷.

Возможность создания кооперативов и перехода на аренду создавала благоприятный режим для легализации процесса приватизации собственности. А. Забегалин, председатель колхоза «Красный луч» Тарногского района Вологодской области, в качестве положительного примера сообщал в обком КПСС: «Ушли в аренду главный агроном колхоза, экономист, секретарь парткома – они, так сказать, показали пример. На сегодня в нашем хозяйстве 24 арендатора, за которыми закреплена половина колхозных сельхозугодий. Люди приобретают в рассрочку производственные фонды, берутся за дело с перспективой, комплексно. Пример первых зовет за собой других. Уверен, что в скором времени у нас появятся новые арендаторы, и тогда практически все колхозное производство будет переведено на арендные отношения»³⁸. Политические перемены в обществе в начале 1990-х гг. открыли дорогу для изменений в аграрном секторе экономики и, прежде всего, для формирования предпринимательского, товарного или капиталистического уклада.

Таким образом, в 1960-е – 1980-е гг. в аграрном секторе экономики страны господствовал социалистический уклад, который поддерживался идеологическими и административными усилиями властей. Объективные причины обусловили модернизацию аграрной подсистемы, в ходе которой проходили индустриализация и капитализация сельскохозяйственного производства. Экономические процессы обусловили качественные социальные перемены в деревне, главный результат которых выразился, с одной стороны, в завершении раскре-

стягивания российской деревни и пролетаризации крестьянства, с другой стороны, в легализации сельской буржуазии, формировавшейся в недрах советского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О капитальных вложениях на развитие сельского хозяйства в 1966 – 1970 годах: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, 1 апреля 1965 г. // Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965 – 1974 гг.). М., 1975. С. 30 – 31; Об электрификации сельского хозяйства СССР в 1966 – 1970 годах: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, 27 августа 1966 г. // Там же. С. 155 – 159; О мерах по социальному страхованию членов колхозов: Постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС, 27 марта 1970 г. // Там же. С. 419; О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, 20 марта 1974 г. // Там же. С. 889 – 904; О мерах по дальнейшему развитию комплексной механизации сельскохозяйственного производства и оснащению сельского хозяйства высокопроизводительной техникой // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е, доп. и испр. В 14-ти тт. Т. 13. М., 1981. С. 161 – 173; и др.

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 199.

³ Ващуков Л. И. Развитие сельского хозяйства СССР: Цифры и факты. М., 1986. С. 4.

⁴ ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 1. Д. 34. Л. 27 об.

⁵ Там же. Д. 36. Л. 47.

⁶ Там же. Д. 33. Л. 150.

⁷ Там же. Л. 164 – 167.

⁸ Рассчитано по: Ващуков Л. И. Указ. соч. С. 8.

⁹ ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 1. Д. 193. Л. 27 об.

¹⁰ Там же. Д. 28. Л. 627, 631; Д. 33. Л. 247 – 248, 250 – 251.

¹¹ Там же. Д. 34. Л. 36, 38 об.

¹² ГАВО. Ф. 1703. Оп. 21. Д. 2341. Л. 63, 75.

¹³ ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 1. Д. 33. Л. 285, 287, 290.

¹⁴ См.: Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950 – 1965 гг. М.; Вологда, 1992; Вербицкая О. М. Население российской деревни в 1939 – 1959 гг.: проблемы демографического развития. М., 2002; Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960 – 1980-е годы. М., 1996; и др.

¹⁵ ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 1. Д. 101. Л. 35 – 36.

¹⁶ Там же. Д. 101. Л. 35 – 36; Д. 190. Л. 11, 11 об.

¹⁷ Основные показатели развития агропромышленного комплекса Нечерноземной зоны РСФСР. М., 1985. С. 52.

¹⁸ Безнин М. А., Карпов С. Г., Савина Н. В. Приусадебное хозяйство колхозников Европейского Севера России в 1960-х – 1980-х годах. Вологда, 2001. С. 8.

¹⁹ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 21. Д. 173. Л. 237.

²⁰ Там же. Д. 1694. Л. 30.

²¹ Там же. Д. 1847. Л. 8.

²² ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 2. Д. 247. Л. 68, 73, 91.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 164 – 167.

²⁴ Безнин М. А., Карпов С. Г., Савина Н. В. Приусадебное хозяйство колхозников Европейского Севера России в 1960-х – 1980-х годах. Вологда, 2001. С. 31.

²⁵ ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 2. Д. 275. Л. 2.

²⁶ Гулин К. А., Димони Т. М., Карпов С. Г. Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века. Вологда, 2003. С. 49 – 50.

- ²⁷ Бюджеты рабочих, служащих и колхозников в 1975 – 1988 гг. Сборник материалов по данным бюджетных обследований. М., 1989. С. 228.
- ²⁸ ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 2. Д. 247. Л. 31 – 32.
- ²⁹ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 21. Д. 3618. Л. 16.
- ³⁰ Там же. Л. 16, 91.
- ³¹ Там же. Л. 117.
- ³² Там же. Д. 3756. Л. 27, 33, 33 об.
- ³³ ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 2. Д. 250. Л. 4.
- ³⁴ Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия) / Под ред. Е. С. Строева. М., 2001. С. 608, 617.
- ³⁵ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 21. Д. 427. Л. 173 об. – 174.
- ³⁶ Там же. Д. 3391. Л. 33 – 35.
- ³⁷ См.: Безнин М. А., Димони Т. М. Зажиточное крестьянство России во второй половине XX в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 14.
- ³⁸ ВОАНПИ. Ф. 9746. Оп. 2. Д. 250. Л. 6.

К. А. Гулин

Материальное благосостояние населения региона: тенденции, перспективы, регулирование

Уровень и качество жизни населения региона определяются прежде всего его социально-экономическим положением. Рост уровня доходов рассматривается в концепции человеческого развития в качестве одного из основных средств, способствующих расширению возможностей человека и повышению уровня благосостояния¹. Уровень доходов дает представление о материальных возможностях людей, особенно если этот уровень находится ниже черты бедности. Величина доходов отражает возможности людей в обеспечении других базовых компонентов человеческого развития (здоровье и образование), а также в тех сферах жизни, которые непосредственно с ним не связаны. Среди них: возможность путешествовать и отдыхать, общаться с родными и друзьями, приобретать и обустраивать жилье, посещать театры и музеи и т. п. Среднедушевой доход отражает степень включенности жителей региона в мир социальных связей, что проявляется, например, в установленном мировой наукой наличии тесной связи ВВП на душу населения с различными показателями доступа к информации и современным средствам коммуникации².

С начала радикальных социально-экономических преобразований доходы населения области в номинальном выражении постоянно росли, однако основной вклад в этот процесс, за исключением периода 2000–2002 гг., вносила инфляция. Для 1999–2002 гг. была характерна относительная стабилизация материального положения населения. Благодаря этому, судя по данным Вологодского областного комитета

государственной статистики, в 2002 г. удалось на 10% превысить показатель реальных доходов на одного жителя, зафиксированный в 1995 г. и выйти на уровень 1991 г. (табл. 1).

Таблица 1

ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Показатель	Годы								
	1991	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Среднедушевые денежные доходы, руб.*	431	499	699	877	870	1371	1985	2638	3406
В % к уровню СЗФО		89,1	88,9	96,6	86,4	86,0	88,5	87,4	88,5
В % к уровню РФ	92,5	96,8	90,8	93,1	86,0	82,6	87,0	86,2	87,6
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к предыдущему году	-	91,2	92,5	109,2	82,3	89,1	118,8	111,8	111,5
к 1995 г.	-	100	92,5	101,0	83,1	74,1	88,0	98,4	109,7
к 1991 г.	100	91,5	84,6	92,4	76,0	67,7	80,5	90,0	100,3

* 1995–1997 гг. – тыс. руб.

Основным направлением в изменении структуры денежных доходов населения области с начала 1990-х гг. являлось сокращение в ней удельного веса оплаты труда за работу по найму, причем этот процесс оказался более ярко выраженным, чем в целом по России (табл. 2). Если в 1990 г. за счет заработной платы формировалось 74% денежных доходов жителей региона, то в 2000–2002 гг. – 52–53%. Однако этот источник по-прежнему сохраняет ведущую роль в формировании денежных доходов населения. В связи с этим стабилизация и повышение уровня заработной платы будут являться наиболее действенным инструментом региональной политики доходов населения.

Еще одним важнейшим ее инструментом может стать увеличение доходов от предпринимательской деятельности. Удельный вес этого источника в общей структуре денежных доходов населения возрос с 3% в 1991 г. до 11% в 2002 г., но его уровень ниже, чем в среднем по России.

Это позволит в предстоящие годы осуществлять последовательный переход от государственного патернализма к созданию условий

для экономической самостоятельности занятого населения, сопровождая его перераспределением социальных выплат в пользу социально незащищенных слоев населения без увеличения общего уровня этих расходов.

Таблица 2

СТРУКТУРА ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ И РФ (в %)

Год	Территория	Показатели					
		оплата труда	от предпринимательской деятельности	социальные выплаты	от собственности	от продажи валюты	другие доходы
1990	Вологодская обл.	71,0	2,6	16,7	2,2	-	7,5
	РФ	76,4	3,7	14,7	2,5		2,7
1995	Вологодская обл.	47,2	10,0	15,2	10,4	1,4	15,8
	РФ	62,8	16,4	13,1	6,5		1,2
2000	Вологодская обл.	52,1	10,1	14,8	4,3	2,3	16,4
	РФ	62,9	15,2	13,9	6,8		1,2
2002	ВО	52,3	10,5	17,3	4,1	1,8	14,0
	РФ	66,5	12,1	14,7	4,8		1,9

В период 1991–2002 гг. происходил постоянный прирост номинальных размеров среднемесячной заработной платы в расчете на одного трудящегося Вологодской области. Однако параллельный рост уровня потребительских цен замедлял или полностью нивелировал увеличение ее реального уровня (табл. 3). Наиболее ощутимый удар по покупательной способности заработной платы был нанесен финансово-экономическим кризисом 1998 г. В последующий период, в связи с оживлением экономической ситуации в стране, темпы прироста реальной зарплаты значительно возросли, что позволило превысить уровень 1995 г. на 36%. Однако нельзя не отметить тенденции замедления темпов роста реальной заработной платы в 2001–2002 гг., что говорит об ограниченности текущих возможностей выхода этого показателя на новый качественный уровень.

Серьезной проблемой, требующей постановки и решения, является невысокая покупательная способность заработной платы, которая осталась, по сути, на уровне «предкризисного» 1997 г. Так, в 2002 г. на зарплату можно было приобрести 2,25 набора прожиточного минимума трудоспособного жителя области. Среднестатистическая молодая се-

мья из 3 человек, включая одного несовершеннолетнего, может обеспечить только 1,55 набора прожиточного минимума на человека (табл. 3). С формальной точки зрения уровень заработной платы значительно выше. Однако не следует забывать, что прожиточный минимум как критерий бедности изначально был установлен в 1992 г. в качестве временного показателя на переходный период и содержит минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья и обеспечения жизнедеятельности. Представляется, что он должен быть в 3–3,5 раза выше нынешнего уровня.

Таблица 3

ДИНАМИКА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Показатель	Годы								
	1991	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.*	550	562	896	1049	1187	1673	2562	3511	4497
В % к уровню СЗФО		106,2	102,8	99,3	101,8	97,2	101,2	96,1	89,8
В % к уровню РФ	100,4	119,1	113,4	110,4	112,8	109,8	115,2	108,4	101,9
Реальная среднемесячная заработная плата, в % к предыдущему году		88,0	106,5	102,2	94,1	79,9	128,0	116,0	111,8
к 1995 г.	-	100	106,5	108,8	102,4	81,8	104,7	121,5	135,8
к 1991 г.	100								
Наборов прожит. мин. для трудоспособного населения	**	1,80	2,10	2,22	2,14	1,39	2,19	2,50	2,25
Наборов прожит. мин. для семьи из 2 трудоспособных и 1 несовершеннолетнего	**	1,25	1,48	1,56	1,49	1,05	1,51	1,73	1,55

* 1995–1997 гг. – тыс. руб.

** Прожиточный минимум не рассчитывался.

В 1987 г. на конференции ЮНЕСКО в Женеве при обсуждении проблем социально устойчивого развития как норматив была принята минимальная заработная плата в размере 3 доллара в час. Как показывают многочисленные исследования, если среднемесячная заработная плата ниже 350–400 долларов, то начинается процесс вырождения трудового потенциала³. В пересчете это составляет примерно 9,5–12 тыс. руб., что выше среднего уровня заработной платы, зафиксированного в 2002 г. в 2,1–2,7 раза. Если сравнивать с этой цифрой среднедушевой денежный доход жителей региона, то разрыв окажется еще более существенным, достигая 2,8–3,5 раза.

Схожие результаты дает анализ субъективных оценок населением реального веса своих собственных доходов (табл. 4). В период 1997–2003 гг. доходы жителей области, которыми они фактически располагали, составляли более чем в 3 раза меньшую сумму по сравнению с той, которая была необходима, по их мнению, для обеспечения «нормальной» жизни.

Таблица 4

РЕАЛЬНЫЙ ВЕС СРЕДНЕДУШЕВЫХ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ
(по материалам выборочных наблюдений)

Показатели	Годы						
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Фактические доходы населения, руб.*	469	596	712	1094	1594	2106	2410
Величина доходов, необходимых для «нормальной» жизни, руб.*	2267	1913	2785	3747	5204	7168	8006
Отношение величины необходимых доходов к фактическим, в разах	4,8	3,2	3,9	3,4	3,3	3,4	3,3
Отношение величины фактических доходов к необходимым, в %	20,7	31,2	25,6	29,2	30,6	29,4	30,1

* 1997 г. – тыс. руб.

Динамика доходов обуславливала тенденции изменения оценок покупательной способности населения (рис. 1). В период с 1996 по 1999 г. в области отмечалось устойчивое повышение доли населения, доходов которых хватало, по их оценкам, в лучшем случае на приобретение продуктов питания – с 68 до 72%. Решающую лепту в это внесли проблемы массовых задержек и невыплат заработной платы (1996–1997 гг.) и последствий финансово-экономического кризиса (1998–1999 гг.). В последующий период в связи со стабилизацией экономической ситуации в регионе для оценок покупательной способно-

сти доходов характерна заметная стабилизация. Это выразилось в увеличении доли жителей области, доходов которых достаточно для приобретения необходимых товаров (с 24% в 1999 г. до 35% в 2002 г.), и тех, для кого покупка различных товаров не вызывает трудностей (с 4 до 9%). При этом удельный вес «кризисной группы» (тех, кому доходов хватает в лучшем случае на приобретение продуктов питания) сократился с 71 до 53%. Однако приостановка темпов улучшения этих показателей в 2002–2003 г. говорит о том, что при сохранении текущих параметров социально-экономической политики резервы дальнейшей оптимизации оценок остаются ограниченными.

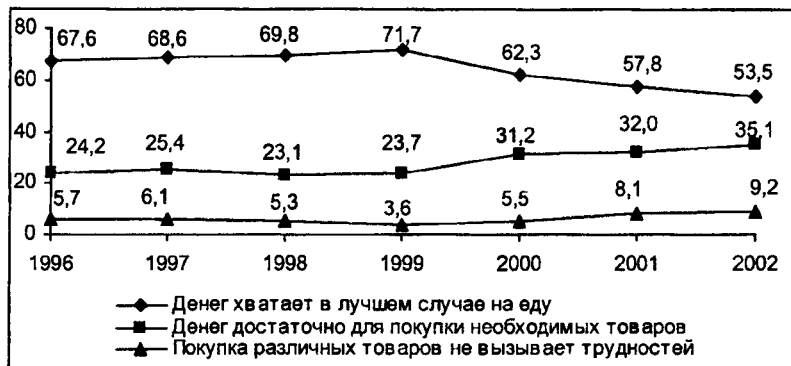

Рис. 1. Оценка покупательной способности населения
(в % к числу опрошенных)

Характеризуя структуру денежных расходов, можно отметить, что основная их часть (табл. 5) направляется населением на текущее потребление (покупку товаров и оплату услуг). Однако доля использования денежных средств по этой статье заметно ниже, чем в среднем по России (57 к 74% в 2001 г.). Напротив, выше общероссийского уровня доля расходов по такой статье, как превышение доходов над расходами (31 к 11%), то есть, по существу, уход части доходов «в тень» и их изъятие из реального оборота финансовых ресурсов в регионе. Подобная ситуация имеет негативные последствия для развития внутреннего потребительского рынка.

По данным статистики в «реформенный» период отмечалось снижение потребления населением области таких продуктов, как мясо и мясопродукты, молоко и молочные продукты, яйцо, сахар (табл. 6). Аналогичные тенденции характерны и для России в целом. Подобный

переход населения на более дешевые и доступные продукты питания свидетельствует о снижении покупательной способности их доходов.

Таблица 5

**СТРУКТУРА ДЕНЕЖНЫХ РАСХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ И РФ (в %)**

Год	Территория	Показатели					
		покупка товаров и оплата услуг	обязательные платежи, взносы	сбережения	покупка иностранной валюты	прочие расходы	превышение доходов над расходами
1990	Вологодская обл.	75,0	11,5	5,9		-	7,6
	РФ	75,3	12,2	7,5		-	5,0
1995	Вологодская обл.	67,5	6,4	6,9	1,8	0,4	17,0
	РФ	70,5	5,6	5,5	14,8	-	3,6
2000	Вологодская обл.	57,8	7,8	4,4	5,3	6,2	18,5
	РФ	77,8	7,8	5,0	6,7	-	2,7
2002	Вологодская обл.	57,2	8,0	3,7	3,0	16,2	11,9
	РФ	73,2	9,2	10,4	5,5	-	1,7

В 2001–2002 гг. появились некоторые положительные изменения в структуре продовольственного потребления жителей области. Так, среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов возросло с 46 кг в 2001 г. до 56 кг в 2002 г., молока и молочных продуктов – с 218 до 235 кг соответственно. Это свидетельствует об улучшении материального положения основной части населения региона. В то же время стандарты потребления основной части населения остаются крайне низкими. Почти по всем позициям потребление продуктов не соответствует рациональным социальным стандартам.

Проблема неравномерного распределения доходов имеет чрезвычайно важное значение, так как затрагивает изменения, происходящие не только в экономической, но и социальной структуре общества. Речь идет о значительно возросшем расслоении людей по уровню их благосостояния, что актуально как для России в целом, так и для Вологодской области в частности (рис. 2). Так, в 1997 г. коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного

населения) в регионе превысил отметку 10 пунктов. Последствия финансово-экономического кризиса, отразившегося в первую очередь на положении высокодоходных слоев населения, вызвали снижение этого показателя до отметки 7 пунктов в 1999 г. Несмотря на общий рост доходов населения области, в 1999–2002 гг. постепенно увеличивалась дифференциация населения по признаку материального благосостояния. Коэффициент фондов (соотношение между доходами 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) возрос с 7,2 до 8,1 раза. При этом, если в 1999 г. на один рубль прироста доходов у нижних 10% населения по объему располагаемых ресурсов приходилось 6 руб. прироста доходов у верхних 10%, то в 2002 г. это соотношение составило 8 к 1.

Таблица 6

**ПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ И РОССИИ**
(на душу населения; в год; килограммов)

Категория продуктов	Годы								
	1991	1995	2002	1991	1995	2002	1991	1995	2002
	кг			в % к норме прожиточного минимума			в % к рациональной социальной норме ⁴		
Мясо и мясопродукты	63	53	56	237	199	211	88	74	78
Молоко и молочные продукты	404	288	235	190	136	111	110	79	64
Яйца, штук	228	180	203	151	119	134	71	56	63
Сахар и кондитерские изделия	34	34	34	164	164	164	83	83	83
Масло растительн. и др. жиры	4	6	12	40	60	120	44	67	133
Картофель	97	122	109	78	98	88	72	90	81
Овощи и бахчевые	69	77	95	73	82	101	55	62	76
Хлебные продукты	114	106	120	87	81	92	99	92	104
Фрукты и ягоды	31	26	37	160	134	191	41	35	49

Коэффициент фондов существенно ниже среднего по России (рис. 2), прежде всего по причине меньшей значимости фактора межрегиональной дифференциации доходов в регионе, а также меньшей концентрации доходов в бюджетах высокодоходных групп населения. Так, коэффициент Джини, показывающий уровень концентрации доходов у наиболее обеспеченных слоев населения, в Вологодской области устойчиво ниже соответствующего среднего показателя по РФ в целом (табл. 7).

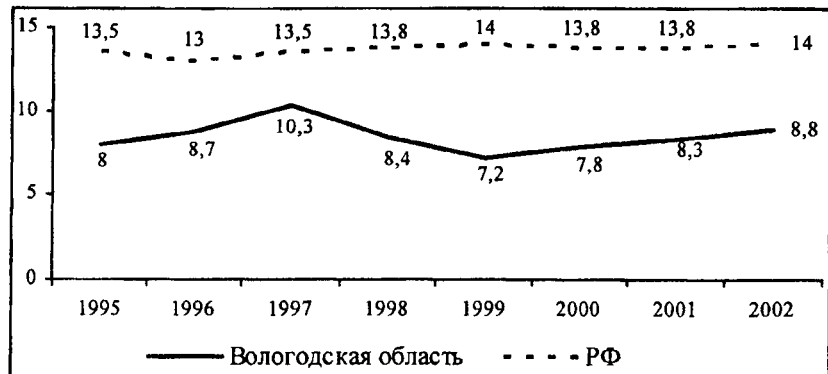

Рис. 2. Дифференциация доходов
(соотношение располагаемых ресурсов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения, в разах)

Таблица 7

**КОЭФФИЦИЕНТ КОНЦЕНТРАЦИИ ДОХОДОВ (ИНДЕКС ДЖИНИ)
В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ И РФ**

Регион	Годы							
	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Вологодская область	0,312	0,323	0,353	0,305	0,279	0,333	0,302	0,320
Российская Федерация	0,381	0,387	0,401	0,399	0,400	0,399	0,396	0,398

Характерной чертой, проявляющейся при анализе доходов населения области, выступает их значительная дифференциация по различным территориальным образованиям (табл. 8). Так, результаты выборочных обследований населения региона показывают, что более всего различаются доходы жителей Череповца и районов области. В 1997 г. доходы череповчан двукратно превышали доходы жителей районов. Затем в результате финансово-экономического кризиса 1998 г., в наибольшей степени ударившего по населению крупных городов, особенно промышленного центра региона – Череповца, разница в доходах жителей этих муниципальных образований несколько сократилась. Однако к 2002 г. исходная ситуация восстановилась: в Череповце средний уровень доходов стал выше среднеобластного на 51%, а среди районных жителей – ниже на 22%. Доходы жителей об-

ластного центра находятся примерно посередине относительно уровня доходов жителей Череповца и районов области.

Таблица 8

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ
ПО МУНИЦИПАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЯМ⁵
(в % от среднего по области объема доходов)**

Доходы населения	Годы					
	1997	1998	1999	2000	2001	2002
В целом по области	100	100	100	100	100	100
Вологда	104	93	99	101	102	92
Череповец	159	133	141	131	145	151
Районы	72	86	78	82	77	78

Значительны региональные различия в уровне заработной платы трудящихся. Если в 1991 г. различия между различными административно-территориальными единицами составляли 1,7 раза (г. Череповец – 678 руб., Чагодощенский р-н – 410 руб.), то в 2002 г. – 2,9 раза (г. Череповец – 6508 руб., Тарногский р-н – 2271 руб.). С начала 1990-х гг. устойчиво выделяется г. Череповец, где уровень заработной платы примерно в 1,5 раза превышает среднеобластной (в 1990 г. – лишь на 14%). В 2002 г. в Бабушкинском, Вашкинском, Верховажском, Кичменгско-Городецком, Междуреченском, Никольском, Тарногском, Устюженском районах уровень заработной платы был ниже 60% от среднеобластного уровня.

Существенной причиной расслоения людей по уровню доходов в первую очередь следует считать различия в размере оплаты труда по различным отраслям экономики (табл. 9). Относительно высокая оплата труда традиционно для Вологодской области имеет место в промышленности, а также сферах строительства и общей коммерческой деятельности по обеспечению функционирования рынка. Значительно уступает этому уровню заработная плата работников сельского хозяйства и отраслей социальной сферы: здравоохранения, сферы физической культуры и спорта, социального обеспечения, образования, культуры и искусства, науки, ЖКХ и бытового обслуживания. Заработная плата двух членов семьи, занятых в бюджетной сфере (около 6000 руб.) едва обеспечивают даже самые минимальные потребности семьи из трех человек с ребенком (5800 руб. в 2002 г.).

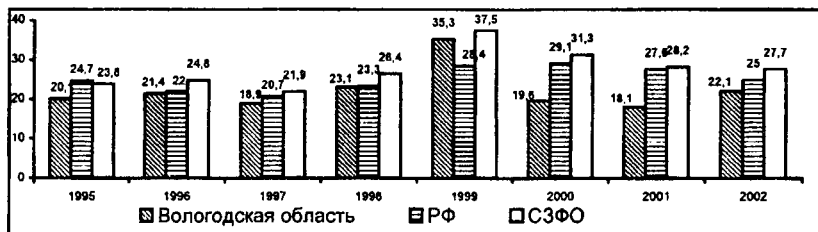
Стабилизация социально-экономического положения в стране и регионе в 2000–2002 гг. привела к сокращению групп населения с низким уровнем материального достатка. По данным Вологодского областного

комитета государственной статистики численность населения региона с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2000–2001 гг. была ниже одной пятой части от его общей численности, что было существенно ниже общероссийского уровня (рис. 3). В 2002 г. удельный вес этой группы возрос до 22%, приблизившись к общероссийскому показателю. Следует учитывать, с одной стороны, что постоянный пересмотр методик Госкомстата делает весьма затруднительными объективные межвременные сопоставления, а с другой – что величина прожиточного минимума является крайне низкой и не дает возможностей для полноценного воспроизводства человеческого потенциала. Реальный уровень бедности в регионе, по нашим оценкам, в 2–2,5 раза выше.

Таблица 9

**СООТНОШЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОТНИКОВ
ПО НЕКОТОРЫМ ОТРАСЛЯМ ЭКОНОМИКИ**
(в % от среднего по области уровня заработной платы)

Отрасли	Годы								
	1991	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
В среднем по области	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Промышленность	114	123	120	123	125	129	132	128	126
Сельское хозяйство	92	57	59	58	56	56	53	59	63
Транспорт	111	114	117	116	118	121	113	110	121
Связь	77	90	93	101	100	103	96	92	95
Строительство	121	124	112	120	122	104	115	125	111
Торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение	82	90	97	92	96	81	86	93	85
Общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка	-	126	84	187	229	185	133	119	126
ЖКХ, производств. виды бытового обслуживания	78	87	85	87	87	77	73	73	72
Здравоохранение, физ. культура, спорт, соц. обеспечение	74	70	70	68	70	81	72	64	71
Образование	68	59	64	61	58	60	59	58	64
Культура и искусство	63	51	60	54	53	54	54	53	60
Научные организации	95	71	60	73	59	61	56	63	77
Управление	90	90	99	104	113	102	97	93	100

**Рис. 3. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума
(в % к общей численности населения)**

В рамках теории человеческого развития считается, что более равномерное распределение человеческого богатства скорее ускоряет человеческое развитие, чем замедляет его. Эта позиция обосновывается многочисленными эмпирическими исследованиями в странах мира с различным социально-экономическим положением. В частности, закон убывающей полезности дохода объясняет, почему более эгалитарное распределение дает больший эффект для человеческого развития. В этом случае при прочих равных условиях ускоренно прогрессируют бедные группы населения. Отдача от прироста дохода для здоровья и образования у богатых ниже, чем у бедных⁶.

Таблица 10

**СТРУКТУРА ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ
ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ОБЪЕМУ РАСПОЛАГАЕМЫХ РЕСУРСОВ**
(1 группа – 10% наименее обеспеченного, 10 группа – 10% наиболее обеспеченного)

Группа	Весь денежный расход		В том числе											
			на покупку продуктов питания		на покупку алкогольных напитков		на покупку непродов. товаров		на оплату услуг		налоги, сборы, платежи		другие расходы	
	1999	2002	1999	2002	1999	2002	1999	2002	1999	2002	1999	2002	1999	2002
1	2,7	2,4	3,4	3,5	1,1	1,4	1,7	1,6	2,7	2,7	2,6	2,4	1,1	0,3
2	3,9	3,7	5,0	5,2	1,8	2,1	2,9	2,7	3,5	3,9	3,8	3,7	1,7	0,8
3	4,9	4,7	5,9	6,5	2,5	2,8	3,8	3,5	5,4	5,3	4,3	5,0	2,7	1,3
4	6,0	5,8	7,4	7,5	3,6	3,5	4,5	4,9	6,1	6,4	4,8	5,6	4,0	1,6
5	7,2	6,9	8,5	8,5	3,6	4,5	5,2	6,4	8,3	7,7	6,0	6,8	5,9	1,8
6	9,0	8,0	9,7	9,5	8,1	6,1	7,9	7,2	9,2	9,2	8,2	9,3	10,0	2,3
7	11,1	10,0	11,6	11,2	14,5	8,2	10,2	9,7	11,4	9,7	10,5	11,0	8,9	6,0
8	13,3	12,2	13,2	12,9	10,4	10,1	12,8	13,1	15,9	13,8	12,9	14,9	13,3	2,8
9	16,5	16,1	15,4	15,2	20,8	15,5	17,4	19,7	16,2	14,6	18,5	16,0	17,2	10,3
10	25,4	30,3	19,9	20,0	33,7	45,8	33,6	31,1	21,2	26,7	28,4	25,3	35,1	72,9

Однако анализ статистических данных по области за последние несколько лет демонстрирует ускоренный прирост располагаемых ресурсов именно у высокодоходных слоев населения. Если в 1999 г. на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 25% общего объема денежных расходов в регионе, то в 2002 г. – 30% (табл. 10). Удельный вес всех остальных групп, напротив, снизился. В то же время переход на единую шкалу подоходного налога привел к тому, что вклад верхних 10% населения в общий объем налогов, сборов и платежей сократился с 28 до 25%. Повысилось налоговое бремя для средних слоев населения (группы с 3 по 8). Самым принципиальным моментом является перераспределение ресурсов по показателю «другие расходы», включающему в себя сбережения и накопление средств в различных формах. Здесь доля верхней группы возросла с 35 до 73%, а всех остальных – принципиально сократилась. Этот процесс показывает все большее расхождение жизненных стандартов немногочисленной экономической элиты регионального сообщества и ставит большие преграды на пути формирования среднего класса как основы устойчивого социально-экономического развития региона.

Кризис 1998 г. привел к увеличению и без того преобладавшей доли населения области, относящего себя к «бедным» и «нищим». В 1999 г. она в 3 раза превосходила удельный вес «людей среднего достатка» (23%) и «богатых» (0,3%). В последующие три года ситуация улучшилась. Доля категорий с низким и крайне низким статусом к 2002 г. сократилась до 49%, представительство социальных групп со средней статусной оценкой увеличилось до 40%, «богатых» – до 2% (рис. 4). Для сохранения социальной устойчивости необходимо сокращение доли населения, относящего себя к низшим категориям, до трети в общем его составе, для устранения причин массовых негативных психологических состояний, налаживания конструктивного диалога в региональном сообществе (между разными доходными категориями, с одной стороны, и между основной частью населения и региональной властью – с другой) и повышения социального оптимизма как минимум до 20% (из них «бедные» – 15%, «нищие» – 5%).

Обобщенные итоги анализа материального благосостояния населения региона приведены в таблице 11.

В связи с этим в качестве миссии региональной социальной политики будет выступать, с одной стороны, повышение материального благосостояния населения, с другой – сокращение уровня бедности в регионе.

МАТРИЦА SWOT-АНАЛИЗА МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Сильные стороны	Слабые стороны
<p>Наличие производств, позволяющих обеспечивать своим работникам относительно высокие стандарты потребления. Устойчивая позитивная динамика реальных доходов населения в последние годы.</p> <p>Возрастная структура населения позволяет снижать бремя социальных расходов.</p> <p>Наличие обширных контингентов работников, имеющих базовое профессиональное образование и навыки к переподготовке/повышению квалификации.</p>	<p>Высокий уровень бедности. Межтерриториальная дифференциация доходов населения.</p> <p>Дисбаланс доходов и возможностей материального обеспечения различных социально-профессиональных категорий трудящихся.</p> <p>Низкие стандарты потребления основной части населения.</p>
Возможности	Угрозы
<p>Ускоренная индексация заработной платы и социальных выплат.</p> <p>Повышение производительности труда.</p> <p>Наличие «ниш» для развития предпринимательской активности населения.</p> <p>Развитие регионального потребительского рынка, прежде всего сферы услуг.</p>	<p>Догоняющий или опережающий рост цен на потребительские товары и услуги.</p> <p>Сохранение верховенства «стандартов выживания» в региональной социальной политике.</p> <p>Усиление дифференциации доходов и концентрации располагаемых ресурсов у высокодоходных слоев населения.</p> <p>Сохранение неблагоприятных внешних условий для развития малого бизнеса.</p>

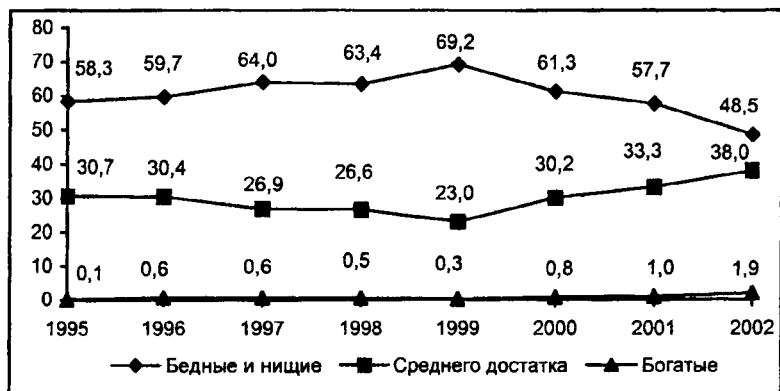

Рис. 4. Динамика социальной самоидентификации населения (в % к числу опрошенных)

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН сделал расчеты прогнозного характера на период 2002–2010 гг., согласно которым:

- реализация прожиточного минимума в среднем по населению в рамках социальной модели требует его двукратного увеличения в сравнении с установленным в 2000 г.;
- при условии, что минимальная оплата труда не должна быть ниже прожиточного минимума, к 2010 г. ее рост составит почти 7 раз;
- при увеличении минимальной оплаты в 7 раз и снижении дифференциации на 40% средняя заработная плата увеличится более чем в 3 раза;
- с учетом роста пенсионного обеспечения, а также снижения уровня безработицы и повышения соответствующего пособия средний денежный душевой доход увеличится в 3,5 раза, а социальная поляризация доходов уменьшится на 30%;
- при названных условиях доля работников, имеющих заработок ниже минимума, составит 9%, а доля населения с доходом ниже прожиточного минимума – 10,5%⁷.

Подобные прогнозы общероссийского характера совпадают с нашими представлениями об основных тенденциях развития социально-экономического положения населения Вологодской области на 2002 – 2010 гг. Возможные варианты прогнозов динамики материального благосостояния населения региона представлены в таблице 12.

Таблица 12

СЦЕНАРНЫЕ ПРОГНОЗЫ ДИНАМИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Показатели	Годы			
	2002	2005	2007	2010
Сценарий «Пессимистический»				
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к предыдущему году	112	102	98	92
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к 2002 г.	100	100	100	100
Соотношение среднедушевого денежного дохода и ПМ, в разах	1,87	1,90	1,90	1,90
Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения)	8,8	9,0	9,4	10,0
Доля населения со среднедушевыми доходами ниже ПМ, в %	23	26	31	40
Доля бедного населения по самооценкам	54	57	63	72
Сценарий «Инерционный»				
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к предыдущему году	112	103	102	101

Показатели	Годы			
	2002	2005	2007	2010
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к 2002 г.	100	116	122	128
Соотношение среднедушевого денежного дохода и ПМ, в разах	1,87	2,11	2,36	2,79
Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения)	8,8	8,2	7,8	7,6
Доля населения со среднедушевыми доходами ниже ПМ, в %	23	20	20	20
Доля бедного населения по самооценкам	54	50	50	50
Сценарий «Оптимистический»				
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к предыдущему году	112	115	115	110
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к 2002 г.	100	143	189	250
Соотношение среднедушевого денежного дохода и ПМ, в разах	1,87	2,22	2,72	3,58
Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения)	8,8	7,8	7,0	5,5
Доля населения со среднедушевыми доходами ниже ПМ, в %	23	16	13	10
Доля бедного населения по самооценкам	54	42	34	25

Изменение региональной политики в сфере распределительных отношений должно быть направлено на реализацию главной цели – в 2010 г. установить минимум оплаты труда на социально необходимом уровне и сократить дифференциацию в доходах до приемлемых размеров (оптимистический сценарий). Согласно расчетам, реальный минимум оплаты труда к 2010 г. должен составлять 3500 руб. (в ценах 2002 г.), а средний ее уровень – 11 000 руб. Это позволит сократить неравенство по коэффициенту фондов до 5,5 раза, численность работников с заработной платой ниже прожиточного минимума – до 5–7%. Базой таких оценок служит прожиточный минимум, установленный в конце десятилетия, который качественно отличается от его уровня, характерного для 2000 г., и в сопоставимых ценах в 2,2 раза его выше.

Для продолжения позитивных тенденций в экономике и социальной сфере, характерных для периода 2000 – 2002 гг., необходима реализация активной социальной политики, направленной на повышение благосостояния жителей области. Усилия властей всех уровней должны направляться на решение следующих вопросов:

– устойчивое повышение реальных доходов граждан, сокращение доли бедного и малоимущего населения посредством умелого использования таких инструментов, как гибкое налогообложение, увеличение

доли заработной платы в себестоимости продукции, увеличение занятости и т.д.;

- повышение размеров пенсий, развитие системы негосударственного пенсионного обеспечения, более широкое применение практики «антиинфляционных» адресных доплат к пенсиям;

- организация эффективной системы социальных пособий, льгот и компенсационных выплат на основе адресности их предоставления;

- увеличение занятости населения путем создания новых рабочих мест, содействия развитию малого бизнеса, привлечения безработных к выполнению сезонных и общественных работ.

Этапы реализации:

Первый этап (2004–2005 гг.): поддержка позитивных тенденций в материальном благосостоянии населения (рост реальных денежных доходов в 1,4 раза к уровню 2002 г.); ликвидация задолженности и обеспечение своевременной выплаты заработной платы; приближение минимальной заработной платы к прожиточному минимуму; создание реальных условий для расширения личностной экономической активности жителей региона в форме малого предпринимательства; ликвидация резких диспропорций в оплате труда различных социально-профессиональных категорий (отклонения заработной платы в отраслях от средней по экономике – не выше 25%); сокращение дифференциации в доходах различных социальных групп населения (коэффициент дифференциации – до 7–8 раз); сокращение размеров бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума) до 16%.

Второй этап (2006–2007 гг.): установление минимальной оплаты труда на уровне прожиточного минимума, существенное (в 1,9 раза к уровню 2002 г.) повышение реальных доходов основной массы населения, ликвидация резких диспропорций в оплате труда различных социально-профессиональных категорий (отклонения заработной платы в отраслях от средней по экономике не превышают 20%); значительное сокращение дифференциации в доходах различных социальных групп населения (коэффициент дифференциации – до 7 раз); сокращение уровня бедности до 13%.

Третий этап (2008–2010 гг.): увеличение реальных располагаемых денежных доходов населения в 2,5 раза по отношению к 2002 г.; сокращение масштабов бедности до уровня 10%; снижение дифференциации в доходах крайних групп до 5,5 раза; дальнейшее сокращение диспропорций в оплате труда различных социально-профессиональных категорий (отклонения заработной платы в отраслях от средней по экономике не превышают 10%); налаживание эффективных механизмов социальной защиты нуждающихся групп населения; формирование широкого ядра «среднего класса» (не менее 50%) как основы устойчивого развития региона на долгосрочную перспективу.

- ¹ Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. М., 2000. С. 126.
- ² Там же. С. 128–130.
- ³ Львов Д. С. Экономика развития. М., 2002. С. 291–292.
- ⁴ Рассчитано по: Вологодская область: движение к рынку. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1995. С. 81.
- ⁵ По результатам опросов общественного мнения, проведенных ВНКЦ ЦЭМИ РАН на территории Вологодской области в 1997 – 2001 гг. Периодичность опросов – 6 раз в год. Объем выборки – 1500 респондентов.
- ⁶ Человеческое развитие... С. 134.
- ⁷ Социальная защита населения / Под ред. д.э.н., проф. Н. А. Румашевской. М., 2002. С. 138.

Т. М. Димони

Роль сельского хозяйства в формировании валового продукта и национального дохода России и СССР в 1930–1980-е гг.*

Важнейшими показателями роли сельского хозяйства в экономике страны служат данные о его удельном весе в формировании национального дохода и валового продукта. Не случайно этим вопросам всегда уделялось особое внимание руководством страны при оценке уровня развития экономики, а также, что для нас особенно интересно, при определении стадийного состояния общества, степени «превращения из страны аграрной в страну индустриальную».

Данные, приведенные в 1930 г. в политическом отчете ЦК ВКП (б) XVI съезду партии И. В. Сталиным, свидетельствовали, что в 1928/29 г. доля сельского хозяйства в валовой продукции всего народного хозяйства СССР составляла 51,3%, доля промышленности – 48,7%¹. В 1934 г. в отчетном докладе ЦК XVII съезду ВКП (б) И. В. Сталин привел сведения о том, что удельный вес сельского хозяйства в валовой продукции СССР (в ценах 1926/27 г.) составлял в 1930 г. 38,4%, в 1931 г. – 33,3%, в 1932 г. – 29,3%, в 1933 г. – 29,6%². Данные балансов народного хозяйства, подготовленные ЦСУ, показывают, что в СССР в 1935 г. валовая продукция промышленности составляла 44% валовой продукции народного хозяйства, а сельского хозяйства – 15%; в 1940 г. доля промышленности была равна 58%, сельского хозяйства – 26% всей валовой продукции СССР³. Таким образом, по официальным данным в течение 1930-х гг. в структуре валовой продукции стра-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 04-01-00411а.

ны произошел крупный структурный сдвиг в сторону индустриальной составляющей. Эта направленность развития была еще более четко выраженной в послевоенный период. В созданном валовом общественном продукте РСФСР доля продукции сельского хозяйства составляла в 1965 г. 14%, в 1970 г. — 11%, в 1975 г. — 8%⁴.

Доля сельского хозяйства в национальном доходе СССР также сокращалась. В 1928 г. она составляла 39% национального дохода страны (доля промышленности — 29%), в 1930 г. — 30% (доля промышленности — 36%)⁵. В 1940 г. национальный доход формировался за счет сельского хозяйства на 29% (за счет промышленности — 51%), в 1960 г. — на 21% (за счет промышленности — 53%), в 1970 г. — на 22% (за счет промышленности — 51%)⁶. Более высокие показатели удельного веса сельского хозяйства в национальном доходе по сравнению с его удельным весом в валовом продукте страны были связаны с иной, чем в промышленности, структурой затрат, и прежде всего с тем, что в сельском хозяйстве была выше доля затрат живого труда.

Приведенные выше официальные сведения о доле сельского хозяйства в валовом продукте и национальном доходе неоднократно анализировались в научной литературе. Эти проблемы освещались в работах известных ученых-экономистов А. Л. Вайнштейна, Ю. А. Белика, Л. Г. Марина, Б. П. Плышевского, М. В. Колганова и других исследователей⁷. Рассматривая обнародованные органами государственной статистики показатели структуры национального (валового) дохода, они отмечали, что к этим данным нужно подходить с осторожностью, так как показатели валового дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, как правило, исчислялись в ценах реализации соответствующих лет, которые, как известно, были до 1953 г. беспрецедентно низкими. Так, проведенное ЦСУ СССР в 1937 г. сопоставление национального дохода в разных ценах показало, что при исчислении стоимости натуральной части продукции по ценам колхозного рынка доля сельского хозяйства в национальном доходе СССР составляла 37% (доля промышленности — 44%). Тогда как при исчислении стоимости натуральной продукции по ценам плановых заготовок доля сельского хозяйства не превышала 18% (доля промышленности в этом случае равнялась 59%)⁸.

Многие экономисты и в последующие годы отмечали, что фактическая доля сельского хозяйства в национальном доходе страны выше, чем это регистрировали органы официальной статистики. Например, И. Ф. Суслов, используя собственную методику расчета, построенную на взаимосвязи долей категорий хозяйств (личных приусадебных хозяйств колхозников, рабочих и служащих, колхозов, совхозов) в валовом доходе и в национальном доходе, пришел к выводу, что доля сельского хозяйства в производстве национального дохода в середине 1960-х гг. составляла не менее 27% (по официальным расчетам ЦСУ —

21%)⁹. В. Старовский указывал на некорректность отнесения всего налога с оборота к национальному доходу промышленности. По его расчетам, в случае распределения налога с оборота и на продукцию сельского хозяйства в этой отрасли создавалось в 1964 – 1965 гг. не менее 34–35% национального дохода¹⁰. По расчетам, проведенным в 1970–1980-е гг. рядом научно-исследовательских институтов методом учета затрат живого труда, выходило, что реальная часть национального дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, в 1970 г. равнялась 29%, в 1975 г. – 27%, в 1988 г. – 29%¹¹.

Таким образом, трансформация аграрного общества в индустриальное происходила медленнее, чем это показывали данные официальной статистики. Кроме того, несмотря на постепенное снижение удельного веса продукции сельского хозяйства в стоимости валовой продукции народного хозяйства и национальном доходе, аграрная подсистема в течение всего исследуемого периода достаточно долго сосредоточивала значительную массу рабочей силы, была опорой формирования экономической базы страны. Особенно рельефно это проявлялось в формировании источников национального накопления и фондов общественного потребления.

В качестве основного источника накопления средств, необходимых для индустриализации страны, изначально рассматривались колхозы. Целью создания колхозного строя, как неоднократно провозглашал И. В. Сталин, был вывод сельского хозяйства из «мелкокрестьянского» состояния, стремление к тому, чтобы сделать сельское хозяйство «способным к накоплению и расширенному воспроизводству»¹². Изъятие средств из сельского хозяйства по различным каналам развивалось в 1930-е гг. в прогрессивной динамике. Так, если в промышленности СССР оставалось в 1929, 1930 гг. не менее 40% созданной за год продукции (по ценам соответствующих лет), в 1937 г. – 39%, то сельское хозяйство смогло «оставить» в своей отрасли в 1929, 1930 гг. 35% от произведенного за год, в 1937 г. – 34%. Соответственно большую часть произведенного в своей отрасли сельское хозяйство передавало за ее пределы. Если в 1929 г. промышленность передала за пределы своей отрасли 14% произведенной за год продукции в ценовом выражении, в 1930 г. – 16%, в 1937 г. – 13% (в том числе в сельское хозяйство не более трети переданной всем другим отраслям продукции), то из сельского хозяйства было изъято за пределы отрасли в 1929 г. 22% произведенной за год продукции в ценовом выражении, в 1930 г. – 24%, в 1937 г. – 26% продукции (в том числе в промышленность соответственно 85, 83, и 96% от всего количества переданной другим отраслям продукции)¹³.

В 1946 – 1953 гг. из сельского хозяйства СССР был изъят продукт стоимостью 298 млрд. руб., а перемещен туда продукт из других сфер народного хозяйства стоимостью только 193 млрд. руб.¹⁴

Перераспределение средств из сельского хозяйства шло преимущественно путем завышения цен на продукцию других отраслей и занижения цен на продукцию сельского хозяйства, а также регулирования соотношения между размерами созданного и реализованного валового и чистого доходов.

Расчеты показывают, что в 1962 г. из сельского хозяйства РСФСР через систему цен и налог с оборота было изъято 78% созданного чистого дохода, в том числе 58% чистого дохода, созданного в колхозах (у промышленности этими же путями было изъято лишь около 40% чистого дохода). После финансирования предприятий из госбюджета в итоге у сельского хозяйства от собственного чистого дохода осталось 68% созданного в отрасли чистого дохода (у колхозов – 42%), у промышленности – 79% созданного чистого дохода¹⁵.

Перераспределение средств из сельского хозяйства являлось сохранявшимся устойчивым принципом экономической политики на протяжении всего периода существования колхозного строя, хотя масштабы этого перераспределения в 1970–1980-е гг. достаточно заметно сократились (табл. 1).

Однако и в 1970–1980-е гг. косвенным путем из сельского хозяйства изымалось и в ходе межотраслевого товарного обмена перераспределялось 30% и более созданной чистой продукции. Конечно, этот показатель был ниже, чем уровень изымаемой из сельского хозяйства продукции в 1930–1960-е гг., шло постепенное выравнивание условий хозяйствования отраслей, формирование принципов экономической политики государства, характерных для капитализированного общества.

Развивая высказанную М. А. Безниным идею о плодотворности применения концепции многоукладности для характеристики аграрного строя России 1930–1980-х гг., проанализируем роль различных укладов, взаимодействовавших в аграрной подсистеме страны. Можно с уверенностью говорить о том, что до середины 1960-х гг. ведущую роль в создании валового продукта и национального дохода сельского хозяйства играли колхозы и приусадебные хозяйства колхозников (табл. 2, 3).

Приведенные показатели свидетельствуют о большом месте, занимаемом в экономике «старокрестьянским» и близким к нему по сути в 1930–1950-е гг. колхозным укладом. Вместе с приусадебными хозяйствами колхозы РСФСР производили в середине 1930-х – 1940-е гг. 80% и более валовой продукции сельского хозяйства¹⁶. Быстро капитализировавшийся совхозный уклад превысил долю колхозов в валовой продукции сельского хозяйства лишь в середине 1970-х гг. Но если

учитывать сельхозпродукцию, произведенную в хозяйствах населения, то место этого уклада в колхозный период истории России так и не стало безусловно господствующим.

Таблица 1

**МАСШТАБЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЧИСТОЙ ПРОДУКЦИИ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР**

В сред- нем за год	Создан- ная чистая про- дукция (млрд. руб.)	Реализованная чистая продукция в действительных ценах		Перераспределение национального до- хода через отклонение цен от стоимости			
		млрд. руб.	в %	реализовано че- рез цены других отраслей		получено через цены других отрас- лей	
				млрд. руб.	в % к создан- ной про- дукции	млрд. руб.	в % к создан- ной про- дукции
1971- 1975	92,9	63,5	68,4	29,4	31,6	22,7	24,4
1976- 1980	108,8	70,7	65,0	38,1	35,0	32,5	29,9
1981- 1985	151,7	97,8	64,5	53,9	35,5	40,8	26,9
1986- 1988	175,8	123,5	70,3	52,3	29,7	36,3	20,6

Источник: Чистая продукция сельского хозяйства, ее распределение и использование. М., 1989. С. 13.

Таблица 2

**УДЕЛЬНЫЙ ВЕС КАТЕГОРИЙ ХОЗЯЙСТВ В ВАЛОВОЙ ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА СССР (1935 – 1944 ГГ.)**

Категория хозяйств	1935 г.	1937 г.	1940 г.	1944 г.
Совхозы	12	6	4	11
Колхозы	46	52	45	56
Приусадебные хозяйства колхозников	35	35	37	19
Единоличные хозяйства	7		14	8
Подсобные хозяйства рабочих и служащих	н. св.	7	н. св.	6

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 317. Л. 24; Д. 446. Л. 30; Д. 694. Л. 1; Д. 819. Л. 34. Данные за 1935 г. – в ценах 1932 г., за 1937 г. – в среднетоварных ценах; за 1940 г. – в фактических ценах, за 1944 г. – в ценах 1926–1927 гг.

**УДЕЛЬНЫЙ ВЕС КАТЕГОРИЙ ХОЗЯЙСТВ В ВАЛОВОЙ ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА РСФСР (1960–1975 гг.)**

Категории хозяйств	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.
Совхозы	22	28	33	39
Колхозы	38	35	35	31
Приусадебные хозяйства колхозников	23	37	32	30
Подсобные хозяйства рабочих и служащих	17			

Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 8254. Л. 1; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976. С. 149, 274, 283. Данные за 1960 г. – в фактических ценах; за 1965 – 1975 гг. – в сопоставимых ценах 1965 г.

Еще одной особенностью народнохозяйственного комплекса советского периода был высокий удельный вес колхозов в национальном доходе, создаваемом в сельском хозяйстве. Народнохозяйственные балансы дают возможность подсчитать, что в СССР в 1937 г. колхозы давали 58% национального дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, а вместе с приусадебными хозяйствами колхозников – 94%. В 1940 г. – колхозы формировали 43% национального дохода СССР, создаваемого в сельском хозяйстве (вместе с продукцией колхозных дворов – 89%)¹⁷. Доля колхозов в формировании национального дохода сокращается лишь в 1960-е гг. (табл. 4).

Но все же и в 1965 г. колхозы формировали 35% национального дохода сельскохозяйственной отрасли РСФСР (госхозы – 20%), а в 1970 г. – 33% (госхозы – 28%). И лишь к 1975 г. колхозы и совхозы сравнялись в доле участия в создании национального дохода. Высоким оставалось в 1960–1970-е гг. доленое участие в формировании национального дохода хозяйств населения.

Таблица 4

**ПРОИЗВЕДЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РСФСР
ПО КАТЕГОРИЯМ ХОЗЯЙСТВ (в ценах соответствующих лет; млрд. руб.)**

Категории хозяйств	1965 г.	1970 г.	1975 г.
Всего в сельском хозяйстве	19,8	29,7	25,2
В том числе:			
государственные хозяйства	3,9	8,4	6,7
колхозы	6,9	9,8	6,7

Категории хозяйств	1965 г.	1970 г.	1975 г.
хозяйства населения	9,0	11,5	11,8

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1074. Л. 104.

Таким образом, сельское хозяйство вносило весомый вклад в формирование валового продукта и национального дохода страны. Тем не менее до 1980-х гг. сохранялась традиция высокого уровня изъятия из сельского хозяйства, что свидетельствует о бытовании в экономической системе наследственных черт аграрного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сталин И. Сочинения. Т. 12. М., 1953. С. 265.

² Сталин И. Сочинения. Т. 13. М., 1953. С. 310.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 317. Л. 17 (в млн. руб. по ценам 1935 г.); Д. 694. Л. 1 (в фактических ценах 1940 г.).

⁴ Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1074. Л. 13 (валовая продукция промышленности в оптовых ценах предприятий от 7 июля 1967 г.; валовая продукция сельского хозяйства в сопоставимых ценах 1965 г.).

⁵ Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг. М., 1932. С. 105.

⁶ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 694. Л. 1; Вайнштейн А. Народный доход России и СССР. История. Методы исчисления. Динамика. М., 1969. С. 111.

⁷ Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. История. Методология исчисления. Динамика. М., 1969; Калганов М. В. Национальный доход. М., 1959; Кац В. Народный доход и его распределение. М., 1932; Плышевский Б. П. Распределение национального дохода СССР. М., 1960; Белик Ю. А. Национальный доход СССР. М., 1961; Марин Л. Г. Как исчисляется национальный доход СССР. М., 1963; и др.

⁸ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 446. Л. 3–8.

⁹ Эффективность сельскохозяйственного производства. М., 1967. С. 11.

¹⁰ Наухацкий В. В. Аграрная политика в СССР в 1965 – 1990 годах: проблемы разработки и реализации. Ростов-на-Дону, 1996. С. 35–36.

¹¹ Методика определения национального дохода, создаваемого в сельском хозяйстве и других отраслях материального производства. М., 1970. С. 9; Чистая продукция сельского хозяйства, ее распределение и использование. М., 1989. С. 11.

¹² Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И. Сочинения. Т. 12... С. 144–145.

¹³ Подсчитано по: Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг. М., 1932. С. 94; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 446. Л. 15.

¹⁴ Распяльников В. Г., Дерюгина И. В. Сельскохозяйственная динамика. XX век. Опыт сравнительно-исторического исследования. М., 1999. С. 281.

¹⁵ Рассчитано по: Кассиров Л. Н. Плановые показатели и хозрасчетные стимулы. М., 1965. С. 139–140.

¹⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. Статистический ежегодник. М., 1971. С. 159.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 446. Л. 7–8 (натуральная часть продукции колхозов и колхозных дворов оценена по среднетоварным ценам); Д. 694. Л. 1. (данные за 1940 г. рассчитаны в фактических ценах).

СПИСОК научных трудов М. А. Безнина

Монографии, учебные пособия

1. Материальное положение колхозников Российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. Ч. I. Вологда: ВГПИ, Северное отделение Археографической комиссии АН СССР, 1988.
2. Материальное положение рабочих и колхозников. 1950–1965 гг. Ч. II. Вологда: ВГПИ, Северное отделение Археографической комиссии АН СССР, 1989.
3. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда: Институт истории СССР АН СССР, Археографическая комиссия АН СССР, ВГПИ, 1989.
4. Крестьянское хозяйство в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М.; Вологда: Институт истории СССР АН СССР, ВГПИ, 1990.
5. Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950-е–1965 гг. Ч. I. Вологда: Институт истории СССР АН СССР, ВГПИ, 1990.
6. Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950-е–1965 гг. Ч. II. Вологда: Институт истории СССР АН СССР, ВГПИ, 1990.
7. Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950-е–1965 гг. Ч. III. Вологда: Институт истории СССР АН СССР, ВГПИ, 1990.
8. Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950 – 1965 гг. Вологда: Институт истории СССР АН СССР, ВГПИ, 1990.
9. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М.; Вологда: Институт истории СССР АН СССР, ВГПИ, 1991.
10. Приусадебное хозяйство колхозников Европейского Севера России в 1960–1980-е гг. Вологда: ВГПУ, 2001. (В соавторстве).
11. Повинности российского крестьянства в 1930 – 1960-х годах. Вологда: ВГПУ, ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. (В соавторстве).
12. Крестьянские бюджеты в 1940 – 1960-е гг. Вологда, 2002.

Редактирование монографий и сборников научных трудов

13. Вклад северного крестьянства в материальную и духовную культуру и его значение в решении проблем агропромышленного комплекса Нечерноземной зоны РСФСР: Тезисы годичного собрания Проблемного объединения и Северного отделения Археографической комиссии (Советский период). (Главный редактор). Вологда: ВГПИ, 1984.
14. Социально-экономическое развитие северной деревни (советский период). (Главный редактор). Вологда: ВГПИ, 1988.

15. Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период). (Главный редактор). Вологда: ВГПИ, 1992.
16. Крестьянское хозяйство: история и современность: Материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда, октябрь 1992. Ч. I. (Главный редактор). Вологда: ВГПИ, 1992.
17. Крестьянское хозяйство: история и современность: Материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда, октябрь 1992. Ч. II. (Главный редактор). Вологда: ВГПИ, 1992.
18. Устюжна: Историко- литературный альманах. Вып. 1. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПИ, 1992.
19. Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 2. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПИ, 1993.
20. Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПИ. (Главный редактор). Вологда: ВГПИ, 1993.
21. Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПИ, 1994.
22. Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПИ. Вып. 2. (Главный редактор). Вологда: ВГПИ, 1994.
23. Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПИ, 1994.
24. Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПИ, 1994.
25. Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Материалы конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. (Главный редактор). Вологда: ВГПИ, 1995.
26. Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 3. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПИ, 1995.
27. Тотьма: Историко-литературный альманах. Вып. 1. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПИ, 1995.
28. Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып 3. (Главный редактор). Вологда: ВГПУ, 1995.
29. Вожега: Краеведческий альманах. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПУ, 1995.
30. Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПУ, 1995.
31. Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПУ, 1996.
32. Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. 4. (Главный редактор). Вологда: ВГПУ, 1996.
33. Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПУ, 1997.

34. Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 2. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПУ, 1997.
35. Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. 5. (Главный редактор). Вологда: ВГПУ, 1997.
36. Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПУ, 1997.
37. Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: ВГПУ, 1997.
38. Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: «Легия», 1998.
39. Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. 6. (Главный редактор). Вологда: ВГПУ, 1998.
40. Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 3. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: «Легия», 1998.
41. Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: «Легия», 1999.
42. Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. 7. (Главный редактор). Вологда: ВГПУ, 1999.
43. Чагода: Историко-краеведческий альманах. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: «Ардвисура», 1999.
44. Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 4. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: «Легия», 2000.
45. Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: «Легия», 2000.
46. Северная деревня в XX в.: актуальные проблемы истории. Сборник статей. (Главный редактор). Вологда: ВГПУ, 2000.
47. Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. 8. (Главный редактор). Вологда: ВГПУ, 2000.
48. Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: «Легия», 2000.
49. Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: «Легия», 2000.
50. Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: «Легия», 2001.
51. Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 3. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: «Легия», 2001.
52. Северная деревня в XX в.: актуальные проблемы истории. Сборник статей. Вып. 2. (Главный редактор). Вологда: «Легия», 2001.
53. Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. 9. (Главный редактор). Вологда: ВГПУ, 2001.
54. Северная деревня в XX в.: актуальные проблемы истории. Сборник статей. Вып. 3. (Главный редактор). Вологда: «Легия», 2002.

55. Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 5. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: «Леги́я», 2002.
56. Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. (Главный редактор серии альманахов). Вологда: «Леги́я», 2002.
57. Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. 10. (Главный редактор). Вологда: ВГПУ, 2002.
58. Северная деревня в XX в.: актуальные проблемы истории. Сборник статей. Вып. 4. (Главный редактор). Вологда: ВГПУ, 2003.
59. Гулин К. А., Димони Т. М., Карпов С. Г. Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века. Вологда, 2003. (Научный редактор).

Другие печатные труды

60. Библиография совхозов Европейского Северо-Востока РСФСР 60–70-х годов // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: Северный археографический сборник. Вып. 7. Вологда: Археографическая комиссия АН СССР, ВГПИ, 1979.
61. О некоторых проблемах изучения культуры современной совхозной деревни // Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры: Тезисы годичного собрания Проблемного объединения и Северного отделения Археографической комиссии. Вологда: ВГПИ, 1980.
62. Современная литература о совхозных рабочих Северо-Востока Европейской части РСФСР в 60–70-е годы // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: Северный археографический сборник. Вологда: Археографическая комиссия АН СССР, Коми филиал АН СССР, ВГПИ, 1980.
63. Подготовка студентов к военно-патриотическому воспитанию в школе // Проблемы улучшения качества профессиональной подготовки и идейно-патриотического воспитания студентов (тезисы докладов научно-методической конференции). Вологда: ВГПИ, 1980. (В соавторстве).
64. Социальный облик совхозных рабочих Европейского Севера РСФСР в годы 8-й и 9-й пятилеток // Проблемы социально-правовой и культурной истории северного крестьянства: (Советский период). Вологда: ВГПИ, 1982.
65. Совхозные рабочие Европейского Севера РСФСР в годы 8-й и 9-й пятилеток: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1983.
66. Охрана и использование документальных памятников истории и культуры // Советские архивы. 1983. № 6.

67. К вопросу о фондообеспеченности сельскохозяйственного производства на Европейском Севере в 70-е годы // Теоретическая конференция молодых ученых ВГПИ: Тезисы докладов. Вологда: ВГПИ, 1984.

68. Источники и формы пополнения рабочих кадров совхозов Европейского Севера в 60–70-е годы // Вклад северного крестьянства в материальную и духовную культуру и его значение в решении проблем агропромышленного комплекса Нечерноземной зоны РСФСР: Тезисы годичного собрания Проблемного объединения и Северного отделения Археографической комиссии (Советский период). Вологда: ВГПИ, 1984.

69. Половозрастная структура и образовательный уровень рабочих совхозов северной части Нечерноземья в 60–70-е годы // История и культура Архангельского Севера в годы Советской власти. Вологда: ВГПИ, АГПИ, 1985.

70. Изменение уровня и структуры денежных доходов колхозников и рабочих совхозов северного Нечерноземья в 60-е–начале 70-х гг. // Роль КПСС в формировании и совершенствовании социалистического образа жизни (на материалах Европейского Севера). Сыктывкар, 1985.

71. К изучению материального благосостояния рабочих совхозов северной части российского Нечерноземья в 1965–75 гг. // История СССР. 1986. № 1.

72. Бюджетные обследования как источник для изучения истории колхозного крестьянства 50–60-х гг. (на материалах северной части Нечерноземья) // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. XXI сессия Всесоюзного Симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. М.: АН СССР, 1986.

73. Методические рекомендации к организации самостоятельной работы студентов по курсу «История СССР» (с древнейших времен до конца XVII века). I курс дневного отделения Вологда: ВГПИ, 1986. (В соавторстве)

74. Роль колхозного крестьянства в формировании кадров рабочих совхозов (на материалах северного Нечерноземья в 60–70-е годы) // Союз рабочих, колхозников и интеллигенции на этапе совершенствования социалистического общества. Рабочий класс СССР на современном этапе. Вып. 12. Л.: ЛГУ, 1987.

75. Денежные доходы и расходы колхозников Нечерноземья в первой половине 50-х годов // Октябрь и северное крестьянство (агропромышленный комплекс на современном этапе; Европейский Север как памятник отечественной и мировой культуры). Вологда: Институт истории СССР АН СССР, ВГПИ, 1987.

76. Изменения в структуре доходов семей колхозников Северо-Западного экономического района за период 1953–1963 гг. // Социально-экономическое развитие Европейского Севера: Тезисы региональной научной конференции. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1987.

77. Сближение уровня материального благосостояния рабочего класса и колхозного крестьянства в 50–60-е годы как фактор преодоления социально-классовых различий (на материалах северного Нечерноземья) // Союз рабочих, крестьян и интеллигенции автономных республик РСФСР в условиях социализма. Чебоксары: Чувашский университет, 1987.

78. К вопросу о трудовой активности колхозников северного Нечерноземья в первой половине 50-х годов // Партийное руководство повышением социальной активности трудящихся Европейского Севера в условиях строительства и совершенствования социализма. Сыктывкар: Пермский университет, 1987.

79. Методические рекомендации к организации самостоятельной работы студентов I курса заочного отделения по курсу «История СССР» (с древнейших времен до конца XVIII века). Вологда: ВГПИ, 1988. (В соавторстве).

80. Личное подсобное хозяйство колхозников Российского Нечерноземья в I половине и середине 50-х гг. // Социально-экономическое развитие северной деревни (советский период). Вологда: ВГПИ, 1988.

81. Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье в первой половине 50-х годов // Социально-экономическое развитие северной деревни (советский период). Вологда: ВГПИ, 1988.

82. Личное подсобное хозяйство колхозников Российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. XXII сессия Всесоюзного Симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. М.: АН СССР, 1989.

83. О материальном благосостоянии колхозников автономных республик и областей Северного Нечерноземья в 50-е–начале 60-х годов // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Сыктывкар: Уральское отделение АН СССР, 1989.

84. Значение бюджетных обследований в изучении истории колхозного крестьянства и совхозных рабочих 50–60-х гг. (на материалах Российского Нечерноземья) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1989. Т. 20.

85. Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье (1959–1965 гг.) // История СССР. 1989. № 1.

86. Численность крестьянских дворов и эволюция семьи колхозника Нечерноземной зоны РСФСР в 1950–1965 гг. (проблемы и источники) // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР: Тезисы выступлений на республиканской научной конференции. Вологда, 2–5 июня 1989. Ч. I. Вологда: Институт истории СССР АН СССР, ВГПИ, 1989.

87. Источник изучения материального благосостояния северной деревни 50–60-х гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: Петрозаводский университет, 1989.

88. Землепользование крестьянского двора в Российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. // История СССР. 1990. № 3.

89. Крестьянский двор на Европейском Севере в 1950–1965 гг. // Европейский Север: история и современность: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Петрозаводск: Отделение истории АН СССР, Петрозаводский университет, 1990.

90. Крестьянская базарная торговля в Нечерноземье в 50-е–первой половине 60-х годов // История СССР. 1991. № 1.

91. Колхозный двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1991.

92. Планово-распределительный и рыночный механизм в аграрной сфере 1960–80-х гг. // Аграрный рынок в его историческом развитии. XXIII сессия Всесоюзного Симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. М.: АН СССР, 1991.

93. Отечественная история 1946–1991 гг. (Учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета). Вологда: ВГПИ, 1992.

94. Двор русского крестьянина-колхозника // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства. (Советский период). Вологда: ВГПИ, 1992.

95. Крестьянский двор Российского Нечерноземья в 1950–1965 годах // Отечественная история. 1992. № 3.

96. Раскрестьянивание России // Крестьянское хозяйство: история и современность: Материалы к Всероссийской научной конференции. Ч. I. Вологда: Институт истории России РАН, ВГПИ, 1992.

97. Классовая борьба в советской колхозной деревне (к постановке проблемы) // Крестьянское хозяйство: история и современность: Материалы к Всероссийской научной конференции. Ч. II. Вологда: Институт истории России РАН, ВГПИ, 1992.

98. К читателю// Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда: ВГПИ, 1992. (В соавторстве).

99. К истории репрессий 30-х гг. (предисловие и публикация) // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПИ, 1993.

100. Методические рекомендации и планы семинарских занятий по курсу Отечественной истории (с древнейших времен до начала XVII в.). Вологда: ВГПИ, 1993. (В соавторстве).

101. Современные концепции аграрного развития (выступление на семинаре по книге А. Мандра) // Отечественная история. 1994. № 2.

102. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х–1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. (В соавторстве).

103. Исторический очерк деревень Алекино, Леонтьевщина, Уткино // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПУ, 1997. (В соавторстве)

104. Социально-демографические процессы в российской деревне 1930–1960-х гг. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. XXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М.: ИРИ РАН, 1998.

105. История России 1946–1990-е гг. (Методические материалы). Вологда: ВГПУ, 1998. (В соавторстве).

106. Реферат, курсовая и дипломная работы. (Методические рекомендации). Вологда: ВГПУ, 1998. (В соавторстве).

107. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. (В соавторстве)

108. Демографическое развитие // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 1999. (В соавторстве).

109. Общество // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 1999. (В соавторстве).

110. Семья // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 1999. (В соавторстве).

111. Социализация // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 1999. (В соавторстве)

112. Социальное неравенство // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 1999. (В соавторстве).

113. Социальная система // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 1999. (В соавторстве).

114. Социальные изменения // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 1999. (В соавторстве).

115. Труд // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 1999. (В соавторстве).

116. Demographische Entwicklung // LEXIKON DTR SOZIALEN ARBEIT, Bochum 1999. (В соавторстве).

117. Gesellschaft // LEXIKON DTR SOZIALEN ARBEIT, Bochum 1999. (В соавторстве).
118. Familie // LEXIKON DTR SOZIALEN ARBEIT, Bochum 1999. (В соавторстве).
119. Sozialisation // LEXIKON DTR SOZIALEN ARBEIT, Bochum 1999. (В соавторстве).
120. Soziale Ungleichheit // LEXIKON DTR SOZIALEN ARBEIT, Bochum 1999. (В соавторстве).
121. Soziales System // LEXIKON DTR SOZIALEN ARBEIT, Bochum 1999. (В соавторстве).
122. Sozialer Wandel / soziale Veränderungen // LEXIKON DTR SOZIALEN ARBEIT, Bochum 1999. (В соавторстве).
123. Arbeit // LEXIKON DTR SOZIALEN ARBEIT, Bochum 1999. (В соавторстве).
124. Зажиточное крестьянство России во второй половине XX века (тезисы) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М.: ИРИ РАН, 2000. (В соавторстве).
125. К вопросу об имущественной и социальной дифференциации крестьянства во II половине XX века // Северная деревня в XX в.: актуальные проблемы истории: Сборник статей. Вологда: ВГПУ, 2000. (В соавторстве).
126. Демографическое развитие // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 2001. (В соавторстве).
127. Семья // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 2001. (В соавторстве).
128. Социализация // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 2001. (В соавторстве).
129. Социальное неравенство // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 2001. (В соавторстве).
130. Социальная система // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 2001. (В соавторстве).
131. Социальные изменения // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 2001. (В соавторстве).
132. Труд // Лексикон социальной работы. Вологда: ВГПУ, 2001. (В соавторстве).
133. Зажиточное крестьянство России во второй половине XX в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда: ВГПУ, 2001. (В соавторстве).
134. Повинности российских колхозников в 1930 – 1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. (В соавторстве).

135. Поземельные отношения в России второй половины XX века // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Тезисы докладов и сообщений XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2002. (В соавторстве).

136. Завершение раскрестьянивания в России (вторая половина XX века) // Россия в XX веке. Реформы и революции. М., 2002. (В соавторстве).

137. Аграрный строй России в 1930 – 1980-е гг. // Северная деревня в XX в.: актуальные проблемы истории. Вып. 3. Вологда, 2002.

138. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда: «Легия», 2003. (В соавторстве).

139. Денежные доходы крестьянства Европейского Севера России в 1950–1980-х гг. // Северная деревня в XX в.: актуальные проблемы истории. Вып. 4. Вологда, 2003. (В соавторстве).

140. Аграрный строй и поземельные отношения в России в 1930–1990-е гг. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. (В соавторстве).

СПИСОК

**аспирантов и тематика кандидатских диссертаций,
защищенных под научным руководством
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
доктора исторических наук, профессора М. А. Безнина**

1996 год

Димони Т. М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России).

1997 год

Артемова О. В. Крестьянский двор на Европейском Севере (вторая половина 1930-х – 1940-е годы).

1999 год

Малахов Р. А. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России 1918 – 1920-х годов (на материалах Архангельской и Вологодской губерний).

Гулин К. А. Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965 – 1985 гг.

2000 год

Савина Н. В. Приусадебное хозяйство крестьянства Европейского Севера России в 1965 – начале 1980-х гг.

Перебинос Ю. А. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России 1930-х годов.

2001 год

Изюмова Л. В. Повинности колхозного крестьянства на Европейском Севере России в конце 1930-х – 1950-е гг.

Гилева Н. В. Демографические процессы в колхозной деревне Европейского Севера России в 1960 – 1970-е гг.

2002 год

Кукушкин В. Л. Социальный протест крестьянства Европейского Севера России в 1918 – 1920-х гг. (на материалах Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний).

2004 год

Бондаренко С. Я. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России в 1940-е – начале 1950-х гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей).

Содержание

К читателю	3
Михаил Алексеевич Безнин – ученый, историк-аграрник (к 50-летию со дня рождения) (подготовила <i>Т. М. Димони</i>).....	4
<i>Безнин М. А., Димони Т. М.</i> Аграрный строй России в 1930–1980-е гг. (Доклад на ученом совете Института российской истории РАН 18 марта 2004 г.).....	13
<i>Коновалов Ф. Я.</i> Областная программа по выпуску альманахов «Старинные города Вологодской области».....	25
<i>Дружинин Е. Р.</i> Объявление о доходах с помещичьих имений 1812 г. как источник по истории поместного дворянства	30
<i>Голикова Н. И.</i> Землепользование государственных крестьян в конце XIX – начале XX в. (по материалам Вологодской губернии).	36
<i>Смирнов Ю. А.</i> «Старослужащие» в составе Вологодского губисполкома в 1919 г.: численность и должностной состав.	43
<i>Саблин В. А.</i> Крестьянское животноводство на Европейском Севере в 1917 – 1920-е гг.	60
<i>Кашенкова В. С.</i> Крестьянские строения на Европейском Севере России в первой половине 1920-х гг.	73
<i>Малахов Р. А.</i> Из истории органов управления региональной промышленностью в 1918 – 1920-х гг. (на материалах Европейского Севера России).	80
<i>Глумная М. Н.</i> «Антимашинные настроения» в колхозах Европейского Севера в конце 1920-х – начале 1930-х гг.	93
<i>Перебинос Ю. А.</i> Деловые и личные отношения провинциальных чиновников в 1930-е гг. (на материалах Европейского Севера России)	103
<i>Шубин С. И.</i> На Вологодчине знали другого Сталина.....	116
<i>Конасов В. Б.</i> Жизнь и смерть командарма	128
<i>Артемова О. В.</i> Борьба крестьян Европейского Севера России за землю во второй половине 1930-х – 1940-х гг.	134
<i>Гилева Н. В.</i> Изменение поселенческой сети на Европейском Севере России в 1960–1970-е гг.	144
<i>Карпов С. Г.</i> Индустриализация аграрного сектора экономики и ее социальные последствия на Европейском Севере России в 1960–1980-е гг.	150
<i>Гулин К. А.</i> Материальное благосостояние населения региона: тенденции, перспективы, регулирование.	164
<i>Димони Т. М.</i> Роль сельского хозяйства в формировании валового продукта и национального дохода России и СССР в 1930–1980-е гг.	181
Список научных трудов <i>М. А. Безнина</i>	188
Список аспирантов и тематика кандидатских диссертаций, защищенных под научным руководством заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора <i>М. А. Безнина</i>	198